

Вестник

*Московского государственного
областного университета*

**СЕРИЯ
«ИСТОРИЯ И
ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ»**

№ 2

**Москва
Издательство МГОУ
2007**

**Вестник
Московского государственного
областного университета**

Научный журнал основан в 1998 году

Редакционно-издательский совет:

Пасечник В.В. - председатель, доктор педагогических наук, профессор
Дембицкий С.Г. - зам. председателя, первый проректор, проректор по учебной работе,
доктор экономических наук, профессор
Коничев А.С. - доктор химических наук, профессор
Лекант П.А. - доктор филологических наук, профессор
Макеев С.В. - директор издательства, кандидат философских наук, доцент
Пусько В.С. - доктор философских наук, профессор
Яламов Ю.И. - проректор по научной работе и международному сотрудничеству,
доктор физико-математических наук, профессор

Редакционная коллегия серии «История и политические науки»:

Смоленский Н.И. – доктор исторических наук, профессор (ответственный редактор)
Гришина Н.Г. – кандидат исторических наук (ответственный секретарь)
Журавлев В.В. – доктор исторических наук, профессор
Захаров В. Н. – доктор исторических наук, доцент

Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». - № 2 – 2007. – М.: Изд-во МГОУ. – 198 с.

Вестник МГОУ (все его серии) является рецензируемым и подписным изданием, предназначенным для публикации научных статей докторантов, а также аспирантов и соискателей (См.: Бюллетень ВАК № 4 за 2005 г., с. 5).

В «Вестнике» могут публиковаться статьи не только работников МГОУ, но и других научных и образовательных учреждений.

ISBN 978-5-7017-1030-4

© МГОУ, 2007

© Издательство МГОУ, 2007

ИСТОРИЯ РОССИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

Е.А. Селихов*

ИЗМЕНЕНИЯ В ЛИЧНОМ И КОЛИЧЕСТВЕННОМ СОСТАВЕ БОЯРСКОЙ ДУМЫ В ПОСЛЕДНЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ ЕЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ

При изучении состава правящего класса эпохи Петра I исследователи далеко не всегда учитывают личный фактор, больше обращая внимания на количественные показатели. В настоящей статье предпринимается попытка соотнести численные изменения в Боярской думе с изучением персонального состава нового пополнения этого органа государственной власти. При этом важно рассмотреть данный процесс с момента перехода власти в руки Петра и его окружения после удаления Софьи в 1689 г. и до прекращения деятельности думы. Фактически речь пойдет о последнем десятилетии существования Боярской думы, которое стало первым десятилетием в истории формирования правящего класса России в новых условиях, начало которым было положено преобразованиями Петра I. Очевидно, это позволит определить основные факторы становления политической элиты России в начальный период петровских реформ. В связи с этим в данной статье целесообразно ограничиться рассмотрением пожалований только высших чинов думы: бояр и окольничих.

Наибольшее число бояр и окольничих, находившихся в Боярской думе в 1689 г., были пожалованы в 1682 г.: тридцать семь бояр и девять окольничих. Скорее всего, подобные масштабы пожалований объясняются тем, что в 1682 г. после смерти царя Федора Алексеевича в России оказалось два царя, Иван и Петр. Как известно, за каждым из них стояли боярские группировки: за Петром — Нарышкины, за Иваном — Милославские во главе с Софьей. Во время двуцарствия оба боярских клана могли проводить в Боярскую думу своих сторонников, каждый клан усилил свое влияние при дворе и смог вытеснить конкурентов.

В 1683 г. в Боярскую думу в качестве бояр попало четыре человека, окольничих шесть человек, а в 1684 г. лишь один человек был пожалован в бояре и лишь один — в окольничие. Иными словами, после массовых пожалований подобно 1682 г., вызванных вышеназванными обстоятельствами, на протяжении 80-х гг. XVII в. пожалования происходят незначительные: один или два, максимум три человека бояр и окольничих. Это связано в первую очередь с тем, что в результате Стрелецкого бунта в мае 1682 г. сложилась ситуация, временно удовлетворившая всех претендующих на верховенство во власти. Нарышкины и Милославские пришли к некоему компромиссу. В данном случае имеется в виду уже упомянутое двуцарствие Ивана и Петра. Таким образом, в это время в правящей элите Российского государства имело место состояние некоего спокойствия и застоя.

Ситуация изменилась в результате известных событий 1689 г. Власть перешла к Петру и его родственникам. В связи с тем, что царские решения начинают исходить от Петра I, за которым стояли Нарышкины, то можно предположить, что роль придворной группировки Милославских, несмотря на сохранение трона за царем Иваном, постепенно начинает ослабевать. С другой стороны, перемена ситуации в верхах привела к возобновлению пожалований в начале 90-х гг. XVII в.

---

* Селихов Егор Александрович — старший преподаватель кафедры истории России и Московского государственного областного университета.

В 1690 г. сразу семь человек оказались в Боярской думе в звании боярина: князь Борис Алексеевич Голицын, Петр Большой Абрамович Лопухин, Петр Меньшой Абрамович Лопухин, Мартемьян Кириллович Нарышкин, Матвей Филимонович Нарышкин, князь Андрей Меньшой Петрович Прозоровский, Кирилл Осипович Хлопов. Как видно из этого перечисления, большинство в 1690 г. оказалось в Боярской думе благодаря принадлежности к калну Нарышкиных. Двое новоиспеченных бояр из семьи Лопухиных были в родстве с молодой царицей Евдокией. Так как Петр I женился по решению своей матери Натальи Кирилловны и кандидатура Евдокии Лопухиной была рекомендована Нарышкиными, то исходя из этого можно предположить, что с 1690 г. в Боярской думе оформляется мощная боярская группировка Нарышкиных – Лопухиных, оказывавшая существенное влияние на принятие решений. Всего к началу 1690 г. в Боярской думе насчитывалось семь человек, принадлежащих к семьям Нарышкиных и Лопухиных: трое Лопухиных и четверо Нарышкиных.

Что же касается делавшей ставку на царя Ивана боярской группировки Милославских, то их насчитывалось лишь двое: Ларион Семенович Милославский и Матвей Богданович Милославский. В то же время нельзя не учитывать тот факт, что после вступления в брак по русским законам Петр считался совершеннолетним, т.е. полностью освободившимся из-под опеки родственников. В данной сложившейся ситуации Нарышкины и Лопухины оказались в более выгодном положении, чем родственники также уже женатого царя Ивана, поскольку была жива мать царя Петра, Наталья Кирилловна Нарышкина, и Петр прислушивался к ее советам при назначении кого-либо на должность. Как бы то ни было, очевидно, что во время регулярных отлучек царя из Москвы власть полностью контролировалась Нарышкиными и Лопухиными.

Что касается лиц, попавших в Боярскую думу в результате царских браков, родственников цариц, то следует подчеркнуть, что до этого практически никто из них не занимал важных государственных должностей. К примеру, Петр Абрамович Большой Лопухин в 1670 г. находился в Астрахани и принимал участие в обороне города от войск Степана Разина. В 1675 г. ходил с полком в Курск. Карьерный рост Петра Абрамовича Большого Лопухина начался только в 1689 г., когда он был пожалован в окольничие и затем в 1690 г. – в бояре¹.

Петр Меньшой Абрамович Лопухин в начале служил в Стрелецком приказе. В 1678-1680 гг. заведовал Рейтарским приказом². В 1689-1690 гг. Петр Меньшой Абрамович Лопухин возглавил Приказ Каменных дел в чине окольничего, а затем боярина³.

Следует обратить внимание на одну деталь: Лопухины начинают занимать должности в 1689 г. еще до официальной женитьбы Петра I. Вероятно, Нарышкины уже тогда заметили род Лопухиных и способствовали их продвижению по служебной лестнице. Состоявшаяся в 1690 г. женитьба Петра I лишь усилила эту боярскую группировку.

Кроме бояр в 1690 г. в составе Боярской думы оказалось семь окольничих: Иов Демидович Голохвастов, князь Иван Никитич Засекин, Федор Петрович Зыков, Михаил Петрович Колупаев, Андрей Иванович Леонтьев, Иван Юрьевич Леонтьев, Родион Михайлович Павлов. Каких-либо особых причин их включения в состав Боярской думы выяснить пока не удастся. Скорее всего, это очередная стадия их служебной карьеры. К примеру, Родион Михайлович Павлов начал свою карьеру в чине стольника на должности мангазейского воеводы в 1676 г. Позднее был воеводой в

---

¹ Сборник Русского Исторического Общества (далее СБРИО). Т.9. С. 93.

² Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. 4. СПб., 1859. С. 13.

³ Голиков И.И. Деяния Петра Великого. Дополнения Т 18. М., 1789. С.58

Верхотурье, одном из наиболее важных городов Сибири. И соответственно, исходя из статуса города, в 1690 г. стал окольным⁴. Иными словами, занял ту должность и в том месте, где не мог находиться, не получив звания окольного.

В 1691 г. в бояре было пожаловано семь человек, из которых один носил титул князя (Иван Михайлович Коркодинов), двое представителей старого московского боярства (Яков Степанович Пушкин и Михаил Юрьевич Татищев), двое представителей нового боярства – родственники царских жен (Кондратий Фомич Нарышкин и Салтыков Петр Самойлович), а также Петр Тимофеевич Кондырев. Последний получил боярство за активное участие в продвижении русских войск к Азову⁵. Кондратий Фомич Нарышкин прошел в Боярскую думу, во многом благодаря своей фамилии, возглавляя в это время Ямской приказ⁶. В отличие от него, Петр Самойлович Салтыков, который, как известно, тоже находился в определенном свойстве с Романовыми, тем не менее, сделал весьма удачную карьеру. Начал ее он в чине стольника в 1684 г.⁷ В 1691 г. П.С. Салтыков был уже боярином и вскоре был назначен воеводой в Смоленск⁸. Скорее всего, возведению П.С. Салтыкова в боярский чин способствовало, в большей степени, несоответствие его звания занимаемой должности смоленского воеводы.

Михаил Юрьевич Татищев к моменту попадания в Боярскую думу имел определенный служебный опыт. Его карьера началась в 1639 г., когда он был пожалован из стряпчих в стольники⁹. В 1684 г. М.Ю. Татищев был пожалован в окольные и был первым воеводой на Двине¹⁰. В 1691 г. он пожалован в бояре¹¹.

Причин появления в Боярской думе князя Коркодинова пока установить не удалось. Вероятнее всего, он попал в Думу, постепенно двигаясь по служебной лестнице.

Помимо бояр, в 1691 г. в Боярскую думу попала пятеро окольных: Семен Семенович Колтовский, Василий Юрьевич Леонтьев, Федор Савич Нарбеков, Василий Федорович Нарышкин, Александр Петрович Протасьев. Один из них, Василий Федорович Нарышкин, оказался в окольных благодаря родственным связям. Все остальные принадлежали к весьма малозначительным фамилиям и соответственно попросту дослужились до звания окольного.

В 1692 г. также были пожалования. Пять человек в этом году получили боярство: Федор Алексеевич Головин, Иван Семенович Головин, Василий Абрамович Лопухин, князь Михаил Никитич Львов, князь Иван Юрьевич Трубецкой. Четверо из пяти пожалованных в бояре имели наследственное сидение в Боярской думе. Иными словами, представители их фамилии находились в составе думы в прежние десятилетия, как например, Головины, заседавшие там с XVI в. Вероятнее всего именно это поспособствовало их попаданию в Боярскую думу. Карьерный рост Василия Лопухина объясняется его родственными связями с царем Петром I. Однако в отношении всех пожалованных можно отметить и определенные личные карьерные предпосылки подобного назначения.

Так, боярин князь Михаил Никитич Львов входил в придворное окружение царя Ивана Алексеевича и часто сопровождал его на молебны в Троице-Сергиев монастырь. В 1689 г. князь М.Н. Львов начальник Земского приказа в звании окольного

⁴ Русский Биографический Словарь (далее РБС). Т. 13. СПб., 1902. С. 109.

⁵ Богословский М.М. Петр I. Материалы для биографии. Т. 1. М., 1940. С. 217.

⁶ Дворцовые разряды. Т. 4. СПб, 1855. С. 560.

⁷ Голиков И.И. Дополнения. Т. 2. С. 162.

⁸ Милюков П.Н. Государственное хозяйство в первой четверти XVIII в. С. 441-451.

⁹ Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ). Т. 2. С. 584.

¹⁰ Дворцовые разряды. Т.3. СПб., 1854. С. 245.

¹¹ Там же. С. 282.

чего¹². Скорее всего, именно назначение М.Н. Львова на эту должность способствовало его возведению в боярский чин.

Помимо бояр, в 1692 г. в Боярской думе оказалось трое окольничих: Андрей Артамонович Матвеев, Тимофей Борисович Юшков и Петр Иванович Потемкин .

Примечательно назначение первых двух. Оба они находились в ближайшем окружении Петра с его детских лет. Андрей Артамонович Матвеев изначально являлся комнатным стольником Петра I. А в 1693 г. был назначен двинским воеводой, что, вероятно, также способствовало его попаданию в Боярскую думу¹³. Тимофей Борисович Юшков был дядькой Петра Алексеевича, никаких должностей не занимал и в то же время находился с Петром фактически с момента его рождения, принимал участие в его воспитании и, благодаря этому, пользовался доверием у Петра и был возведен в окольничие¹⁴.

1693 год в области пожалований весьма скромнен. Лишь один человек получил в этом году боярство. Это князь Никита Петрович Меньшой Прозоровский. Этот человек вышел уже из окружения царя Ивана Алексеевича и являлся его комнатным стольником¹⁵.

Количество окольничих в этом году пополнилось двумя лицами: Петром Алексеевичем Головиным и князем Михаилом Алексеевичем Жировым-Засекиным. Они оба имели наследственное сидение в Боярской думе.

В 1694 г. пожалований не проводилось. Иными словами, ни один не был возведен ни в бояре, ни в окольничие. Следует заметить, что в этом году начинают постепенно ослабевать позиции боярской группировки Нарышкиных. В этом году скончалась царица Наталья Кирилловна, мать Петра I, и, соответственно, начинается его самостоятельное правление. Можно предположить, что в 1694 г. был весьма важным для истории Боярской думы, так как с этого года вопросы, касающиеся пожалований, решаются самостоятельно Петром. Казалось бы, что с этого момента дума будет активно пополняться лицами, имевшими наиболее тесные личные отношения с Петром I. Однако этого не происходит. Наблюдается иная картина. А именно, резко сокращается количество новых пожалований. А те, что происходят, имеют другие причины: обычный карьерный рост, близость к царю Ивану и т.п.

Так, в 1695 г. лишь один человек получил звание окольничего – князь Федор Юрьевич Барятинский, начавший свою службу воеводой в Перми в звании стольника. Чин окольничего Ф.Ю.Барятинский получил, продвигаясь по служебной лестнице, так как должен был занять воеводскую должность в Киеве¹⁶.

В 1696 г. один человек сделался боярином – это князь Алексей Петрович Прозоровский, и один был произведен в окольничие – князь Петр Григорьевич Львов.

В отношении первого необходимо подчеркнуть, что он начал свою карьеру кравчим в 1682 г.¹⁷. Столь быстрый карьерный рост, вероятно, является следствием того, что его родственник был дядькой царя Ивана Алексеевича.

Что касается Петра Григорьевича Львова, возведенного в этом году в окольничие, то в данном случае ситуация весьма интересна. Он был комнатным стольником царевны Софьи, к тому времени уже низложенной и отправленной в монастырь. В 1694 г., оставаясь стольником, П.Г. Львов отправился в Вологду на должность воево-

---

¹² Дворцовые разряды. Т. 4. С. 53.

¹³ Богословский М.М. Петр I. С. 150.

¹⁴ Там же. С. 33.

¹⁵ Долгоруков П. Российская родословная книга. Т. 1. СПб, 1864. С. 191.

¹⁶ РБС. Т. 2. СПб, 1900. С. 525.

¹⁷ ПСЗ. Т.2. С. 635.

ды¹⁸. Вероятнее всего, к званию окольничего П.Г. Львова привело активное участие в Азовском походе 1696 г. В том же году П.Г. Львов исполнял обязанности воеводы в Азове¹⁹. Человек из окружения царевны Софьи сумел добиться такого расположения Петра I, что царь доверил ему воеводскую должность в месте военных действий.

В 1697 г. так же, как и в предыдущем, один человек стал боярином (князь Яков Федорович Долгорукий) и один был возведен в окольничие (Семен Иванович Языков). Карьера Я.Ф. Долгорукого началась в 1672 г. в должности стряпчего, и в том же году он был возведен в стольники²⁰. В 1687 г. Я.Ф. Долгорукий был посланником во Францию²¹. В 1690 г. Я.Ф. Долгорукий стал начальником Московского Судного приказа в чине стольника. Так как Я.Ф. Долгорукий не состоял в родстве ни с одним боярским кланом, то в Боярскую думу он попал благодаря двум причинам. Во-первых, не могло не учитываться его знатное происхождение и потомственное присутствие князей Долгоруких в Думе. Во-вторых, что, пожалуй, является главным, карьерный рост Я.Ф. Долгорукого: по достижении должности начальника Московского Судного приказа он не мог более оставаться в должности стольника.

Что касается Семена Ивановича Языкова, то для него возведение в окольничие было очередной ступенью по служебной лестнице.

В 1698 г. лишь два человека оказались в Боярской думе: князь Михаил Андреевич Волконский и Василий Борисович Бухвостов, – оба в звании окольничих. Для обоих это также явилось продвижением по служебной лестнице.

В 1699 г. лишь один человек, Иван Алексеевич Мусин-Пушкин, был возведен из окольничих в бояре. Этому способствовало его дальнейшее родство с Петром I.

На основании использованных в данной статье источников нами составлена таблица, отразившая динамику численности бояр и окольничих в Боярской думе в рассматриваемый период.

Таблица 1

Изменение численности бояр и окольничих в Боярской думе в 1689-1699 гг.

	1689	1690	1691	1692	1693	1694
Бояре						
Прибыло	7	6	7	5	1	-
Выбыло	2	4	3	3	-	4
Всего	54	56	60	62	63	59
Окольничие						
Прибыло	14	7	5	3	2	-
Выбыло	1	7	5	4	6	2
Всего	39	39	39	38	34	32
	1695	1696	1697	1698	1699	1700
Бояре						
Прибыло	-	1	1	-	1	-
Выбыло	4	3	10	3	3	3
Всего	55	53	44	41	39	36
Окольничие						
Прибыло	-	1	1	2	-	-
Выбыло	4	4	3	3	1	6
Всего	28	25	23	22	21	15

¹⁸ Дворцовые разряды. Т. 4. С. 470.

¹⁹ Там же. С. 473-478.

²⁰ Голиков И.И. Дополнения. С. 271 – 290.

²¹ СБРИО. Т. 9. С. 93.

Очевидно, что на рубеже 80 и 90-х гг, а также в начале 90-х гг. XVII в. еще имеет преобладание новых пожалований над числом выбывших членов думы. Однако именно в 1694 г. происходит перелом: число выбывших уже преобладает над новыми пожалованиями. В последующие годы количество новых пожалований неумолимо сокращается. Необходимо учесть, что боярский чин давался пожизненно и все выбывшие из Боярской думы бояре скорее всего умирали. В отношении окольных ситуация иная. Выбывая из окольных групп, они могли быть возведены в бояре и, соответственно, остаться в Боярской думе.

Таким образом, можно назвать несколько факторов, способствовавших формированию кадров Боярской думы в конце XVII в., фактически в последнее десятилетие ее существования. Во-первых, большую роль сыграли события 1689 г., когда началось формально самостоятельное царствование Петра и Ивана, до этого все-властная правительница Софья Алексеевна отстранена от дел. За изначально провозглашенного царем Петра I стояла боярская группировка Нарышкиных, его родственников по материнской линии. Последние, в свою очередь, в 1690 г. женили Петра I, благодаря чему с 1690 г. в Боярской думе сложилась могущественная придворная группировка Нарышкиных – Лопухиных. Можно предположить, что сформировавшаяся группировка способствует проведению в Боярскую думу всех, в ком видела союзников и в ком была уверена. К примеру, Тихон Никитич Стрешнев, дядька царя Петра I, или Тимофей Борисович Юшков, также из окружения Петра.

Определенное, пусть и меньшее, значение имела близость или родство с царем Иваном Алексеевичем.

Но необходимо отметить, что в рассматриваемый период возросло значение и обычно карьерного роста, вне зависимости от каких-либо родственных и иных связей с двумя царями. Важным источником формирования состава думы того времени стало реальное продвижение по службе нижестоящих чинов и, следовательно, возведение их в бояре и окольные. В Боярской думе конца XVII века оказалось немало новых фамилий, для которых чин боярина или окольного был очередным этапом продвижения по службе. Это свидетельствует об усилении к концу столетия динамики в продвижении лиц, достигших более-менее значимых постов на государственной службе к высшим чинам.

Кроме того, сохранялся и традиционный принцип: наследственное право находиться в этом учреждении. Иными словами, представители отдельных фамилий, к примеру, Волконские, Головины, непрерывно находились в Боярской думе как минимум с XVI в., а то и ранее. Следовательно, это способствовало попаданию того или иного представителя данной фамилии в Боярскую думу и в 90-х гг. XVII в.

Ситуация меняется в 1694 г., когда в связи со смертью Натальи Кирилловны влияние боярской группировки Нарышкиных-Лопухиных на Петра существенно сократилось. Это должно было усилить личную роль Петра I в формировании состава думы. Но это привело, главным образом, к сокращению и прекращению новых пожалований. Видимо, молодой царь уже ощущал необходимость создания каких-либо иных центров государственной власти и концентрации политической элиты. Действительно, это десятилетие в многовековой истории российской Боярской думы оказалось последним.

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА И.П. ЕЛАГИНА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ

В XVIII столетии в России произошло зарождение и становление основных отраслей отечественной науки, в том числе науки исторической. Российская империя, обладая богатой историей, не имела в то время научного исторического труда, отображающего ее во всех аспектах. До XVIII в. предпринимались попытки написания родной истории. Примером тому может служить «Синописис». Но основными источниками знаний о прошлом являлись летописные своды, нередко противоречащие друг другу. И так, нужно было написать «Русскую историю». В XVIII в. существовало два подхода к написанию истории Отечества. Их возникновение обусловлено двумя факторами – состоянием разработанности источников и тогдашними понятиями о смысле исторического творчества.¹ Представители первого из них (Г.Ф. Миллер, А.-Л. Шлецер, В.Н. Татищев) считали, что еще рано писать историю Отечества, потому что основные источники недостаточно разработаны. По их мнению, перед тем как начинать фундаментальный труд, нужно собрать все возможные источники, а затем их критически обработать.²

Второе направление, с легкой руки С.М. Соловьева, получило название «риторического» или «риторико-нравоучительного». Его представители писали исторические сочинения на том материале, который имелся на тот период времени. В ходе работы подвергались критике сомнительные места в источниках.³ Основными принципами создания исторического труда считались мораль и доступный язык. Также имела место драматизация хода событий и литературная обработка сюжетов летописей. К этому направлению, по мнению С.М. Соловьева, относились М.В. Ломоносов, Ф.А. Эмин, И.П. Елагин и некоторые другие.

В дальнейшем исторические труды упомянутых авторов, их взгляды привлекали внимание исследователей, но крайне неравномерно. Обширная литература посвящена творчеству М.В. Ломоносова, который, прежде всего благодаря его выдающейся роли в развитии российской науки в целом, ныне не рассматривается в качестве представителя «риторического направления». О Ф.А. Эмине и И.П. Елагине написано несравнимо меньше. Тем не менее, определенные суждения по поводу их творчества все же имеются. В рамках небольшой статьи целесообразно рассмотреть существующие в науке оценки исторических трудов хотя бы одного из упомянутых авторов, а именно И.П. Елагина, поскольку в качестве историка он известен еще меньше, чем Ф.А. Эмин.

Изучение «риторического направления», и в частности творчества И.П. Елагина, актуально потому, что в рамках современной исторической науки необходимо выяснить, где находятся пределы собственно научного исторического знания и знания, предназначенного для целей популяризации отечественной истории, воспитания гражданского самосознания, морального нравоучения, адресованного молодому поколению, и политической полемики.

---

* Смирнов Михаил Владимирович – аспирант кафедры истории России средних веков и Нового времени Московского государственного областного университета.

¹ Бешенковский Е.Б. Историографическая судьба «Российской истории» Ф.А. Эмина. // История и историки. 1972. М., 1973. С. 273.

² Там же.

³ Соловьев С.М. Сочинения. Т. 16. М., 1988. С. 221.

Историческое сочинение И.П. Елагина «Опыт повествования о России» до недавнего времени не привлекало к себе внимание ученого мира. Этот многотомный труд, сохранившийся в рукописи, был частично опубликован после смерти автора (1794 г.) в 1803 г. его другом А.И. Мусиным-Пушкиным. Напечатана была лишь небольшая часть этого фундаментального сочинения, повествующая о древнейшем периоде российской истории.⁴

Богатый вельможа екатерининского времени, директор императорского театра на протяжении ряда лет, основатель масонской «елагинской» ложи в северной столице И.П. Елагин изначально рассматривал свою работу как продолжение «Истории» Татищева. Он начал изложение событий со времени княжения Ивана III (1462 г.).⁵ Вторая книга была посвящена Василию III, а третья – царствованию Ивана IV, но описываемые события были доведены только до учреждения опричнины (1564 г.), которую И.П. Елагин характеризует словами А.М. Курбского как «лютое игральище и продолжение тиранства».⁶ Над первыми тремя книгами Елагин работал в 1788-1789 гг.⁷ В предисловии к одной из них он отметил, что имел «намерение трудиться до времени царствования Елизавет Петровны, т. е. до половины XVIII столетия», но «по убеждению друзей моих, требовавших от меня полного о России повествования, оставил и се, к присоединению всего целого, к тому началу приступаю».⁸ Оставив первые три книги, позднее превратившиеся в седьмую, восьмую и девятой части труда, И.П. Елагин начал изложение Российской истории от библейских времен до времени правления Василия II.⁹ Эта часть сочинения состояла из двух книг. На обороте последнего листа рукописи находится приписка, датируемая по почерку более поздним временем: «N В. Здесь постигшая болезнь и смерть сочинителя остановила повествование. 12-ю годами не соединился он с первым труда своего началом, то есть с описанием царствования великого князя Иоанна Васильевича III, проименованного Великим, которое начинается в 1462 году».¹⁰

В мае 1790 г. И.П. Елагин начал работу над древнейшим периодом «Опыта повествования о России» («Часть первая. Книга 1. От начала лета от сотворения мира 6523. От Рождества Христова – 1015»)¹¹ Эта рукопись подарена И.П. Елагиным А.И. Мусину-Пушкину. По ней в 1803 г. в Москве А.И. Мусиным-Пушкиным был издан «Опыт повествования о России».

Как известно из автобиографии А.И. Мусина-Пушкина (1813), к нему после смерти И.П. Елагина поступил весь его архив.¹² Это подтверждается К.Ф. Калайдовичем, сообщившим, что И.П. Елагин «подарил графу сочиненный им «Опыт повествования о России», состоящий в XV книгах, его рукою правленных».¹³

Напомним историю создания «Опыта», перейдем к его оценке в русской историографии. Первое время имели место весьма положительные оценки исторического труда И.П.Елагина. Так, в первые годы XIX в. Л. Невахович признает его историческую ценность как подробного источника информации о минувших эпохах,

---

⁴ Моисеева Г.Н. «Опыт повествования о России» И.П. Елагина в оценке Н.М. Карамзина // XVIII век. Сб. 16. Л., 1989. С. 104.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 104.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 105.

¹¹ Там же.

¹² Вестник Европы. 1813. Ч. 71. С. 83 – 84.

¹³ Моисеева Г.Н. «Опыт повествования...». С. 105.

доказательно уничтожая критику работы И.П. Елагина, исходящую от неизвестного нам рецензента.¹⁴

Но вскоре с рукописью исторического сочинения И.П. Елагина познакомился Н.М. Карамзин. О его отношении к этой фундаментальной работе свидетельствуют архивные материалы, найденные Г.Н. Моисеевой и хранящиеся в РГИА. В письме министру народного просвещения А.Н. Голицыну от 23 марта 1819 г. Н.М. Карамзин сообщил свое мнение о сочинении И.П. Елагина: «...Российская история И.П. Елагина уже давно была мне известна. Первый ее том напечатан в Москве, а следующие, рукописные, имел я от покойного графа А.И. Мусина-Пушкина, но только слегка просматривал их, а читать не мог всего сряду, видя, что она до времен Иоанна III выбрана почти из одного Татищева, наполнена бесконечными, пустыми умствованиями и писана слогом надутым, отчасти неправильным. И теперь думаю тоже. Но г. Елагин в царствование Екатерины славился как искусный, красноречивый переводчик одного из романов аббата Прево и трагедии «Безбожный», найдутся и теперь люди, коим слог, искусство и философия его полюбятся, для них можно напечатать эту историю, или отдать в рукописи на сохранение в Императорскую библиотеку, где любопытные станут читать ее, как замечательное произведение минувшего столетия России».¹⁵

На основании письма Карамзина А.М. Голицыным было составлено предписание о передаче рукописей «Опыта» Елагина директору Публичной библиотеки А.Н. Оленину. Из приведенного выше документа становится понятным критическое отношение Н.М. Карамзина к труду И.П. Елагина.

«Опыт» И.П. Елагина негативно воспринял и С.М. Соловьев. В очерке «Писатели русской истории XVIII века» он отметил, что Елагин «принялся за сочинение русской истории так, от нечего делать».¹⁶ Далее им приводятся слова самого И.П. Елагина о своем решении написать историю России: «Не тщеславие, но привычка к праздности и времени избыток суть виною сего сочинения».¹⁷ Но Елагин был неудовлетворен историческим творчеством своих современников и предшественников, именно по причине их невысокого литературного уровня. В отношении предшествующих ему «писателей русской истории» он утверждает, что, «...не нашел в них ничего, деяниям достойного; нет в них ни слога приличного, ни описания важности... Слабое в летописях изображение лиц действующих весьма недостаточно к возбуждению страстей правилами витийства, от писателей требуемого; и самые предлагаемые без причин и порядка действия недовольны к удовлетворению любопытства».¹⁸

Сам Елагин приводит в своем труде летописное предание о приходе к князю Владимиру послов от народов разных вер «с увещаниями», являвшимся ни чем иным, как театральным представлением, устроенным женой киевского князя принцессой Анной, гречанкой по происхождению.¹⁹ Однако уже митрополит Платон, ознакомившись с этими строками, отмечал: «Такое суетное и из неочищенного духа происшедшее мечтание и опровержения не требует, яко с первого взгляду само собою странное. Какие при Владимире театры? Какие в греческих монастырях у монахинь театральные представления? Я почитаю сие плодом малопросвещенного, но высокомерного о себе вооб-

---

¹⁴ Невахович Л. Примечания на рецензию касательно опыта Российской истории Г-на Елагина. СПб., 1806.

¹⁵ Там же. С. 107 – 108.

¹⁶ Соловьев С.М. Сочинения. Т.16. М., 1988. С. 255.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 256.

ражения; он, как бы любясь, сам себе говорил: чего не знаю я?»²⁰

Мнение П.Н. Милюкова об «Опыте» И.П. Елагина не отличается от суждений о нем его предшественников — Н.М. Карамзина и С.М. Соловьева. П.Н. Милюков писал, что И.П. Елагин смотрел на историю как на художественное произведение, украшенное подражаниями древним авторам, целью которого должно быть назидание.²¹ При этом Милюков подчеркивал стремление Елагина именно с этой целью подражать античным авторам.²² П.Н. Милюков вообще считал, что литературный взгляд на историю порождает и соответствующие приемы работы, сводящиеся к компилятивному пересказу источников и исследований.²³ Показательно, что в том же ключе он оценивал и историческое творчество М.В. Ломоносова, говорил о бесполезности для исследователей его «Древней Российской истории», хотя «Краткий российский летописец с родословием» П.Н. Милюков оценивал более высоко.

В годы советской власти оценки труда И.П. Елагина почти не изменились. Оценивая труды историков «риторического направления», исследователи исходили из того, что писали о них С.М. Соловьев и П.Н. Милюков. Правда, именно в это время М.В. Ломоносов, место которого в науке понималось теперь совершенно иначе, уже не рассматривался как историк «риторического направления». В этой группе оставались Эмин и Елагин. Авторы фундаментальных пособий по историографии Н.Л. Рубинштейн и С.Л. Пештич считали Ивана Перфильевича Елагина чистым «риториком». Н.Л. Рубинштейн утверждал, что «риторическим украшением исторического повествования исчерпывалась обработка материала у писателей этого направления».²⁴ Исторические повествования «риториков», по Н.Л. Рубинштейну, являлись отражением господствующего в то время в русской культуре «ложноклассического направления», в котором «было так же мало подлинной истории, как и в исторических писаниях названных авторов» (представителей «риторического направления». — М.С.).²⁵ С.Л. Пештич утверждал следующее: «Произведения Елагина относили к разряду исторической беллетристики, его общественно-политические взгляды характеризовались как «первобытно-славянофильские».²⁶ При этом, как видим, советские историки оценивали не только «риторический» характер творчества упомянутых писателей, но и их общественно-политические взгляды в контексте концепций истории общественной мысли. Тот же подход характерен и для работ советских историков 1970-80-х гг., когда изредка стали появляться публикации о «риториках» XVIII в.

Обстоятельный очерк о Ф.А. Эмине в начале 1970-х гг. опубликовал Е.Б. Бешенковский²⁷ Специальные работы о И.П. Елагине как историке появились еще позднее. В них также давалась оценка его творчеству в соотнесении с основной проблематикой общественной мысли России второй половины XVIII. В 1984 г. в журнале «Вопросы истории» вышла статья В.П. Козлова «Слово о полку Игореве» в «Опыте повествования о России» И.П. Елагина», в которой автором анализировались общественно-политические взгляды И.П. Елагина. Автор говорит о том, что

---

²⁰ Там же. С. 257.

²¹ Трибунский П.А. М.В. Ломоносов, Ф.А. Эмин, И.П. Елагин: историки или литераторы. М., 2000. С. 276.

²² Там же.

²³ Там же. С. 277.

²⁴ Рубинштейн Н.Л. Русская историография восемнадцатого века. М., 1941. С. 92.

²⁵ Там же. С. 95.

²⁶ Пештич С.Л. Русская историография восемнадцатого века. Ч.3. Л., 1971. С. 87.

²⁷ Бешенковский Е.Б. Историографическая судьба «Российской истории» Ф.А. Эмина. // История и историки. 1972. М., 1973.

они основывались на «Наказе» Екатерины II Уложенной комиссии, многократно цитируемом в «Опыте». По мнению автора статьи, труд И.П. Елагина осуждает дворянский космополитизм, содержит воинствующе-монархические тирады против французской революции и «вредного энциклопедистов любомудрия», есть в нем и выпады против церковной иерархии; дворянство же рисуется как главное орудие исторического прогресса России». «Создается впечатление о чрезвычайной близости общественно-исторических взглядов автора «Опыта» и Карамзина».²⁸ Хотя несколько лет спустя Г.Н.Моисеева отметила критическое отношение Н.М.Карамзина к историческому творчеству Елагина.²⁹ Общественно-политические взгляды Елагина рассматриваются главным образом и в статье К.С. Максимова «Народовластие и монархия в историческом труде И.П. Елагина», увидевшая свет в 1995 г.³⁰

Таким образом, после того как историческое творчество Елагина удостоилось негативных оценок в историографических трудах XIX – начала XX вв., во второй половине XX в. зародилась тенденция к пересмотру и изменению оценок трудов представителей «риторического направления». Но и до настоящего времени И.П.Елагина изучали прежде всего как общественного деятеля, а его исторические труды рассматривались в первую очередь как отражение его общественно-политических взглядов. К сожалению, не имеется ни одной работы, которая бы рассматривала Елагина как историка, оценивая его вклад в русскую историческую науку в соотнесении с достижениями историков того времени. Более того, значительная часть русской истории И.П. Елагина даже не издана и ждет своего исследователя. Представляется, что в настоящее время стало бы актуальным исследование творчества представителей «риторического направления» прежде всего в контексте развития исторической науки XVIII в. Необходимо проверить достоверность источников, исследуемых в сочинениях «риториков», выяснить, не было ли искажений фактов, заимствованных из них. И только на этом основании можно будет ответить на вопрос о том, что представляют собой произведения историков «риторического направления»: собственно научное историческое знание или знание, предназначенное для популяризации Отечественной истории.

---

²⁸ Козлов В.П. «Слово о полку Игореве» в «Опыте повествования о России» И.П.Елагина // Вопросы истории. 1984. №8. С.23 – 31.

²⁹ Моисеева Г.Н. «Опыт повествования...».

³⁰ Максимов К.С. Народовластие и монархия в историческом труде И.П. Елагина // Монархия и народовластие в культуре Просвещения . М., 1995. С.49 – 58.

КАВКАЗСКИЙ ПОКРОЙ. МУНДИРЫ ПОЛИЦЕЙСКИХ ОРГАНОВ В КАВКАЗСКОМ РЕГИОНЕ В 1850-Е ГОДЫ

История форменной одежды в России, как, впрочем, и во всем мире, пронизана противоборством нескольких противоположных тенденций развития униформы. В конечном итоге, они сводятся к бинарной оппозиции – привлекательность/практичность, награда/показатель должности, военная/гражданская. Преобладание конкретных тенденций в тот или иной период времени чаще всего связано с множеством факторов, как объективных (уровень социально-экономического развития, природно-климатические условия и т.д.), так и субъективных (вкус и пристрастия конкретных личностей или социумов). Все это отчетливо проявляется при рассмотрении форменной одежды на Кавказе и в Закавказье в 1850-е гг.

При Александре I Кавказский регион мало отличался от других восточных владений Российской империи. Если в западных регионах Александр I проводил либеральную политику, направленную на сохранение автономии, то в восточных владениях был взят курс на упрочение жесткого колонизаторского режима. Не могло быть и речи об автономии и самобытности в политическом управлении Кавказом и Закавказьем. Тем более не приходилось говорить о специальной форменной одежде для агентов государственной власти в этом регионе. С приходом к власти императора Николая I положение постепенно меняется. Создается Кавказское наместничество, которое должно было обеспечить определенный уровень автономии и повысить степень оперативности при принятии важных решений. В форменной одежде также проявляется особое положение Кавказского региона.

Первоначально форменная одежда всех агентов государственной власти на Кавказе и в Закавказье (от Отдельного Кавказского корпуса до 6-го жандармского округа, полиции и гражданских ведомств) ничем не отличалась от униформы центральных ведомств. Постепенно стала отчетливо вырисовываться непригодность общеимперской форменной одежды для Кавказского региона. Эстетические воззрения высших слоев метрополии явно не совпадали с природно-климатическими условиями и с представлением населения Кавказа и Закавказья о красоте. Тем более что парадный блеск и яркость постоянно стирала война с внешним и внутренним врагом. Все вместе взятые субъективные и объективные факторы вынудили центральную имперскую власть пойти на постепенное придание форменной одежде большей практичности и удобства. Новое форменное обмундирование должно было способствовать интеграции агентов власти Российской империи в социальную структуру национальной окраины. Изменения начались с обмундирования армии, а в первой половине 1850-х гг. коснулись и полицейских органов Кавказского региона.

В 1852 г. земская¹ и городская² полиция начала использовать новую формен-

---

* Сергеев Всеволод Николаевич – аспирант кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета

¹ Уездные или окружные начальники и их помощники, участковые заседатели или начальники и их помощники, исправники, заседатели земских судов и стантовые приставы, приставы при горских народах и их помощники.

² Полицмейстеры, частные и следственные пристава, полицейские чиновники при Анапском, Новороссийском, Сухум-Кальском комендантах, квартальные надзиратели, городские комиссары, тюремные надзиратели и их помощники.

ную одежду особого кавказского образца³. Занимающие полицейские должности гражданские чиновники получили парадный мундир военного покроя, установленный для служащих в Кавказском регионе военных чиновников, не принадлежащих к составу строевых войск. Но с теми цветами и шитьем, которые присвоены подобным чиновникам в прочих частях Российской империи. Приборный цвет был сохранен в таком варианте: черный (все детали изготовлялись из бархата) — чиновники земской полиции, красный — чиновники городской полиции и нижние чины полицейских команд, синий — брандмейстер и нижние чины пожарных команд.

Новым головным убором стала шапка (папах) из черного бараньего меха с четырех частным верхом из мундирного сукна: для чиновников — темно-зеленого цвета, а для нижних чинов — серого. У нижних чинов суконный верх имел красную выпушку по краям, а у офицеров верх шапки обшивался золотым галуном. Выпушки и галуны образовывали крест на суконном верхе шапки. Для брандмейстера и прочих чинов пожарных команд устанавливалась металлическая каска с гербом губернии. У брандмейстеров она была вызолоченная, а у всех остальных медная.

Чиновникам и нижним чинам в летнее время разрешалась использовать фуражки с козырьком. Цвет тульи совпадал с цветом мундира, а околыш фуражки и выпушка на тульи были приборного цвета. Фуражка нижних чинов отличалась черными прорезными литерами на околыше. Нижние чины полицейских команд имели литеру, обозначающую местность, и литеру «П» («ТП» — Тифлисская полиция), а в пожарных командах были литеры «ПК».

Взамен мундиров для чиновников полиции вводились однобортные полукафтаны темно-зеленого цвета, а для нижних чинов полицейских и пожарных команд — серого цвета. Стоячий воротник и обшлага полукафтаны были приборного цвета. По верхнему краю воротника и обшлагов, а также по борту и по краям карманных клапанов имелась выпушка приборного цвета. На полукафтани полагалось иметь по борту 9 пуговиц и 2 у лифа, а чиновникам — еще 2 на клапанах карманов. У нижних чинов были дополнительные 2 пуговицы на плечах у воротника для крепления погон. У чиновников пуговицы были золоченые, а у нижних чинов — желтые. На пуговицах изображался герб губернии, а в случае отсутствия у губернии герба, то государственный герб. Взамен сюртуков полицейские чиновники получили вице-полукафтан, который представлял собой полукафтан без шитья.

Для различия должностей за полицейскими чиновниками было сохранено общеимперское шитье. Было установлено, что чиновники земской полиции имеют золотое шитье, установленное для министерства внутренних дел. Разряд шитья определялся классным чином. Чиновники 6 класса получили шитье 6 разряда (половинное шитье на воротнике и обшлагах), 7 класса — 7 разряда (половинное шитье на воротнике и шитый кант на обшлагах), 8 класса — 8 разряда (половинное шитье на воротнике), 9 класса — 9 разряда (кант на воротнике и обшлагах), а 10 класса и ниже 10 разряда (кант на воротнике). Полицейские чиновники в городах получили шитье одинаковое с шитьем общеимперской городской полиции, то есть волнистые петлицы-катушки на воротнике и обшлагах. В верхней части петлицы на обшлагах крепилась форменная пуговица. Полицейские и равные им обладали 2 петлицами на воротнике и обшлагах, а приставы и другие соответствующие им должности — 2 петлицами на воротнике.

Полукафтаны нижних чинов полицейских и пожарных команд отличались

³ Полное собрание законов-II (далее ПЗС). № 26647. Описание обмундирования чинов городской и земской полиции на Кавказе и за Кавказом.

наличием погон приборного цвета. На погонах полагалось иметь черные просеченные литеры, которые были идентичными с литерами на фуражках. Также была сохранена отличительная деталь обмундирования всех нижних чинов унтер-офицерского звания. Края воротников и обшлагов полукафтанных и пальто унтер-офицеров полицейских команд и брендмейстерских учеников унтер-офицерского звания обшивались золотым позументом.

Чиновники полиции и нижние чины полицейских и пожарных команд использовали шаровары одного цвета с мундиром. Чиновникам полагались шаровары с выпушкой приборного цвета. Они носились поверх сапог. Чиновникам земской и городской полиции разрешалось использовать сапоги со шпорами.

За чиновниками сохранялась серая шинель с двумя воротниками. Нижние чины использовали стандартную шинель с воротником и погонами приборного цвета. На погонах прорезались черные литеры, сходные с литерами на фуражке и погонах полукафтанных. Для чинов пожарных команд дополнительно вводился полушубок и пальто серого цвета на двух крючках. Воротник пальто был одного с ним цвета. На воротнике имелась синяя выпушка и с каждой стороны воротника по одной петлице-клапану из синего сукна.

Из амуниции чиновникам полагалась перевязь, обложенная золотым галуном, а для нижних чинов черный подтяжный ремень: для полицейской команды – глянцевого цвета с вороненой пряжкой и с тесаком, по образцу Кавказских войск, а для пожарной – из сыромятной кожи на пряжке с кольцом. Нижним чинам полагалась иметь рукавицы с варежками: в полицейских командах – темно-зеленого сукна, а для пожарных – кожаные.

С января 1853 г. новое обмундирование особого кавказского образца⁴ стали получать и жандармские части, входящие в 6-й жандармский округ, за исключением Астраханской команды. В отличие от полиции для жандармов было введено форменное обмундирование армейского типа. Характерной особенностью жандармского мундира в Кавказском регионе было сохранение за жандармами светло-синего сукна в качестве основного.

Основным головным убором жандармов, так же, как и в полиции, стала черная шапка (папах). Суконный верх папахи нижних чинов имел красную выпушку, а у офицеров серебряный галун, по середине которого шли 2 красные узкие полоски. За жандармами была сохранена стандартная светло-синяя фуражка с 3 красными выпушками. Нижние чины жандармских команд на околыше имели желтые просеченные литеры, обозначающие название команды и литеру «К» («ТК» – Тифлисская команда).

Взамен мундиров фрачного покроя жандармы получили полукафтан кавказского образца, который в основных моментах совпадал с полукафтаном войск и полиции в Кавказском регионе. Полукафтаны жандармов, как и ранее мундиры строились из светло-синего сукна. Сохранялся красный цвет приборного сукна и серебряный – для приборного металла. У жандармов на полукафтани было по борту 9 пуговиц, у лифа – 2, на клапанах карманов – 2, и 2 пуговицы на плечах для пристегивания эполет. Жандармские офицеры сохранили право на ношение на воротнике двух прямых серебряных петлиц-катушек, а нижние чины продолжали использовать суконные эполеты. Взамен сюртуков офицеры жандармерии получили вице-полукафтан.

---

⁴ ПСЗ-II. № 26956. Новое обмундирование для жандармских команд Кавказского края; ПСЗ-II. № 26981. Новая форма обмундирования строевых чинов и классных чинов 6 округа Корпуса жандармов.

Серо-синие шаровары с красной выпушкой по внешнему шву заменили полуженные форменные рейтузы. Шаровары нижних чинов подшивались в шагу кожей и имели так же стременики, как у кавалерийских рейтуз. Вместо оловянных пуговиц на шароварах полагалось иметь 14 костяшек.

За нижними чинами была сохранена стандартная светло-синяя шинель с красными петлицами-клапанами на воротнике, а за жандармскими офицерами стандартная шинель с двумя воротниками.

Перчатки были из лосиной кожи без краген. Лосиная портупея через плечо с медным прибором драгунского образца. Драгунского образца была и шашка, у офицеров она крепилась на портупее из серебряного галуна. Все остальные предметы и детали униформы оставались без изменения.

Нестроевые чины получили стандартную форменную одежду нестроевых чинов Отдельного Кавказского корпуса. Она включала в себя шапку (папаху), полукафтан и шаровары, все из серого сукна. Классным чиновникам управлений 6 жандармского округа, секретарям и переводчикам полагалась униформа, одинаковая с чиновниками штабов и управлений, подведомственных Военному министерству на Кавказе. Для жандармских аудиторов была введена одинаковая форменная одежда с аудиторами при войсках Отдельного Кавказского корпуса.

Надо отметить, что новая форменная одежда полицейских органов Кавказского региона сохранила большинство статусных особенностей. Были сохранены приборные и основные цвета и цвет металла подразделений. Не была изменена система знаков отличия чинов или должностей. Все это было одинаковое с аналогичными структурами на территории метрополии. Однако из-за придания наружной полиции форменного обмундирования схожего с униформой войск был несколько поднят общий социальный статус полицейских. Хотя в мелочах подчеркивалось происхождение жандармов из военной среды (эполеты, обшивка папахи), а уездной и городской полиции из гражданских ведомств.

Фактически центральная власть империи добилась определенной консолидации всех агентов государственной власти в одном образе. Тем самым была предпринята попытка обеспечить авторитет сотрудников гражданских ведомств и полицейских органов за счет авторитета войск. Это обстоятельство удачно легло на потребность приспособления обмундирования к местным природно-климатическим особенностям региона.

Особый кавказский покррой форменного обмундирования полицейских органов просуществовал недолго. Почти сразу после воцарения в 1855 г. нового императора Александра II во всей Российской империи началась полномасштабная реформа форменной одежды. Однако новая униформа, которую получили все агенты государственной власти во всей империи, по своему внешнему виду была намного ближе к униформе Кавказского региона, чем к мундирам фрачного покроя. Фактически на Кавказской и Крымской войнах были выявлены существенные недостатки существовавшей форменной одежды и апробированы новые образцы.

УЧРЕЖДЕНИЕ МИРОВЫХ СУДОВ В г. МОСКВЕ В 1860-е ГОДЫ

Судебная палата и окружной суд – новые учреждения, созданные Судебными уставами 29 ноября 1864 г.¹, были открыты 23 апреля 1866 г. в Московском Кремле в здании Сената. Новый суд получил одно из красивейших помещений – Екатерининский круглый зал – ротонду, который украшали скульптура Екатерина II и 18 горельефов, запечатлевших важнейшие события ее царствования. Под одним из горельефов «Мольба русских о даровании права суда и человеколюбивых законов» имелась надпись: «Желание России».²

Императрице Екатерине не удалось провести существенных преобразований судебного строя. Главная причина, затруднившая реформирование – крепостное право. В стране, где большая часть населения оставалась бесправной в имущественном и личном отношении, новый суд мог быть, по определению А.Ф. Кони, «лишь заплатой на ветхом рубище», а старый, «печальным памятником бессудия и бесправия».³

Действительно, в Москве наблюдалось немало примеров тлетворного влияния крепостного права на судопроизводство. Подтверждением этого являлись печально известные «съезжие», где без суда и следствия осуществляли наказания – «секуции». По воспоминаниям Д.А. Ровинского, одного из «отцов» судебной реформы, бывшего в 1850-е гг. московским губернским прокурором: «части Городская и Тверская, в Москве славились своими исполнителями; пороли всех без разбора: и крепостному лакею, что не накормил во время барынину собачку, всыплют сотню, и расфранченной барышнейной камердинерше за то, что барин делает ей глазки – и той всыплют сотню – барыня де особенно попросила частного. Никому не было спуска, да и не спрашивали даже, в чем кто виноват, – прислан поучить, значит и виноват – ну и дери кожу... Стон и крики стояли в воздухе кругом, часто целое утро...»⁴ В Басманной части губернский прокурор обнаружил «семь подвальных темниц» – «могил», куда никогда не проникал луч света, и где содержались не только крепостные, но и свободные люди. Существовал и специальный «клоповник» для арестованных в одном из районов Москвы.

Генерал-губернатор граф Арсений Андреевич Закревский, единолично правивший Москвой в течение десяти лет, фактически не обращая внимания на закон, осуществлял суд и расправу.

Только после отмены крепостного права стало возможным введение суда на принципах равенства всех сословий перед законом, состязательности и гласности судебного процесса.

Судебными уставами 1864 г. создавалась эффективная система правосудия. Она включала две ветви, две подсистемы, которые объединял высший судебный орган – Сенат: общие суды и местные суды. К местным судебным органам относились волостные суды, мировые судьи и съезды мировых судей. Судебный округ состоял из нескольких участков, в каждом из которых был мировой судья и почетный мировой судья, работавший на общественных началах без жалования. Они избирались сроч-

* Новикова Екатерина Юрьевна – аспирант кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета.

¹ Полное Собрание Законов Российской Империи (далее – ПСЗ) – II. Т.39. Отд. 2. № 41475.

² Анучин Д.Н. Москва в ее прошлом и настоящем. Т.10 М., 1909. С. 3,5.

³ Кони А.Ф. Отцы и дети судебной реформы. М., 1914. С. 81.

⁴ Там же. С. 93.

ком на три года по возрастному, образовательному и имущественному цензам. Следует заметить, что имущественный ценз был настолько высок, что практически закрывал доступ на эту должность представителям низших сословий. В Москве судебная палата и окружной суд были открыты министром юстиции Д.Н. Замятниным. На церемонию открытия было разослано 250 билетов для публики – большего числа не мог вместить зал. Писатель В.Ф. Одоевский, бывший в 60-е гг. московским сенатором, отмечал, что «23 апреля толпы народа собрались вокруг сенатского здания».⁵

После приветственной речи Замятина и благодарственного молебна, который отслужил епископ Леонид, публика отправилась осматривать помещения судебных учреждений, а члены Палаты провели свое первое заседание.⁶ В состав Московской судебной палаты вошли семь губерний: Московская, Владимирская, Калужская, Рязанская, Тверская, Тульская и Ярославская. Позднее были включены Нижегородская, Смоленская, Костромская и Вологодская губернии.

Согласно Уставам 1864 г., мировой суд, должен был стать универсальным органом, разрешающим мелкие дела между представителями сословий. Мировые суды разбирали мелкие преступления и гражданские дела с иском до 500 рублей, в отличие от общих судов они имели упрощенное судопроизводство. Главными и единственными вершителями правосудия в мировых судах были судьи, избравшиеся уездными земскими собраниями, а в столицах городскими думами сроком на три года. Высшей инстанцией мирового суда являлся съезд мировых судей уезда (округа).

Предварительные работы по введению в Москве мировых учреждений начались значительно раньше, 5 ноября 1864 г. московский генерал-губернатор, по предложению Министра внутренних дел и соглашению с министром юстиции, обратился к московскому городскому голове с предложением о разработке предварительных мер необходимых для своевременного введения мировых учреждений. А именно составления списка лиц, имеющих право быть избранным в мировые судьи, и внесения предложения о числе судебно-мировых участков в городе. Городская дума немедленно приступила к принятию этих мер. Для составления списка лиц, имеющих право быть избранными в судьи, «дума учредила комиссию из гласных, в которой участвовали местные стряпчие и городской голова. Эта комиссия была разделена на пять подкомиссий и несколько подгрупп, к которым были отнесены несколько частей города. В последних числах декабря 1865г. были напечатаны списки лиц, не только имевших право, но и давших свое согласие баллотироваться в мировые судьи».⁷

Большую трудность вызвало определение числа мировых участков в Москве, так как все соображения о возможном числе рассматриваемых дел, могли быть только предположительными.

Предварительные данные могли быть получены из анализа записки московского губернского прокурора, составленной еще в 1863 г. Из нее следовало, что дела, подлежащие рассмотрению мировых установлений, до сих пор ведались:

- уездным судом в 2 департаментах;
- надворным судом в 3 департаментах;
- магистратом в 2 департаментах;
- городским словесным судом;

⁵ Дневник В.Ф. Одоевского. 1866 год. // Литературное наследство. №22-24. М., 1935. С.211.

⁶ Козлинина Е.И. За полвека. 1862 - 1912гг. Воспоминания, очерки и характеристики. М., 1913. С. 88-89.

⁷ Вульферт В.Н. Двадцатилетие московских столичных судебно-мировых учреждений. 1866-1891. М., 1891. С.4.

- комиссией для словесной расправы между подрядчиками и рабочими;
- девятью словесными судами при полицейских частях города;
- управлениями 17 частей г. Москвы.

При этом общее кол-во дел было следующим:

«Уголовных дел.

По маловажным проступкам 1263

По простым кражам до 300 рублей. 426

По кражам, с увеличивающими вину обстоятельствами 104

Всего уголовных дел 1793

Гражданских дел.

По искам до 30 рублей. 3299

По искам от 30 до 500 рублей 2901

Всего гражданских дел 6200

а всего уголовных и гражданских дел 7993».⁸

На основании этих цифр, комиссия городской думы предполагала разделить Москву на 14 мировых участков, таким образом, чтобы на долю каждого мирового судьи пришлось бы около 600 дел. При обсуждении этого доклада московская Общественная дума учла постепенное увеличение населения Москвы (принимавшегося комиссией в цифре 364.148 человек) и неизбежное увеличение числа дел при большей доступности суда. Предполагая общее число дел вдвое против расчетов комиссии, т.е. около «16.000 в год, и рассчитывая на деятельную помощь почетных мировых судей, как по разбору дел в участках, так и по составлению заседаний мирового съезда, при чем для этих заседаний участковые судьи не будут отвлекаться от занятий в участках»⁹.

1 марта 1866 г. дума постановила разделить Москву на 17 мировых участков, по числу полицейских частей города и с теми же границами; мировые участки должны были распределиться на два мировых округа с двумя съездами, при которых было бы десять судебных приставов. При этом дума установила следующие оклады содержания:

Вознаграждение мировому судье 2200 рублей.

На содержание его канцелярии: одного писмоводителя, писца и рассыльного 1000 рублей.

На наем камеры 500 рублей.

А всего 3700 рублей.

Судебным приставам назначено содержание в 600 рублей.

На канцелярию каждого съезда 3000 рублей.

На наем помещения каждого съезда по 700 рублей.

Весь расход на содержание мировых учреждений исчислен, в год, в 87900 рублей, а на восемь месяцев 1866г. (с 17 мая) в 66000 рублей.¹⁰

Выборы мировых судей были назначены на 25 февраля 1866 г. Независимо от общего списка лиц, имеющих право баллотироваться, гласным Думы был роздан особый список кандидатов, «составленный особым совещанием, проходившим под председательством городского головы с сословными старшинами, их товарищами и некоторыми гласными».¹¹ В этом списке было намечено 27 кандидатов из общего

---

⁸ Вульферт В.Н. Двадцатилетие московских столичных судебно-мировых учреждений. С.5.

⁹ Коротков П.В. Московские столичные судебно-мировые учреждения (1866-1895) г.г. М., 1896. С.4.

¹⁰ Вульферт В.Н. Двадцатилетие московских столичных судебно-мировых учреждений. С.6.

¹¹ Мера эта установлена ст.39 Положение о введении Судебных Уставов (частное совещание городского головы с гласными перед выбором судей).

числа 72. В итоге выборов было избрано 32 почетных судьи (из общего числа 54) и 24 участковых. А 17 кандидатов, набравших наибольшее количество баллов, поступили в мировые судьи.

Согласно Высочайшему повелению 19 марта 1866 г. мировые учреждения были открыты в Москве 17 мая 1866 г. В этот день избранные мировые судьи собрались в здании городской Думы, приняли присягу, выбрали председателей двух съездов, распределили участки между судьями и по судебным округам. Председателем съезда I округа был избран почетный мировой судья С.А. Тарасов; неперменными членами – С.Н. Позняков и А.Д. Плечко. Председателем съезда по II округу – Н.Д. Игнатъев (вскоре перешедший на должность члена судебной палаты, а его место занял М.А. Бухтеев), неперменными членами: М.А. Бухтеев и князь А.М. Голицын. К I округу были отнесены мировые участки: Городской, Тверской, Арбатский, Пресненский, Пречистинский, Хамовнический, Якиманский, Пятницкий и Серпуховской; ко II округу отнесены участки: Мясницкий, Яузский, Басманный, Сретенский, Мещанский, Сушевский, Рогожский, Лефортовский.

Деятельность мировых учреждений началась на следующий день после выборов, 18 мая мировые судьи открыли заседания в нанятых для этих целей помещениях. Для съездов обоих округов первоначально были отведены помещения в здании городской Думы. В первое время публичные заседания съездов проходили один раз в неделю: для I округа по понедельникам, для II округа – по четвергам, с 12 до 2 часов. Незначительное количество заседаний было связано с малым количеством первоначально поступивших дел.

Вскоре стала очевидна ошибочность расчетов на небольшое количество дел. С первых дней работы мировые судьи были завалены массой прошений и жалоб по делам, подлежащим и даже неподлежащим их разбирательству. Новый суд, кроме интереса новизны, быстро стал популярным в связи со своей доступностью, быстротой и несложностью формальностей, по сравнению с прежним судом. В народной массе появилось осознание прав и гарантий, которые фактически не существовали ранее, поэтому потребность в их осуществлении проявилась огромным наплывом просителей и публики в камерах мировых судей. Некоторые камеры не могли вмещать всех пришедших, и были случаи, когда судьи, не желая стеснять столь необходимую, в особенности на первых порах, гласность, производили разбирательство во дворе, чтобы не лишать всех явившихся возможности присутствовать на разбирательстве.

Иногда возникали недоразумения. «Новые права» подвергались преувеличенным толкованиям, вследствие чего к мировым судьям обращались с такими просьбами и жалобами, которые выходили за рамки полномочий мирового суда, или вовсе не подлежали судебному разбирательству. Начиная от просьбы вникнуть в семейные отношения и уладить семейный разлад, до просьб, имевших характер бракоразводных дел; начиная от жалоб на оскорбления выражениями «самого невинного свойства», до жалоб на истязания и грабеж, – все это обращалось и направлялось к мировым судьям, которым приходилось тратить много времени и труда на разъяснение истцам пределов власти мирового суда, значения их жалоб и порядка их рассмотрения.¹² Таким образом, мировой судья с первых же дней своего существования являлся живым толкователем прав, предоставляемых каждому лицу, и обязанностей, требуемых от него законом.

За первые девять месяцев работы в мировые суды Москвы поступило 38 тысяч дел. Примерно сорок процентов из них было о нарушении «прав личности и

¹² Центральный Исторический Архив Москвы (далее – ЦИАМ). Ф.141. Оп. 1. Ед.хр. 184.

благочиния, потом шли поступки против городского порядка, общественного благоустройства, нарушении прав собственности».¹³ Из гражданских дел большую долю занимали взыскания по долговым обязательствам.

Был установлен срок давности, после которого мировые суды уже не рассматривали прошения: за кражу и мошенничество — два года; истребление леса — один год; другие проступки — шесть месяцев.

Срок явки ответчика устанавливался в зависимости от его местонахождения и назывался «повестовой» — 15 верст в день.

Заседания, как уже указывалось выше, с первых же дней проходили при большом скоплении публики. Одни видели в этом новый вид развлечения, другие пытались впервые осознать свои гражданские права и обязанности. Открытость и простота судопроизводства сразу же сделали мировых судей одними из популярнейших личностей в городе.

Ими гордились, восхищались, о них складывали легенды. Судьи стали «народными учителями», пытающимися вселить в умы обывателей мысль, что подчинение закону имеет первостепенное значение и перед законом все сословия равны.

Зал, где заседал мировой суд, назывался судебной камерой. Здесь же, до начала публичных слушаний, принимались прошения, которые подавались на особой гербовой бумаге. Каждый мировой судья был своеобразен и неповторим. Необходимо было без волокиты, надеясь на свою житейскую опытность, решать более чем по десятку дел в день. Лишь на основе опроса истца, ответчика и свидетелей он должен был незамедлительно, единолично вершить правосудие.

По свидетельству очевидцев, судья Лопухин «придавал заседаниям торжественность, словно вокруг собрались не простолюдины, а императорский двор. Он любил особую вежливость и галантность в обращении к женщинам. Однажды крестьянская баба даже обиделась, что к ней обращаются на «вы», и по имени-отчеству: «Я тебе не Дарья Ивановна, а мужняя жена».¹⁴

Мировой судья Румянцев превращал заседания в поучительные спектакли, вел нравственные диалоги с собравшейся публикой. Из-за этого бывало, случались нелепые ситуации. Так, например, современник описывает такой случай: «Обсуждалось раз дело о случайном выстреле. Охотники, сидевшие в трактире Шварева, оставили ружья в передней, где швейцар, отставной солдат, взял одно из них, думая, что оно не заряжено, стал показывать прислуге разные артикулы. Ружье вдруг выстрелило, и один из зрителей был легко ранен...

Румянцев старался разрешить дело миром.

- Вот вы — простой человек, — обратился он к потерпевшему, — а я судья и занимаю важный пост. Но если бы меня кто-то случайно убил, его бы не наказали.

- А если бы губернатора?

- Тоже!

- Ну, а если бы кто-нибудь случайно убил царя?

Судья смутился и строго заметил:

- Об этом, сударь, вы лучше помолчите».¹⁵

Судья Багриновский пытался сделать суд понятным для народа. За мудрые решения его прозвали Соломоном. По свидетельству современника, «разбиралось как-то дело о двух охотниках, купивших в складчину одну собаку и потом заспоривших, кому она должна принадлежать.

---

¹³ Вострышев М. Московский мировой суд. //Краеведческий альманах «Отечество». М., 1997. С. 127.

¹⁴ Там же. С. 131.

¹⁵ Там же. С. 131-132.

Багриновский вместе с публикой вышел из камеры на бульвар и предложил судьям охотниками разойтись в стороны и кликать к себе спорную собаку. К кому она пойдет, тот и ее хозяин».¹⁶

Судья Свешников за гуманность, справедливость и ум заслужил о себе хвалебную фразу верующих москвичей: «Это сама христианская мудрость».

По положению Думы, общее число дел у мировых судей должно было быть около 16000 в год, т.е. несколько менее 1000 дел на каждого судью. В действительности, за первые девять месяцев число дел достигло почти до 38000, что могло составить около 48000 дел в год, то есть около 2800 дел на каждого судью. Точно также и по мировому съезду: вместо ожидавшихся 600 дел их было более 1300.¹⁷ При новизне дел и значительности поступлений просьб и жалоб, большое затруднение вызывали недоразумения, возникавшие из-за отсутствия в законе многих существенных указаний. Вновь избранным мировым судьям приходилось самим устанавливать некоторые «необходимые порядки», пока не были изданы «соответствующие правила».

Одним из первых возникших вопросов, был вопрос о порядке хранения денег, поступавших к судьям.

По I округу первоначально съездам было установлено, что хранение сумм и документов производится совместно: неперенным членом съезда, секретарем и помощником секретаря в казначействе, «в особом случае сундуке, за тремя печатями названных должностных лиц».¹⁸ Позднее, для хранения сумм избран был особый казначей, почетный судья Дюшен. По II округу было решено, что все поступающие суммы сдаются для хранения почетному судье М.С. Четверикову. Когда контрольная палата затребовала для ревизии денежные книги за 1866 г., их не оказалось, так как ведение учетных книг не было предусмотрено законом.

Для ведения правильного счетоводства мировые съезды сами выработали формы таких книг для записи сумм и ввели их в действие. Только спустя год после введения мирового суда, в 1867 г., были опубликованы правила счетоводства в мировых установлениях. По этому поводу возникли затруднения иного характера: сложность ведения записей отвлекала судей от их непосредственных обязанностей, что вызывало значительные затруднения.

По поводу денежной отчетности возник и еще один вопрос: некоторые судьи сообщали съезду, что, при проведении у них внезапных ревизий, «чины контроля» приглашали для присутствия местную полицию. Такое «приглашение» полиции судьи считали неудобным, так как в глазах населения, устанавливалось косвенное подчинение судей чинам полиции. По этому поводу председатель съезда обратился с прошением к Министру юстиции, и по соглашению последнего с Государственным контролем, участие полиции в ревизии сумм мировых судей было отменено.

По гражданским делам в обоих съездах возникли вопросы о принудительных мерах при «очищении помещений» по судебным решениям. Из анализа отзывов судебных приставов¹⁹ видно, какие разнообразные приемы для исполнения решений применялись ими на практике. Так, один из приставов сообщал, что «движимое имущество им опечатывается и выносится из помещения; другой доносил, что он ограничивается предупреждением ответчика, что в случае неисполнения им решения, о том будет донесено мировому судье; третий пристав донес, что неисполнение

¹⁶ Там же. С.132.

¹⁷ ЦИАМ. Ф.141., Оп. 1. Ед.хр. 184.

¹⁸ Вульферт В.Н. Двадцатипятилетие Московских столичных судебно-мировых учреждений 1866-1891. С.11.

¹⁹ ЦИАМ. Ф.1296. Оп. 2. Ед.хр. 385.

ответчиком решения мирового судьи — он признает сопротивлением, предусмотренным ст. 316 Учреждениями Судебных Установлений, и приглашает полицию, которая обязана удалить жильца, и, как ослушника властям, взять под стражу».²⁰ Последний порядок, возможно, был заимствован из практики, существовавший до введения судебной реформы. Подтверждением этому служит тот факт, что когда в 1870 г., вопрос о принудительных мерах по освобождению помещений возник по I Московскому мировому округу, то съезд признал необходимым решить вопрос с московским обер-полицмейстером о том, какие меры предпринимались в подобных случаях полицией до введения мирового суда в Москве. Из уведомления обер-полицмейстера известно, что полиция в этих случаях брала под арест сопротивлявшегося исполнению решения и направляла в суд, вещи же переносились в особо нанятое для этой цели помещение. Неимущие лица направлялись в комитет о просящих милостыню, для разрешения возникающих вопросов. Вышеуказанные практические затруднения можно рассматривать в качестве примеров тех трудностей, которые выпадали на долю первых судей.

При этом теоретические вопросы судьи решали, как правило, общими силами, а участковые судьи находили существенную помощь со стороны почетных мировых судей, как это и предполагалось городской Думой.

Почетные судьи не только принимали на себя сложные казначейские обязанности, как было указано выше, они же и производили осмотры, составляли и доставляли различные сведения, требовавшиеся от вновь введенных судебных учреждений. Дела бывшие в производстве у следственных приставов были приняты почетными судьями к своему разбирательству, чтобы не отвлекать участковых мировых судей от текущих дел. В 1869 г. в I мировом округе возникло предположение ходатайствовать об учреждении нескольких должностей запасных мировых судей. Съезд II округа на сделанный ему запрос сообщил, «что, в виду постоянной готовности почетных мировых судей заменять в участках судей отсутствующих или обремененных большим количеством дел, — учреждение особых запасных судей в настоящее время не представляется необходимым. Съезд полагает эту меру необходимой на тот случай, если почетным судьям впоследствии, окажется по каким-либо причинам невозможным уделять съезду так много времени, как теперь».²¹

Тем не менее, в конце первого же полугодия после введения в Москве мирового института, съезды обоих округов признали, что определенное думой число участковых мировых является недостаточным относительно числа дел, возникающих у них в производстве. Поэтому съезды ходатайствовали перед думой об увеличении числа участков: по I округу на три, по II — на четыре. Таким образом, общая численность мировых участков в Москве увеличилась до 24. 21 декабря 1866 г. было принято решение городской думы к существующим 17 мировым участкам добавить еще пять: Александровский, Смоленский, Стрелецкий, Кузнецкий, Сырапятнический (впоследствии переименованный в Сокольнический).

Вместе с тем думой было принято решение об увеличении первоначальных окладов служащих мировых учреждений и увеличении числа некоторых должностей. На содержание канцелярии мировых судей было добавлено по 300 рублей, жалованье секретарям съездам увеличено с 1000 рублей до 1200 рублей, помощникам секретарей — с 600 рублей до 800 рублей, судебным приставам — с 600 рублей до 1000 рублей. Были добавлены две должности помощников секретарей съезда и четыре должности судебных приставов.

²⁰ Нос А.Е. Мировой суд в Москве. Кн.1. М., 1869. С.7.

²¹ Вульфферт В.Н. Двадцатилетие московских столичных судебно-мировых учреждений. С. 14.

Добавление пяти новых мировых участков было утверждено Сенатом только в апреле 1867 г.

Деление Москвы на два судебных округа с двумя мировыми съездами привело к ряду неудобств. В одном городе действовали две отдельные группы мировых судей, соблюдались разные порядки, отсутствовала единая система решения одинаковых вопросов. Это отразилось на доверии населения к суду. Нередко из-за такого порядка возникали недоразумения по делам, как, например, «при охранении» имущества одного и того же лица в разных судебных округах Москвы. Поэтому возник вопрос о соединении всех судей Москвы в один мировой округ с единым мировым съездом.

15 января 1867 г. совместным совещанием судей обоих округов было принято решение об объединении. Однако в Московской думе вопрос об этом объединении был решен положительно только 17 декабря 1869 г., а утверждение Сената последовало только 11 сентября 1872 г.

В 1868г. состоялось открытие городского арестного дома (ранее в этом помещении располагались казармы). При избрании попечителя этого арестного дома мировой съезд I округа предоставил попечителю — право действовать по поступкам, совершенным арестованными, на правах местного мирового судьи.

В 1869г. мировой съезд подробно обсуждал вопрос о порядке содержания в этом доме арестованных. Поводом к рассмотрению послужила записка о «неправильностях и притеснениях» распространенная бывшим арестованным на собрании дворянства.

Обстоятельства, указанные в записке, были расследованы особой комиссией, в состав которой вошли несколько мировых судей и несколько гласных Городской Думы. Осмотрев арестный дом и подробно ознакомившись с порядками, установленными в нем, комиссия представила съезду особый доклад о состоянии этого учреждения и порядке содержания арестованных, исключая возможность злоупотреблений и притеснений. В заключении комиссия отозвалась с большой похвалой о состоянии и порядках арестного дома. Мировой съезд согласился с таким заключением. Доклад комиссии и журнал съезда были представлены городской Думе, которая согласилась с заключением съезда и постановила обсудить вопрос о необходимости отдельного содержания в этом доме лиц привилегированного сословия.

В 1869 г. истекал трехлетний срок избрания мировых судей. 11 апреля 1869 г. были проведены новые выборы, которые доказали, что мировые судьи оправдали надежды и доверие своих избирателей. За исключением нескольких судей, которые выбыли в течение трехлетия по разным причинам, весь прежний состав мировых судей был переизбран вновь. Председатели обоих съездов С.А. Тарасов и М.А. Бухтеев удостоились особого внимания Московской думы. Дума выразила свою глубокую благодарность этим двум деятелям за то, что они «так блистательно оправдали свое избрание и с столь примерной добросовестностью и усердием несли возложенную на них общественную службу по многотрудной и ответственной обязанности Председателей съездов».²² Это было публичным выражением благодарности своему выборному суду.

Общая оценка деятельности мирового суда в первые годы его существования содержится в отчете министра юстиции за 1866 г.: «простота мирового разбирательства, допущенная при отправлении оною, полная гласность и отсутствие обременительных формальностей вызвали всеобщее к мировому институту доверие».²³

²² Нос А.Е. Мировой суд в Москве. Кн.1. М., 1869. С.9.

²³ Там же. С.17.

Далее в отчете указывалось, что «простой» народ, нашедший в мировом суде «суд скорый и справедливый для мелких, обыденных своих интересов, не перестает благословлять Верховного Законодателя за дарование России суда, столь близкого народу, вполне соответствующего его потребностям».²⁴

Свидетельством доверия к мировым судьям является разрешение громадного числа таких гражданских исков, которые ранее решались долгое время, а зачастую в прежних судах вовсе не возникали. «Равным образом принесено мировым судьям множество жалоб на незначительные притеснения и обиды, а также на мелкие кражи и мошенничества, которые прежде, обиженные, оставляли без преследования».²⁵

Таким образом, говоря об организации мирового суда в Москве, следует отметить большое количество предпосылок, обусловивших эффективную работу данного института: тлетворное влияние крепостного права; субъективизм при судопроизводстве, всемогущество генерал-губернатора и представителей высших сословий, что определяло сословный характер суда, отрицающий один из основных принципов справедливого суда – равенство всех перед законом.

Благодаря судебным уставам 1864 г., стало возможным осуществление правосудия, фундаментом которых явились три основополагающих принципа справедливого судопроизводства: бессловность, состязательность и гласность процессов.

В виду того, как было указано выше, что мировой суд не был органически выросшим институтом, логично вытекавшим из хода исторического развития, его становление и начальный этап функционирования сопровождалось рядом трудностей, как организационного характера, так и связанных с осуществлением правосудия. Эти трудности во многом были обусловлены отсутствием в законе многих весьма существенных указаний. В первые годы эти проблемы были решены. Позитивным фактом для развития мирового суда следует отметить объединение двух мировых округов в один.

Нельзя не отметить и тот факт, что за первые годы работы мирового суда, стало ясно, что количество определенных мировых участков является недостаточным, и в виду огромного числа дел их следовало увеличить.

За первые годы деятельность мирового суда вызвала всеобщее доверие, и положительно сказалась на разрешении мелких гражданских и уголовных дел, а также способствовала повышению уровня правосознания москвичей.

---

²⁴ Там же. С.18.

²⁵ Там же. С.19.

СЕКТА ХЛЫСТОВ: СПЕЦИФИКА МИРОВОЗЗРЕНИЯ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

В конце XIX – начале XX века хлыстовство представляло достаточно распространенное религиозное течение. Оно не было единым движением; в различных уголках страны существовали его различные толки. Традиционно исследователи XIX в. относили хлыстов к мистическим сектам, считая их наиболее законспирированной. Согласно большинству оценок, хлыстовство во второй половине XIX века представляло собой по численности последователей третью веру, уступая православию и старообрядчеству¹.

Это религиозное движение, просуществовавшее с XVII и до XX в., представляло собой самобытное явление народной религиозной культуры. Оно вызывало массу вопросов не только у профессиональных исследователей, но и у простых обывателей. Уникальность этого вида сектантства заключается в том, что, выйдя из народной крестьянской среды и распространившись по всей России, оно проникало даже в высшее общество².

Следует заметить, что ни одна из русских сект не имела такого множества названий, как хлыстовская. Термины «хлыстовство», «хлыстовщина» и т.п. искажают самоназвание секты – «христовщина», «христова вера» и т.п. Различные локальные группы сектантов в разных концах страны имели различные названия. Так, самарские хлысты назывались миссионерами, священниками и обычными православным народом монтанами, в Казани – кантовщиками, сладкоедцами, в Ставрополье – шалопутами. В Сибири их называли богомолами, в Костромской губернии – вертунами и лядами. Сами себя хлысты называли «людьми божьими», «духовными христианами», «братьями-корабельщиками», «племенем израилевым», «белыми лебедями», «белыми голубями», и др.³

Почти все исследователи хлыстовства начинают свое повествование с легенды о беглом солдате Даниле Филипповиче и, по сути, считают его основателем хлыстовского движения. Согласно легенде, когда исправляли церковные книги, в окрестностях Стародуба появился беглый солдат Данила Филиппович, который сказал, что книги вообще не нужны и бросил их в Волгу. После него секта стала распространяться по России. Стали появляться «Христы», первым из которых был Иван Тимофеевич Суслов, любимец Данилы Филипповича. После этого буквально по всей стране стали появляться многочисленные «Христы», привлекавшие в секту людей. Вероучение хлыстов не представляло собой последовательной системы. Иногда одновременно действовавшие в разных местах хлыстовские «Христы» и «пророки» не проповедовали одинакового учения. Иногда самые основные положения вероучения понимались по – разному. В связи с этим исследователи раскола не могли наиболее точно изложить учение хлыстов, порой вступая между собой в бессмысленные споры. Однако многие исследователи и миссионеры – практики пришли к

---

* Дехтевич Ольга Игоревна - аспирант кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета.

¹ Эткинд А. Хлыст: секты, литература и революция. М., 1998. С. 37.

² Пругавин А.С. Бунт против природы (о хлыстах и хлыстовщине). Вып. 1. М., 1917. С. 8 – 9.

³ Барбарин В. Хлыстовщина или секта духовных христиан. М., 1890. С. 24; Ивановский Н.И. Руководство по истории и обличению старообрядческого раскола. Ч. III. Сведения о сектах рационалистических и мистических. Изд. 9 – е. Казань, 1912. С. 229.

заклучению, что, в основном, их учение лежит в искаженном понимании Св. Писания, что в свою очередь означает, что хлысты не совсем порвали с православным христианством. Об этом говорили многие исследователи раскола, например Ивановский, Буткевич и многие другие ⁴.

Для определения принадлежности той или иной секты к хлыстовству миссионерами была разработана своеобразная система признаков этой секты. К. Кутепов предложил характеристику хлыстов, принятую на Ставропольском съезде окружных миссионеров в 1895 г. Он выделил менее существенные и более существенные признаки. К менее существенным признакам относились: а) истощенное постом, бледное лицо с тусклым, почти неподвижный взглядом; гладко причесанная и обильно умащенная маслом голова у мужчин, белый платок на голове у женщин. Для хлыстов характерна вкрадчивая, проникнутая притворным смирением речь; б) присутствие в домах хлыстов картин мистического содержания (например, «Укрощение бури на озере Иисусом Христом», картина сада-рая с птицами и т.п.). К более существенным и общим признакам для всех хлыстов относится сам факт выделения хлыстов из общей массы православных народной молвой. Для большинства хлыстов характерна легкость половых отношений, сопровождаемая иногда «открытым разрушением семейных уз и нескрываемыми прелюбодейными связями». Ограничение в пище тоже являлось важным признаком для съезда. Хлысты не ели мяса, особенно свинины. Однако, как выяснилось на съезде, «в последнее время некоторые главари хлыстовства дали разрешение сектантам вкушать мясо». Главным признаком хлыстовства были признаны их собрания с ночным тайным радением. По другим епархиям были выделены еще такие признаки хлыстовщины, как неупотребление спиртных напитков, отказ от посещения крестин и свадеб, брезгливое чувство при рождении детей как к ребенку, так и к его матери. Кроме того, было замечено, что при исповеди хлысты не говорили священнику обычное «грешен», а «виноват перед вами», или «грешен батюшка», делая ударение на последнем слове (Владикавказская епархия). Сектанты также любили называть друг друга уменьшительными именами ⁵. Иногда, как писал склонный к идеализации хлыстовства Пругавин, достаточно было одного или нескольких признаков, чтобы священник отказался причастить или исповедовать предполагаемого хлыста ⁶.

При рассмотрении вопроса об основах учения хлыстов необходимо учитывать тот факт, что этот вид русского сектантства, особенно во второй половине XIX – начале XX в., представлял собой разрозненное децентрализованное религиозное движение. Отсюда и проблема реконструкции основ хлыстовского учения на основе разнообразия хлыстовских верований, и отсутствия единого хлыстовского мировоззрения.

В представлениях хлыстов существовали небо и земля, как мир духовный и материальный. Хлысты считали, что существует семь небес; на седьмом небе обитают Св. Троица, Богородица, архангелы, ангелы и святые. Но в представлении хлыстов, это не конкретные лица, а определеннее свойства человека. Христы являются на землю один за другим. В лице Данилы Филипповича воплотился Саваоф, в лице Ивана Сулова

---

⁴ Буткевич Т.И. Обзор русских сект и их толков с изложением их происхождения, распространения и вероучения и с опровержением последнего. Пг., 1915. С. 61 – 77; Ивановский Н.И. Руководство по истории и обличению старообрядческого раскола. Ч. III. Сведения о сектах рационалистических и мистических. Казань, 1912. С. 241.

⁵ Макаревский М.И., Добромислов П.П. 3 –й Всероссийский миссионерский противораскольнический и противосектантский съезд в городе Казани 22 июля – 6 августа 1897, г. Рязань, 1898. С. 119 – 120.

⁶ Пругавин А.С. Бунт против природы (о хлыстах и хлыстовщине). Вып., 1. М., 1917. С. 59 – 60.

«Сын Божий»; на многих других «накатывает» «Дух», «Бог». Воплощение Саваофа есть начало нового явления «христов». Один Христос еще при жизни может передать свое достоинство другому. Эта передача может совершиться и естественным путем: от плоти и крови Христа или пророка могут родиться и «христосики»⁷.

Понятие о Боге у хлыстов не отличалось определенностью. Они отрицали троичность лиц в Боге. По их мнению Отец, Сын и Св. Дух — не лица Святой Троицы, а только наименования силы одного и того же Бога. Они утверждали, что для спасения людей необходим руководитель. Они говорили, что первое воплощение в человека было при Тиверии. Это был Иисус Христос. Потом под именем Христа воплощался Аверьянов при Дмитрии Донском, а потом Иван Емельянов при Иване Грозном. Потом Бог воплотился под именем Саваофа в крестьянине Даниле Филипповиче. После этого он воплощался в Сулове, Лупкине, Пугачеве и т. д.⁸.

По мнению большинства исследователей, именно «12 заповедей» Данилы Филипповича послужили основой для хлыстовского учения⁹. Первая заповедь: «Аз есмь бог, пророками предсказанный, сошел на землю для спасения душ человеческих. Нет другого бога, кроме меня». Вторая: «Нет другого учения. Не ищите его». Третья: «На чем поставлены, на том и стойте». Четвертая заповедь: «Храните божьи заповеди и будете вселенные ловцы»¹⁰. Предания о Даниле Филиппове - источник по истории раннесектантского движения в России XVII в. Большинство исследователей, начиная с И. М. Добротворского и П. И. Мельникова-Печерского, считали их основателями хлыстовщины и относили время ее появления к 1645 г. Однако, по мнению Коновалова, «12 заповедей» более позднего происхождения. Впервые они встречаются в показаниях Козьмы Волостникова в 1837 в Москве¹¹. По мнению Панченко А.А. нет серьезных оснований считать Данилу Филипповича сугубо мифологическим персонажем. Все историко-хронологические построения, касающиеся его биографии, кажутся весьма проблематичными.¹²

Бог, по мнению хлыстов, проявляется во всей природе, но полного самознания мог достигнуть только в человеке. Сын Божий для них — просвещающая сила или слово божье. Истинным Сыном Божьим мог стать только человек, в которого вселилось слово Божье. Понятие «Христос» — понятие нарицательное; это обозначение человека, обладающего особыми способностями. Поэтому Иисус Христос для них — всего лишь один из «христов», в котором пребывало божество. В православных церквях поется: «Христос рождается», а не «Христос родился». Отсюда мнение, что Христы и дальше будут рождаться¹³.

Для хлыстов библейский Христос был учителем для своего времени, поэтому священные книги они считают для себя необязательными, хотя при этом они прямо

⁷ Ивановский Н.И. Руководство по истории и обличению старообрядческого раскола. Ч. III. Сведения о сектах рационалистических и мистических. Казань, 1912. С. 239 - 240.

⁸ В ограждение от хлыстовского лжеучения. О лживости хлыстовского мудрования по вопросу о троичности лиц в Боге // Миссионерское обозрение. Приложение I. 1899. Кн. 1. Январь- март. С. 61.

⁹ Барбарин В. Хлыстовщина или секта духовных христиан. М., 1890. С. 27 — 28; Реутский Н.В. Люди Божьи и скопцы. Историческое исследование (из достоверных источников и подлинных бумаг). М., 1872. С. 34 - 35. Добротворский И. Люди божьи. Русская секта так называемых духовных христиан. Казань, 1869. С. 33 — 34.

¹⁰ Мельников П.И. Собрание сочинений. Т. 6. С. 306.

¹¹ Коновалов Д. Религиозные движения в России. I. Секта хлыстов // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. 1914. № 1. С. 124.

¹² Панченко А.А. Хлыстовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М., 2002. С. 124 — 125.

¹³ Айвазов И. Тамбовские постники // Миссионерское обозрение. 1901. №2. С. 194.

их не отвергают. Они даже пользуются подходящими местами Священного Писания. Даже родословие Христа, изложенное в Евангелии от Матфея и Луки, хлысты пытались объяснить как историю многократного воплощения¹⁴.

Двенадцатая заповедь Данилы Филипповича гласит: «Святому Духу верьте»¹⁵. Отсюда и вера в переселение святого Духа, который может говорить через человека. Святой Дух, по мнению хлыстов, это сила, через которую Бог очищает и воодушевляет. Учение хлыстов о Духе выглядит забавно. Они считали, что дух не может существовать без «перегородок», потому что он может разлиться, как вода и исчезнуть. Под перегородкой они понимали тело человека. Отсюда и представление о том, что без тела дух существовать не может¹⁶.

Что касается учения о человеке, то здесь у хлыстов существовало представление о переселении душ и о их «предсуществовании». По верованию хлыстов, Бог создает души, а дьявол — тела. Но с тех пор, как «Саваоф» вселился в Данилу Филипповича, свободных душ на земле не осталось. Их место занимают только души умерших людей, а потому в каждом человеке живет душа, которая раньше обитала в каком-то другом человеке или животном. Когда и как сотворены души хлысты не говорят. Душа, находящаяся в теле, жила еще прежде неизвестно сколько времени и неизвестно в ком¹⁷.

В основе нравственного учения лежит предположение о том, что тело — это начало злое, душа — доброе. Отсюда идею об умерщвлении плоти, т.е. дурных помыслов и стремлений, они понимают в буквальном смысле — умерщвление тела. Плоть умерщвляется любыми способами, только бы душа могла беспрепятственно достигнуть своего назначения. Первый человек, Адам, согрешил именно угождением плоти; он впал в грех супружества. Шестая заповедь Данилы Филипповича гласит: «Не женитесь, а кто женат — живи с женою как с сестрой. Неженимые не женитесь, женимые разженитесь»¹⁸.

Отсюда добродетели хлыстов: воздержание, труд, пост. Радения тоже ведут к умерщвлению плоти. Однако после радений в «мистическом экстазе» проявляется уже не плоть, а «любовь духовная». С этой точки зрения объясняется уживчивость разврата, которым якобы славились хлысты, с заповедью о безбрачии¹⁹. Мельников пишет об умерщвлении плоти путем самоистязания.

По мнению хлыстов, человек умирает плотью, но зато воскресает духом. Это учение «о таинственной смерти и таинственном воскрешении» развивалось у хлыстов последовательно и излагалось в выражениях, имеющих на первый взгляд, аскетический характер. В представлениях сектантов есть смерть «о Адаме» и смерть «о Христе»²⁰. Соответственно, первая — следствие греха, исполнение божественно приговора. Смерть «о Христе» — это смерть таинственная, состоящая в бесстрастии и святости. Погребение «о Христе» есть отвлечение от всего внешнего. Хлысты гово-

---

¹⁴ Кутепов Н. Из миссионерской полемики. Разбор хлыстовского учения о воплотившемся Сыне Божьем Иисусе Христе // Миссионерское обозрение. 1902. № 2. С. 322 — 323.

¹⁵ Мельников П.И. Собрание сочинений. Т. 6. С. 306.

¹⁶ Буткевич Т.И. Обзор русских сект и их толков с изложением их происхождения, распространения и вероучения и с опровержением последнего. Пг., 1915. С. 27 — 28.

¹⁷ Ивановский Н.И. Руководство по истории и обличению старообрядческого раскола. Ч. III. Сведения о сектах рационалистических и мистических. Казань, 1912. С. 242.

¹⁸ Мельников П.И. Собрание сочинений. Т. 6. С. 306.

¹⁹ Ивановский Н.И. Руководство по истории и обличению старообрядческого раскола. Ч. III. Сведения о сектах рационалистических и мистических. Казань, 1912. С. 244.

²⁰ Булгаков Н. К вопросу о причинах обоготворения женщин у хлыстов // Миссионерское обозрение. 1901. № 1. С. 56.

рили примерно так: «Кто таинственно умрет и спогребется Христу, тот и воскреснет во Христе, т.е. услышит себе внутреннее слово Духа Божия, в глубине души обретет царство Божие. С этой минуты он делается храмом Божиим и дух Божий живет в нем. Что ни делает, что ни говорит, — не от говорит, а дух Божий, живущий в нем»²¹. Будущая жизнь начнется страшным судом, который откроется по трубному гласу Саваофа Данилы Филипповича²².

Несмотря на то, что хлысты часто использовали священные книги, главным источником веры для них оставалось учение «христов» и «пророков». В традиции изучения хлыстовства сложилось мнение, что хлысты относились отрицательно в православной церкви. Отчасти это подтверждали сами сектанты. Они отрицательно относились к православному богослужению, но посещали храмы для того, чтобы скрыть свою принадлежность к сектантству. Православную церковь оренбургские хлысты считали еретической, а потому бесполезной в деле спасения души. Когда в церкви звонили, они говорили, что «медь не знает, за что ее бьют». Свечей в церкви не ставили, считая в огонь должен быть в сердце. Милостыни не подавали, считая, что должны быть нищие духом. Свое же общество они считали церковью истинной, духовной, а православную — внешней, плотской. Таинства православной церкви они преобразовывали в свои радения. Поэтому у них не воспрещалось наружно принадлежать к православной церкви и посещать богослужение. О церкви хлысты Поволжья рассуждали, что там где «Христос» (хлыстовский), там и церковь. А где собрались: «Саваоф», «Христос», «богородица», апостолы и пророки, то там находится соборная апостольская церковь. Православная церковь не может быть соборной, потому что она разделена на приходы, следовательно, она — церковь приходская. Хлыстовской церкви передана и «тайна» истинного учения, которую все хлысты обязываются хранить от православных, а особенно от злых фарисеев (православного духовенства).

Эткинд пишет, что хождение в церковь было важной частью религиозной жизни хлыста. По его мнению, их культура потому и сумела так далеко отойти от православной, что хлысты, в отличие от старообрядцев, с православием не порывали. Место того, чтобы воспроизводить церковные службы самостоятельно, они продолжали использовать готовые структуры православной церкви, дополняя недостающее собственными ритуалами и учениями²³. О причастии поволжские хлысты говорили, что «не тело Христово нужно принимать, а дело его; то есть гонения и страдания, и не та тайна, что крошен хлеб с вином; а вот существование нашей общины — это действительная тайна, потому что весь мир должен причаститься истины и порядка нашей церкви, и потому еще, что ключи небесного царства хранятся у нашего старца». Съесть просфору значило осквернить себя. Как указывает Смолин, просфоры отдавали на съедение лошадям²⁴.

К причастию оренбургские хлысты относились отрицательно, говоря: «Накроши хлеба во щи — вот тебе и причащение». У них был свой обряд причащения и свои «дары», по которым, как отмечает Головкин, они «тоскуют и кричат». Не известно из чего состояли эти дары, но известно, что они оказывали опьяняющее действие²⁵.

²¹ Ивановский Н.И. Руководство по истории и обличению старообрядческого раскола. Ч. III. Сведения о сектах рационалистических и мистических. Казань, 1912. С. 23

²² Там же. С. 23

²³ Эткинд А. Хлыст: секты, литература и революция. М., 1998. С. 54.

²⁴ Смолин И. Современная Поволжская хлыстовщина // Миссионерское обозрение. 1899. № 5. С. 543.

²⁵ Э.О. Миссионерство, секты и раскол. (Хроника). Современная хлыстовщина, ее вожаки и

К православным они относились с недоверием, и даже с ненавистью, как отмечает Ивановский. Православные для них – неверный народ, злые люди, хищники; духовные лица – «черные вороны», «кровожадные звери», «волки злые», «безбожные иудеи», «злые фарисеи». Эти чувства сектанты не высказывали, наоборот, пророки иногда учили почитать иереев и весь причет церковный любить²⁶.

Хлыстовскую секту считали особенно вредной. Как правило, причиной такого мнения было причисление секте «свального греха» и детоубийства. Однако доказать это было очень трудно. Поэтому стали считать, с подачи Мельникова, что главной причиной вредности этой секты должно стать отрицание брака и отсутствие молитвы за царя, то есть непризнание власти монарха. Но, опять же, наличие или отсутствие молитвы за царя тоже было сложно доказать. Поэтому и остановились на отрицании хлыстами брака²⁷.

На третьем миссионерском съезде рассматривался вопрос об отношении хлыстов к браку. Вопрос стоял о том, придерживались ли они в XIX в. 6 – й заповеди Даниила Филипповича: «не женитесь, а кто женат, живи с женою как с сестрою. «Неженемые не женитесь, женемые – разженитесь». Многие исследователи задавали вопрос: почему хлысты проповедуют безбрачие, но при этом многие имеют жен и детей? Все направления хлыстовства имеют бракорборное учение, и, вступая в брак, оправдываются Св. Писанием, где сказано, что в жене Бог сотворил человеку помощницу. Хлысты говорят: «Мы – люди рабочие, нам нужно одеться, омыться. Как же без помощницы – то быть?» (Тамбовская губерния). Детей у них, как правило, не было, кроме богатых. У них обычно было по одному ребенку, чтобы было кому передать наследство. В Самарской губернии старо-хлысты совершенно отвергали брак. Однако некоторые сектанты имели семьи, только жены у них выполняли роль работниц. В Калужской губернии хлысты женились для поддержания рода и увеличения числа членов секты. Дети от законной жены у хлыстов назывались «щенками» или «цуцинятами»²⁸.

Хлысты говорили, что блуд – это крест, данный от Бога²⁹. Шалопуты отвергли церковный брак, заменив его «браком по духу», т.е. по взаимной склонности. Бытовое целомудрие поощряется, но внебрачные половые связи считались естественными и не преследовались. «Познанники божьи» Симбирской губернии от других хлыстов отличались тем, что вступали в брак и имели детей. Но жен своих считали за слуг. Вместо жен держали «сесрушек»; это называлось у них «Христовой любовью». «Беседники» были очень усердны в церкви, не жалели денег на устройство храма. Были случаи, что им удавалось стать церковными старостами³⁰.

Отношения в семье хлыстов были довольно сложными. Родителей своих по-

---

отношение к Православной церкви и таинствам. Искусство хлыстовской пропаганды // Миссионерское обозрение. 1899. №3. С. 389 – 390.

²⁶ Ивановский Н.И. Руководство по истории и обличению старообрядческого раскола. Ч. III. Сведения о сектах рационалистических и мистических. Казань, 1912. С. 241.

²⁷ Двадцать лет законодательных реформ по расколу. 1863 – 1883 // Христианское чтение. 1887. Ч. 1. № 1 -2. С. 69 -79.

²⁸ Буткевич Т.И. Обзор русских сект и их толков с изложением их происхождения, распространения и вероучения и с опровержением последнего. Пг., 1915. С. 61 – 77; Ивановский Н.И. Руководство по истории и обличению старообрядческого раскола. Ч. III. Сведения о сектах рационалистических и мистических. Казань, 1912. С. 53-54.

²⁹ Кальнев М. Состояние сектантства в Херсонской епархии и борьба с ним в 1901 г. // Миссионерское обозрение. 1902. № 6. С. 1111.

³⁰ Макаревский М.И., Добромыслов П.П. 3 – й Всероссийский миссионерский противораскольнический и противосектантский съезд в городе Казани 22 июля – 6 августа 1897 г. С. 112-113.

волжские хлысты не почитали. У них отцом считался тот, кто родил духовно, то есть тот, кто заманил в секту. Поэтому при знакомстве хлысты спрашивали друг друга о том, кто от кого он родился³¹. Брак поволжские хлысты не признавали, говоря, что «брак давно уже забракован и теперь в нем нет нужды»³².

По мнению поволжских хлыстов, в мире царствует антихрист, под которым подразумевают царя. Поводом к такому мнению послужило то обстоятельство, что Александра III сектанты считали своим последователем. При жизни императора они говорили, что после его смерти наступит время антихриста. Они рассказывали, что царь общался со старцами, переодевшись в штатскую одежду. Мало того, они считали, что царь принял бы хлыстовство, если бы не боялся своих министров. Хлысты брали расписки с новых членов секты о том, что «теперь царствует антихрист, поэтому если бы пришлось ему умереть под пытками, то тайны о своем обществе он не открывает». Этими расписками руководители общины шантажировали рядовых членов, когда у тех появлялось сомнение в хлыстовстве. Возможно, подозрения чиновников и богословов в антигосударственных настроениях хлыстов не были безосновательными.

Хлысты придерживались своеобразного поста. Представители многих хлыстовских толков считали грешным употребление в пищу вина, мяса, рыбы, картофеля, лука, а также кофе, чая, сахара³³. По их мнению, эти продукты от черта. О вине и водке хлысты говорили, что «выпить крови сатаны и живому сойти в ад. Говорили, что в Евангелии сказано, что Христос сходил в ад. А в какой это ад? Конечно, выпил вина, — значит, сошел в ад грешных спасти от мук. Но при этом они иногда позволяли себе выпить водки в компании, для того, чтобы расположить к себе собеседника. Это они понимают как «нисхождение в ад» людей грешных спасать. Мясо тоже запрещалось есть. Смолин говорит, что поволжские хлысты не ели мяса из жалости к животным и основываясь на словах апостола Павла, сказавшего: «Не буду мяса есть во век, дабы не соблазнить брата моего»³⁴. Особенно старались не есть свинину. Скорее всего это было связано с представлением о том, что именно в свиней вселяются грешные души.

Учение, религиозный культ, обряды хлыстовства не были в точности одинаковыми во всех организациях. Это, в первую очередь, связано с отсутствием единого центра для всех организаций. Наставники «хлыстовских кораблей» практически не поддерживали контакта и управляли сектой самостоятельно, модифицируя религиозный культ и верования. Следствием этого, в первую очередь, стало многообразие хлыстовских толков. Поэтому попытка систематизации их идеологии и богослужебных практик представляет собой сложнейшую проблему.

То общее, что у них было, исследователи брали за некоторую основу или критерий хлыстовства. Исходя из ряда признаков, основанных на учении и религиозных практиках, исследователи облегчали себе задачу при изучении того или толка. Если появлялась какая-нибудь новая секта, ее автоматически причисляли к хлыстам.

Секта хлыстов представляла собой самобытное явление в русской религиоз-

³¹ Смолин И. Современная Поволжская хлыстовщина // Миссионерское обозрение. 1899. № 5. С. 545.

³² Смолин И. Современная Поволжская хлыстовщина // Миссионерское обозрение. 1899. № 5. С. 544.

³³ Айвазов И. Тамбовские постники // Миссионерское обозрение. 1901. №2. С. 190; Базарянинов В. О пище и постничестве (Библейские канонические основания для полемики против хлыстов // Миссионерское обозрение. 1904. Кн. 2. № 18. С. 1145 — 1146.

³⁴ Смолин И. Современная Поволжская хлыстовщина // Миссионерское обозрение. 1899. № 5. С. 545.

ной жизни. Ответвления секты были настолько разными, что сложно сказать, какой именно толк является истинно хлыстовским, и вообще, можно ли говорить о чистом хлыстовстве в этот период.

Все выше сказанное дает понять, что хлыстовство во второй половине XIX – начале XX века представляло собой не просто разрозненное движение, а скорее некую надуманную модель, состоящую из множества сект, иногда совсем непохожих друг на друга.

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИЗ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Б. И. СЫРОМЯТНИКОВА

В начале XX века в России, как и в других европейских странах, велись активные поиски таких организационных форм образования, которые позволили бы сделать его в максимальной степени доступным широким слоям населения. Насущные потребности общества в образовании и стремление широких слоев к повышению своего культурного и социального статуса нашли отклик в среде образованнейших людей того времени.

Решение «университетского вопроса» признавалось нетерпящим отлагательства не только по строго научным или социальным мотивам; важную роль в его актуализации сыграли напряженные отношения между высшими учебными заведениями и Министерством народного просвещения. Недальновидные действия правительственных чиновников обусловили известную радикализацию «университетского вопроса».

Русские историки не остались в стороне от повсеместно проводящихся опытов организации общедоступного, в конечном итоге «свободного», негосударственного образования. Среди тех, кто преподавал не только в университете, но и в образовательных учреждениях для широких масс, были известные в русском обществе и авторитетные в научной среде А. А. Кизеветтер, П. Г. Виноградов, П. Н. Милюков, А. Е. Пресняков, А. К. Дживигелов и многие другие.

В лекционных курсах для широкой публики излагался не только соответствующий фактический материал; слушатели получали представление о взглядах профессора на современную действительность, его политических идеалах.

Среди тех, кто отдал немало сил и энергии делу общедоступного образования, был и историк права Борис Иванович Сыромятников (1874-1947).

Биография Б. И. Сыромятникова было достаточно типичной для перспективных в научном отношении выпускников российских университетов. После окончания Московского университета он был оставлен для подготовки магистерской диссертации на юридическом факультете. Приват-доцент Сыромятников очень скоро стал преподавать в Константиновском межевом институте на кафедре истории русского права землевладения, на Высших женских юридических курсах и в Московском коммерческом институте.

Первая русская революция, начало партийного строительства в России не обошли стороной и Сыромятникова. Рост общественной активности ученого совпал с окончательным формированием его принципиальных мировоззренческих и политических взглядов. По его мнению, Россия должна была пройти тот же путь развития, что и Европа, выработать те же институты управления, что и западные демократии, окончательно присоединившись тем самым к европейской семье народов.

В 1905 г. Сыромятников принимает участие в создании Академического союза, объединения либерально настроенных преподавателей высших учебных заведений. Эта профессиональная общественная организация фактически была создана после появления «Записки о нуждах просвещения», подписанной 342 работниками высшей школы и опубликованной 20 января 1905 года. Центральная мысль авторов

---

* Тихонов Виталий Витальевич - аспирант кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета.

«Записки» заключалась в том, что только народное просвещение обеспечит решение фундаментальной задачи, стоящей перед страной – социально-экономической модернизации. Учредительный съезд Академического союза состоялся 26-28 марта 1905 года. Современный российский историк так характеризует сущность программы Академического союза: «Состояние, насущные нужды и судьбы находящейся в «самом жалком положении» школы всех ступеней – от низшей до высшей – они [члены союза. – В.Т.] ставили в прямую связь с необходимостью «полного и коренного преобразования современного строя России» на началах законности, политической свободы, народного представительства для осуществления законодательной власти и контроля над действиями администрации»¹. Объединение декларировало не только задачи реформирования учебных заведений путем предоставления им большей автономии, но также выдвигало и политические лозунги. Девизом была фраза «Свободный университет в свободной стране». Союз просуществовал до 1906 г. и распался из-за политических разногласий. Н. И. Кареев по этому поводу замечал: «Одним из результатов Академического союза было более резкое, чем ранее, разделение профессуры на правую и левую»².

Что касается Сыромятникова, то он неоднократно избирался делегатом от Московского университета на съезды организации.

Летом 1905 г. на совместном съезде земцев-конституционалистов и второго делегатского съезда Академического союза была выдвинута идея о создании принципиально нового для России образовательного учреждения, которое могло бы привлечь в аудитории не только выходцев из образованных и обеспеченных слоев населения, но и рабочих и мелких служащих. Съезд выступил за «осуществление идей высшей вольной школы, за создание такого учебного заведения, которое, не будучи связанным ни правительственными требованиями, ни обязательной программой преподавания, отличалось бы по сравнению со школой государственной большей подвижностью, вводя новые методы преподавания»³.

На реализацию идеи были получены деньги от Московского литературно-художественного кружка (10 000 р.) и Немецкого клуба (10 000 р.). Было образовано Временное бюро по организации народного университета в составе профессоров А. С. Алексеева, Н. Д. Зелинского, И. А. и Н. А. Каблуковых, В. К. Рота, приват-доцентов А. Н. Реформаторского и Б. И. Сыромятникова. 25 февраля Сыромятников был избран секретарем Временного бюро⁴. В марте Бюро начало свою работу⁵.

Так было положено начало истории Московского общества народных университетов (МОНУ). В нем и сосредоточилась основная деятельность Сыромятникова, в том числе и как члена правления, вплоть до Октябрьской революции.

Народные университеты стали заметным событием в культурной жизни России, образно говоря, это была в некотором роде визитная карточка либерального просветительского движения. Основное отличие народного университета от классического учебного заведения заключалось в том, что он не давал систематического образования. Обучение проходило в форме лекционных циклов, носящих популяр-

---

¹ Иванов А. Е. Российский ученый корпус в зеркале первой русской революции // Неприкосновенный запас. 2005. № 44. С. 120.

² Кареев Н. И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С.232.

³ Цит. по.: Пархоменко Т. А. Московское общество народных университетов // Педагогика. 1996. № 6. С. 96.

⁴ Отчет о деятельности Московского общества народных университетов в 1906 – 07 году. М., 1907. С. 4.

⁵ Там же. С. 96.

но-просветительский характер и рассчитанных на неподготовленную публику. Занятия проходили по вечерам, что позволяло слушателям, не имевшим ни достаточных средств, ни времени, получать интересующие их знания. Предложенная форма обучения оказалась очень популярной у заводских рабочих. Так, если весной 1906 г. на 63 лекциях побывало чуть более 15,5 тысяч, то в учебном 1906/07 году на 302 лекциях присутствовало 215 тыс. человек⁶. Весь груз организации лекционного процесса ложился на Сыромятникова и О. Е. Сабинину, в обязанности которых входил поиск и приглашение преподавателей. Сыромятников встал во главе лекционно-организационного отдела⁷.

Организационная работа сочеталась Сыромятниковым с собственно преподаванием: он исколесил с публичными лекциями всю европейскую часть России.

Заметную роль сыграл Сыромятников в ходе Первого всероссийского съезда Общества народных университетов и других просветительных учреждений частной инициативы, проходившем в Санкт-Петербурге 3-7 января 1908 года. Сыромятников был избран председателем 1-й секции, на которой обсуждались важнейшие принципы организационной деятельности университетов, а также выступил с докладами «Народный университет как очередная задача нашего времени», «О внутренней организации Народного университета», «О характере и научном уровне чтений в Народном университете», «Деятельность Московского общества народных университетов»⁸.

В работе съезда приняли участие не только деятели просветительного движения, но и профсоюзные организации, имевшие непосредственное отношение к основному контингенту слушателей народных университетов – заводским рабочим. В ходе заседания возникла дискуссия по принципиальному вопросу деятельности народных университетов – их общедоступностью для всех слоев населения. А. М. Коллонтай, тогда один из лидеров профсоюзного движения, потребовала усиления роли профсоюзов в работе народных университетов, переориентации их деятельности исключительно на городской пролетариат. Учитывая, что в профсоюзах были очень сильны левые, антиправительственные настроения, это неминуемо привело бы к политизации преподавания, вливанию значительной пропагандистской струи в деятельность организации. С предложением категорически не согласился Сыромятников, убежденный сторонник деполитизации образования. Как председатель секции, он отклонил предложение Коллонтай, и профсоюзная делегация в знак протеста почти полностью покинула заседание. Оставшаяся часть выдвинула вопрос о компетентности бюро, который председатель попытался заблокировать, но «после давления членов съезда он снял с себя полномочия и удалился»⁹. Так, со скандалом, закончилось заседание.

В отчете о деятельности съезда, Сыромятников, посетовав на некоторую неорганизованность мероприятия, все же подчеркнул его важность для дальнейшего развития российского просвещения, основанного на демократических принципах. Не преминул автор коснуться и инцидента, произошедшего на заседании возглавляемой им секции, дав решительный отпор сторонникам политизации народных университетов¹⁰.

Кроме чтения лекций и административной работы, Сыромятников большое

⁶ Пархоменко Т. А. Указ. соч. С. 97.

⁷ Отчет о деятельности... в 1906 – 07 году. С. 5 - 7.

⁸ Отдел Рукописей Российской государственной библиотеки (далее - ОР РГБ) ф. 366. к. 11. е.х. 9.

⁹ ОР РГБ ф. 366. к. 11. е.х. 9. л. 40.

¹⁰ ОР РГБ ф. 366. к. 11. е.х. 9. л. 21.

внимание уделял популяризации идеи народных университетов в печати. По его мнению, народный университет является абсолютно новой формой организации образовательного процесса. Рождение и развитие новой формы образования Сыромятников связал с процессами демократизации общества и эмансипации отдельно взятой личности, ускорившиеся в России в связи с событиями Первой русской революции: «Вовлеченная в общее движение масса народа особенно остро почувствовала свою трагическую беспомощность перед лицом новых жизненных явлений...Призванный историей к самостоятельной гражданской жизни, он [народ – В.Т.] должен был прежде всего сознать, что на открывшемся для него новом пути ему не удастся сделать ни одного самостоятельного шага, пока не спадет с его глаз завеса, скрывающая от него источник света и знаний»¹¹. Но несмотря на социально-политические мотивы стремления народа к образованию, все же в учебных заведениях, по убеждению Сыромятникова, не должно быть политики: «Политика привела его аудиторию Народного университета, но не для «политики» пришел в эту аудиторию. Ошеломленный зрелищем великой исторической драмы, тайный смысл которой был от него сокрыт, он понял только одно – глубину своего невежества»¹². Народный университет – организация, несущая исключительно просветительские функции, далекие от злобы дня. Исходя из этого, целевая аудитория университета не могла ограничиваться какой-либо одной социальной прослойкой, ориентируя просветительскую деятельность университетов на все слои населения¹³. Такая разношерстная аудитория, нередко полуграмотная, неподготовленная, и определяла стиль преподавания, вынуждая лекторов читать курсы на общедоступном языке, по возможности избегая, строгих научных терминов и иностранных слов. Учитывая все это, Сыромятников отводит народным университетам положение между начальным образованием и высшим, подчеркивая, что они не скованы обязательной программой, а это позволяет им более оперативно отвечать на запросы слушателей. По его мнению, «единственная задача университета распространение знания, а не обучение»¹⁴.

Несмотря на отрицание связи образования с политикой, просветительские взгляды Сыромятникова теснейшим образом были связаны с его общественно-политической позицией. Либерал-западник по своим убеждениям, он считал, что для нарождающегося в России общества западного типа, необходима эмансипированная, образованная личность, способная не только осмыслить свое место в мире, но и настойчиво бороться за свои права. Задачу народных университетов ученый видел именно в помощи людям в осознании своей личности, способности быть активными членами социума.

В 1911 г. произошло событие, отразившееся на всей жизни историка. После грубого вмешательства министра народного образования Л. А. Кассо в деятельность Московского университета Сыромятников в знак протеста, как и несколько сотен других работников университета, уволился.

После отставки Сыромятников сосредоточился на работе в Обществе народных университетов, где в 1912 г. был избран товарищем председателя. В 1914 г. он занял пост председателя общества. На этой должности он находился вплоть до самого конца существования Московского общества народных университетов, которое

---

¹¹ Сыромятников Б. И. Что дает своим слушателям народный университет? // Общее дело. 1912. С. 4.

¹² Там же. С. 5.

¹³ Сыромятников Б. И. Народные университеты // Практическая школьная энциклопедия. М., 1912. С. 599.

¹⁴ Там же. С. 601.

было закрыто в 1918 году. С 1910 г. историк начинает преподавать в Университете имени А. Л. Шанявского¹⁵, тесно сотрудничавшего с МОНУ, но не входившего в его структуру.

В условиях возрастающих потребностей в образовании со стороны не только жителей крупных городов, но и провинции Сыромятников активно пропагандирует идею передвижных лекторских бюро, способных охватить широкие слои населения, проживающие в разных регионах империи. Ему неоднократно приходилось читать лекции перед аудиторией, весьма различной по образовательному уровню, в том числе и перед неграмотными крестьянами. Так у историка сформировалось стойкое убеждение в необходимости развития интеллектуальных контактов между столицами и провинцией, наведении мостов, в сущности, между двумя культурами¹⁶.

Одновременно с лекторской и организационной деятельностью Сыромятников продолжает публикацию трудов, носящих образовательный характер. В качестве учебного пособия для слушателей народных университетов была выпущена брошюра, целью которой было помочь неспециалисту сориентироваться в печатной продукции, касавшейся истории российского права. Сыромятников изложил и свое видение процесса развития отечественной истории государства и права¹⁷. На издание появилась рецензия В. А. Мякотина. В ней автор указывал на пользу подобных изданий, имеющих целью помощь в самостоятельном образовании. Но при этом рецензент отметил неполноту библиографического указателя и обзора, полагая, что он «является лишь изложением в весьма категорическом тоне взглядов самого г. Сыромятникова, кое в чем значительно расходящихся с общепринятыми в русской исторической науке»¹⁸.

В начале Первой мировой войны Сыромятников оказался среди тех, кто испытал патриотический подъем и призывал к объединению всех общественных сил для скорейшей победы. С его точки зрения, несомненным инициатором военных действий является Германия, чьи агрессивные действия вынудили страны Антанты защищаться. Выступает он и против немецкого засилья в российской экономике. Но у Сыромятникова популярная в то время пропагандистская риторика приобретает несколько неожиданный ракурс. Он рассматривает зависимость от немецкой промышленности как следствие культурной отсталости России. «Немецкое засилье — в конечном счете — не что иное, как наша собственная культурная немощь. И действительно, наша промышленность спит, многомиллионный народ пребывает во «власти тьмы» и безграмотности» — утверждал автор¹⁹. Выход из сложившейся ситуации один — дальнейшая демократизация образования, его распространение, доступность для широких слоев населения.

Под влиянием войны существенно изменилась и тематика публичных лекций в народных университетах и в провинции. Сохранились программы выступлений Сыромятникова перед слушателями университетов, свидетельствующие о присутствии значительного проантантовского пропагандистского компонента в его просветительской деятельности. Например, в планах чтений на 1915-16 гг. были заявлены

¹⁵ ОР РГБ ф.366. к. 30. е.х. 3.

¹⁶ Сыромятников Б. И. Очередная культурная задача // Вестник воспитания. 1914. № 4. С. 3 — 6.

¹⁷ Сыромятников Б. И. Краткий обзор и указатель литературы по истории государственной власти. М., 1913.

¹⁸ Русское богатство. 1913. № 8. С.377. Авторство В. А. Мякотина установлено: Эльзон М. Д. Анонимные рецензии на историческую литературу в «Русском богатстве» (1895 — 1917 гг.) // История и историки. 1973. М., 1975. С. 350.

¹⁹ Сыромятников Б. И. Война и культура // Камско — Волжская речь. 1915. 21 нояб.

следующие темы:

- «- Для чего нужно продолжать войну?»;
- Война и Ближний Восток;
- Война, культура и народное просвещение;
- Народный дом и его культурное значение;
- Международное право и война;
- Мировая война и мировая культура;
- Немецкая культура и немецкие варварства;
- Право как элемент культуры;
- Самоуправление и государственный строй»²⁰.

С изменением ситуации и поворотом от патриотической эйфории к критике правительственных действий появлялась новая тематика. Например, в лекционном плане на 1916-17 гг. можно найти и такую тему, как «Ответственное правительство»²¹ (популярный лозунг, выдвинутый Государственной думой). Вообще же, по мере роста разочарования в политике правящего режима, выступления Сыромятникова в печати становятся все более критичными.

Наступившая вслед за войной революционная пора нанесла непоправимый удар по идеалам Сыромятникова как организатора народного образования. Историк категорически не принял большевистскую власть. Особенное неприятие вызывали попытки кардинально реформировать образование. В работе «Пролетарский университет» Сыромятников пишет: «Одновременно с гонениями на независимую науку и автономную высшую школу советская власть выкинула знамя «демократизации» науки и академической школы, попытавшись противопоставить научной школе как таковой, университету, классовую или так называемый «пролетарский университет»²². Взгляды Сыромятникова на развитие образования решительно не совпадали с курсом большевиков на усиление пролетарской составляющей образовательных учреждений. Для него аудитория университета была не ареной классовых битв, а храмом знаний.

Вместе с концом дореволюционной России канул в Лету и Народный университет. Тем не менее, не стоит забывать о бесценном опыте, который был приобретен в результате деятельности энтузиастов, искренне желавшей помочь России стать богатой, образованной и процветающей страной.

---

²⁰ ОР РГБ ф.366. к. 30. е. х.11. л. 3.

²¹ Там же. л. 2.

²² ОР РГБ ф.366. к. 7.е. х.4. л.1.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТ РОССИИ(1906-1917): ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ

В изучении реформированного Государственного совета применительно к отечественной литературе можно выделить 3 периода. Первый охватывал начало XX в. (1906-1917 гг.). Почти все тексты этого периода можно разделить на 2 группы. К первой относятся сообщения журналистов и произведения публицистов о деятельности верхней палаты или Государственной думы с некоторыми сведениями о Совете, ко второй – курсы государственного права, а также монографии и статьи по этой дисциплине.

Работы первой группы имели целью проинформировать своих читателей о работе законодательных палат, лишней раз подчеркнув при этом правильность идеологии партии или течения, к которому принадлежал (или сочувствовал) автор. Поэтому эти тексты обычно ограничивались сообщением тех или иных фактов из деятельности верхней палаты или своих наблюдений о ней. Большинство этих работ посвящено деятельности Государственного совета во времена III Думы.

По политической направленности эти произведения можно разделить на 3 направления: право-консервативное, октябристско-кадетское (делящееся в свою очередь на 2 течения) и социалистическое. Правые консерваторы положительно оценивали деятельность Государственного совета, отклонявшего те решения Государственной думы, которые противоречили принципам православия, самодержавия и народности или косвенно подрывали их¹.

Работы октябристско-кадетского направления, являющиеся наиболее многочисленными и подробными, напротив, объявляли позицию Государственного совета излишне консервативной. В единственной октябристской работе (выражающей взгляды правого крыла союза), имеющей небольшой раздел о деятельности верхней палаты², указывается, что «работы третьей Думы на благо обновленной России встретили неожиданные и порой даже неустрашимые препятствия в своеобразной деятельности Государственного совета, во многих случаях сводившим на нет благие начинания нижней палаты». Говорится о «предвзятости» верхней палаты по отношению к Думе. Позиция верхней объявлялась «странной и печальной». От анализа причин такого положения октябристы уклонялись³. В некоторых октябристских работах прослеживается стремление затушевать консервативную роль Государственного совета, в т.ч. отклонение им думских проектов⁴. Во всех октябристских текстах подчеркивалось, что, несмотря на позицию верхней палаты, Думе удалось добиться значительных успехов в деле обновления страны.

В кадетских работах резко критикуется предоставление Государственному со-

---

* Демин Вадим Александрович – кандидат исторических наук, докторант кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета.

¹ Юрский [Замысловский] Г. Правые в третьей Государственной думе. Харьков, 1912.

² Микетов Я. Что сделало народное представительство третьего созыва. СПб., 1912.

³ Микетов Я. Указ. соч. С. 82, 85. См. также Еропкин А. Что делала и что сделала третья Государственная дума. СПб., 1912. Никаноров И. Церковные и вероисповедные вопросы в деятельности третьей Государственной думы. СПб., 1912. Работа Государственной думы по вопросам судебно-правовым. СПб., 1912. Ропп А.Н. Что делала третья Государственная дума для народного образования? СПб., 1912 и др.

⁴ Герье В. Значение третьей Думы в истории России. СПб., 1912.

вету равных прав с Думой как крайне недемократическая мера⁵. В текстах о деятельности верхней палаты (из них следует выделить статьи И. Идина и С. Озероского [С.Г. Фарфеля]⁶) отмечается «подозрительно-пренебрежительное отношение» верхней палаты к нижней. Указывается, что за время существования III Думы отношение к ней Совета ухудшалось.

Подчеркивается, что «думские законопроекты, попадая в Государственный совет, подвергались прежде всего обсуждению не с точки зрения их соответствия определенным нуждам страны и целесообразности, а с точки зрения их политической благонадежности и соответствия «искони-русским государственным началам». И как ни старалась третья Государственная Дума удовлетворить этим требованиям, как ни мелки были все ее новаторские полеты и робки ее прогрессивные начинания, она, тем не менее, экзамена на благонадежность не выдержала».⁷

Поэтому «ко всем законопроектам, имевшим хотя бы слабые признаки прогрессивного начинания», Государственный совет неизменно применял «законодательную обструкцию»⁸, т.е. их отклонение или переделку, лишаящую их смысла. В результате, по мнению кадетов, верхняя палата практически блокировала необходимые преобразования. В кадетских работах подробно излагались выступления Совета за ограничение прав законодательных палат. Отмечается, что после убийства Столыпина (личность которого Совет не устраивала или устраивала не в полной мере) «у верхней палаты с правительством установилось тесное единение»⁹.

К кадетскому течению примыкает статья члена Совета М.М. Ковалевского¹⁰. Он рассмотрел некоторые спорные вопросы статуса выборных членов Государственного совета, указывал на широкие полномочия верхней палаты (в т.ч. финансовые), дающие ей «возможность быть тормозом для всех начинаний со стороны нижней». Ковалевский отмечал, что «вот уже несколько лет, как Государственный совет... останавливает ход законодательства и мешает проведению реформ». Подчеркивается также пассивность правительства при отклонении Советом соответствующих проектов.

Социалисты практически не уделяли внимания реформированному Государственному совету, предпочитая критиковать Государственную думу. Его реформа рассмотрена в работе Ф.И. Дана¹¹. Он отметил, что преобразование сохраняло за Советом роль одного из центров борьбы за сохранение старых порядков, т.к. «постановления 20 февраля... клали в основу выборов в Г. С. сословно-корпоративную и высоко-цензовую систему» и в основном сохраняли «сановно-бюрократический характер Совета»¹².

Реформированному Государственному совету посвящена небольшая статья В.И. Ленина «Благодарим за откровенность» (1913 г.). Ее основная идея сводится

---

⁵ Миллюков П.Н. Год борьбы. СПб., 1907.

⁶ Труды Государственного совета // Ежегодники газеты «Речь» на 1912-1914 годы. СПб., б.г. См. также Бюджетная работа Государственной думы. СПб., 1912. Обнинский В. Новый строй. Ч. II. М., 1909. [Неманов Л.] Третья Государственная дума. Материалы для оценки ее деятельности. СПб., 1912. Что делала и что сделала третья Государственная дума. СПб., 1912. Шингарев А.И. Законодательная инициатива членов Государственной думы и Государственного совета // Русская мысль. 1912. Кн. IX-X. Я.Л. Законодательные итоги первого «конституционного пятилетия» // Русская мысль. 1912. Кн. X и др.

⁷ Ежегодник газеты «Речь» на 1912 год. С. 133.

⁸ Ежегодник газеты «Речь» на 1912 год. С. 132.

⁹ Ежегодник газеты «Речь» на 1913 год. С. 240-241.

¹⁰ Ковалевский М.М. Спасительный тормоз или гибельная запруда? // Вестник Европы. 1914. № 4.

¹¹ Общественное движение в России в начале XX-го века. Т. IV. Ч. 1. СПб., 1912

¹² Там же. С. 386.

к следующей цитате: «Государственный совет — вовсе не случайное политическое учреждение, а орган класса... Класс этот — крупные помещики»¹³. Отдельные упоминания верхней палаты с таким же смыслом имеются в нескольких других работах Ленина¹⁴.

Авторы работ по государственному праву (Н.И. Лазаревский, С.А. Котляревский, В.М. Гессен, Н.А. Захаров, Н.И. Палиенко, В.В. Ивановский и др.) анализировали законы о Государственном совете и сравнивали их с постановлениями о зарубежных верхних палатах¹⁵. Использование сведений о практической деятельности Совета в этих трудах минимально.

Альбом М.Л. Левенсона¹⁶ содержит краткие биографические сведения о большинстве членов верхней палаты.

Можно заключить, что на первом этапе изучения реформированного Государственного совета были исследованы законодательные постановления о нем и некоторые вопросы его работы. Однако научный анализ его деятельности не начинался.

Начался он на втором этапе изучения реформированного Государственного совета (20-е — середина 90-х гг.). Едва ли не первым советским историком, писавшем о верхней палате, был А. Слепков¹⁷. Он очень кратко (в нескольких абзацах) рассмотрел законы о верхней палате и их обсуждение в Царскосельском особом совещании. По его мнению, Совет являлся «организацией феодальных привилегированных групп и крупного промышленного капитала» и «реакционной второй палатой»¹⁸.

До конца 30-х гг. реформированный Государственный совет практически не упоминается в литературе. И лишь с этого времени он становится предметом интереса профессиональных историков, прежде всего Е.Д. Черменского¹⁹, а с середины 50-х гг. также А.Я. Авреха²⁰, В.С. Дякина²¹ и др. В их работах по истории правящих

¹³ Ленин В.И. ПСС. Т. 22. С. 359-360.

¹⁴ Там же. Т. 15. С. 145, 207.

¹⁵ Гессен В.М. Русское государственное право. СПб., 1909; Он же. Основы конституционного права. Пг., 1917; Грибовский В. Государственное устройство и государственное управление Российской империи. Одесса, 1912; Захаров Н.А. Система русской государственной власти. Новочеркасск, 1912; Ивановский В.В. Учебник государственного права. Казань, 1909. Он же. Указ и закон по действующему русскому законодательству // Журнал министерства юстиции. 1912. № 5; Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. 2 / Под ред. и с дополнениями М.Б. Горенберга. СПб., 1913; Корф С.А. Русское государственное право. М., 1915. Котляревский С.А. Юридические предпосылки русских Основных законов. М., 1912; Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. Т. 1-2. СПб., 1908; Он же. Русское государственное право. СПб., 1913; Нольде Б.Э. Очерки русского государственного права. СПб., 1911. Палиенко Н.И. Основные законы и форма правления в России. Харьков, 1910, Шалланд Л.А. Иммуниет народных представителей. Т. 1-2. Юрьев, 1911-13 и др.

¹⁶ Левенсон М.Л. Государственный совет (портреты и биографии). СПб. (Пг.), 1907, 1910, 1915 (первые 2 издания без указания автора).

¹⁷ Слепков А. Классовые противоречия в I-й Государственной думе. Пг., 1923.

¹⁸ Слепков А. Указ. соч. С. 34-35.

¹⁹ Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1938, 1970. Он же. Россия в период столыпинской реакции (1907-1912 гг.). М., 1954. Он же. История СССР. Период империализма. М., 1965, 1974. Он же. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976 и др.

²⁰ Аврех А.Я. Третьеиюньская монархия и образование третьеиюньского буржуазно-помещичьего блока // Вестник Московского университета. 1956. № 1. Он же. Вопрос о западном земстве и банкротство Столыпина // Исторические записки. Т. 70. М., 1961. Он же. Царизм и третьеиюньская система. М., 1966. Он же. Столыпин и III Дума. М., 1968. Он же. Царизм и IV Дума. М., 1981. Он же. Распад третьеиюньской системы. М., 1985. Он же. Царизм накануне свержения. М., 1989 и др.

²¹ Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914-1917). Л., 1967. Он же. Чрезвычайно-указное законодательство в России (1906-1914) // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. VII. М., 1976. Он же. Сфера компетенции указа и закона в третьеиюньской

кругов начала XX в. появляются указания на политическую позицию Совета и его решения по наиболее важным вопросам. Эти сведения очень неполны, иногда еще и ошибочны²². Эти работы приходят к выводу о наличии в верхней палате правого большинства и блокировании им почти всех попыток политических реформ (в т.ч. правительственных).

Реформе Государственного совета и началу его деятельности в обновленном виде были посвящены работы А.Д. Степанского²³. Он рассмотрел историю разработки законов о верхней палате, ее деятельность в первые 2 сессии и создание в ней политических групп. По его мнению, Государственный совет был самым влиятельным органом власти.

В 70-е гг. появляются первые работы А.П. Бородина о Государственном совете²⁴, посвященные главным образом рассмотрению верхней палатой нескольких наиболее важных законопроектов правительства Столыпина. Подробнее его взгляды рассмотрены ниже. Е.Э. Новикова рассмотрела деятельность (главным образом решения) верхней палаты в годы Первой мировой войны²⁵.

В первой половине 90-х гг. частота упоминаний реформированного Государственного совета увеличилась в связи с общим повышением интереса к истории императорского правительства. Различные указания на отдельные стороны его состава и деятельности содержатся в появившихся в большом числе работах о Государственной думе Российской империи, а также в общих работах по политической истории²⁶.

По мнению автора, эти работы не означали перехода к новому этапу. Они выявили лишь небольшое число новых фактов, по-прежнему не претендуя на создание целостного представления о реформированном Государственном совете. В идейном плане (применительно к верхней палате) тексты начала и середины 90-х гг. не внесли ничего нового по сравнению с историками 30-80-х гг.

монархии // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. VIII. Л., 1976. Он же. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907-1911 гг. Л., 1978. Кризис самодержавия в России. 1895-1917. Л., 1984 (соответствующие разделы). Он же. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911-1914 гг. Л., 1988 и др.

²² По словам Черменского и Авреха, утвержденный в 1912 г. закон о реформе местного суда якобы не был издан (Аврех А.Я. Столыпин и третья Дума. С. 510. Черменский Е.Д. История СССР. М., 1965. С. 316, 385). По мнению Черменского, «единственный либеральный законопроект, пропущенный «звездной палатой» (Государственным советом — В.Д.) — о веротерпимости — не был утвержден царем» (Черменский Е.Д. История СССР. М., 1974. С. 258), в действительности же Совет одобрил много либеральных проектов, но о смене исповедания фактически отклонил, внося в него неприемлемые для Думы поправки (по нему не была закончена согласительная процедура). Не был утвержден императором проект об отмене большинства ограничений для сложившихся духовный сан.

²³ Степанский А.Д. Государственный совет в период революции 1905-1907 гг. Диссертация на степень кандидата ист. наук. М., 1965. Он же. Политические группы в Государственном совете в 1906-1907 гг. // История СССР. 1965. № 4. Он же. Реформа Государственного совета в 1906 г. // Труды МГИАИ. Т. 20. М., 1965. Он же. Польская группа Государственного совета в 1906-1907 гг. // Исследования по истории польского общественного движения XIX в. — начала XX в. М., 1971.

²⁴ Бородин А.П. Усиление позиций объединенного дворянства в Государственном совете // Вопросы истории. 1977. № 2. Он же. Государственный совет и столыпинская программа преобразований в области местного управления, суда и начального образования. Диссертация на степень кандидата ист. наук. М., 1977.

²⁵ Новикова Е.Э. Государственный совет в годы первой мировой войны. Диссертация на степень кандидата ист. наук. М., 1985.

²⁶ Шевырин В.М. Государственная дума в России. М., 1995. Кирьянов И.Н., Лукьянов М.Н. Парламент самодержавной России. Пермь, 1995. Демин В.А. Государственная дума России (1906-1917): механизм функционирования. М., 1996. Власть и реформы / Под ред. Б.В. Ананьича. СПб., 1996. и др.

В частности, в наиболее подробной работе – коллективной монографии «Власть и реформы» (соответствующие разделы которой написаны Р.Ш. Ганелиным и Дякиным), отмечается, что при разработке реформы государственного строя Государственный совет рассматривался как «главная сила, способная воспрепятствовать ожидавшимся со стороны Думы либеральным и демократическим устремлениям»²⁷. Указывается, что «весь механизм формирования Государственного совета предполагал наличие в нем лишь правого большинства», которое не пропустило ни одного проекта, одобренного думским октябристско-кадетским большинством. Отмечается неприемлемость для верхней палаты правительственных реформаторских проектов даже без думских дополнений²⁸.

В общем можно заключить, что в конце 30-х – середине 90-х гг. были изучены отдельные немногочисленные вопросы истории реформированного Государственного совета. Основные исследования этого этапа представляли собой неопубликованные кандидатские диссертации. В соответствии со взглядами Ленина верхняя палата рассматривалась как орган класса помещиков.

Со второй половины 90-х гг. начинается третий этап в изучении реформированного Государственного совета. Он начинает интересовать историков сам по себе. Появляется довольно большое количество посвященных ему работ, в т.ч. монографических. Высказываются различные идеи о политических позициях верхней палаты и ее роли в законодательном процессе.

В этот период реформированный Государственный совет продолжал рассматриваться попутно в работах, посвященных Думе²⁹. В наиболее подробном исследовании А.Ф. Смирнова вновь подчеркивается консервативная роль верхней палаты. В частности, указывается, что «правительство вносило законопроекты, Дума считала их недостаточными, вносила свои поправки, а Гос. совет неизменно отвергал не только поправки Думы, но и правительственные предложения...», т.к. «по вине своих «членов по назначению императора»... шел вправо, а общественность склонялась все более влево»³⁰.

С юридической стороны реформированный Государственный совет рассмотрен в учебном пособии И.А. Кравца³¹. В этой работе на основе главным образом трудов правоведов начала XX в. (с привлечением также некоторых исторических монографий и, в минимальной степени, материалов Государственной думы) разбирается порядок формирования, правовой статус членов и полномочия верхней палаты. Указывается, что «формирование Государственного совета было подчинено целям создания консервативной верхней палаты»³². В то же время «Государственный совет с точки зрения организации и обновления его состава являлся учреждением достаточно либеральным по сравнению с верхними палатами других государств»³³. Сама же деятельность палаты в книге не рассматривается.

²⁷ Власть и реформы. С. 519.

²⁸ Там же. С. 555-556.

²⁹ Государственный совет и Государственная дума // Аналитический вестник. Совет федерации. 1996. № 5. Смирнов А.Ф. Государственная дума Российской империи 1906-1917 гг. М., 1998. Флоринский М.Ф. Российский парламентаризм начала XX в. // Вестник Межпарламентской ассамблеи. 2000. № 2. Рыбка О.Ю. Государственная дума в системе власти России в начале XX столетия. М., 2001. Малышева О.Г. Думская монархия. Ч. 1-2. М., 2001-2003 и др.

³⁰ Смирнов А.Ф. Указ. соч. С. 486.

³¹ Кравец И.А. Конституционализм и российская государственность в начале XX в. М.-Новосибирск, 2000.

³² Там же. С. 188.

³³ Там же. С. 193.

На рубеже XX-XXI вв. впервые появились посвященные верхней палате монографии. Первая из них³⁴ была написана Бородиным. Она основана на весьма широком круге опубликованных и архивных источников. В частности, использованы материалы обсуждения Советом наиболее важных проектов (как стенографические отчеты, так и протоколы комиссий), личные дела членов палаты, содержащая много интересных сведения переписка видного деятеля правой группы палаты графа С.Д. Шереметева о различных вопросах формирования, организации и деятельности Совета, фонд его группы центра и др.

В монографии обстоятельно проанализированы история преобразования Государственного совета, его личный состав, соотношение численности политических групп. Рассмотрена также «реакция Государственного совета и в первую очередь его правого крыла» на правительственные проекты реформ, которые были направлены на ликвидацию сословной приниженности крестьянства и «составляли ту часть провозглашенной П.А. Столыпиным программы, которую он действительно хотел и должен был осуществить, поскольку она была теснейшим образом связана с его аграрной реформой и в известной степени... определяла успех последней»³⁵. Под этими проектами понимаются планы реформы крестьянского землевладения, местного суда, земского самоуправления, волости, начального образования.

Подчеркивается, что «классовая природа самодержавия и соотношение сил внутри третьеиюньского блока обусловили ярко выраженный дворянский характер реформированного Гос. совета»³⁶. Подавляющее большинство (свыше 4/5) членов верхней палаты происходили из потомственных дворян. Около 3/4 (2/3 назначенных и 9/10 выборных) владели в разном размере недвижимостью, в основном землей. В то же время отмечается, что значительное большинство назначенных и многие выборные члены жили не столько на доходы от имений, сколько на жалование³⁷. Таким образом оказывается, что наиболее влиятельные назначаемые члены палаты были не столько помещиками, сколько чиновниками. Многие из них вовсе не имели отношения к поместному дворянству, происходя из бюрократии.

В разные сессии от 1/5 до 1/3 членов верхней палаты были в разном качестве (в основном как уполномоченные на съездах) связаны с организацией Объединенного дворянства, однако далеко не все из них последовательно придерживались ее политической программы.

В монографии указывается, что реформа крестьянского землевладения была одобрена в соответствии с мнением правительства, реформа местного суда также была принята, хотя и с существенными изменениями. Совет согласился на введение земского самоуправления в юго-восточном крае, но не согласился относительно западных губерний и Донской области. Создание волостного земства и реформы в народном образовании были отклонены.

По мнению Бородина, в Государственном совете первоначально существовало октябристское большинство, но с 1907 г. в результате отказа императора Николая II от реформ и усиления консервативных настроений в поместном дворянстве началось поправление верхней палаты. «Образовавшееся правое большинство пара-

---

³⁴ Бородин А.П. Государственный совет России (1906-1917). Киров, 1999. Он же. Государственный совет и указ 9 ноября 1906 г. // Отечественная история. 1994. № 2. Он же. Реформа Государственного совета 1906 года // Вопросы истории. 1999. № 4-5. Он же. Столыпин: реформы во имя России. М., 2004.

³⁵ Бородин А.П. Государственный совет России. С. 169.

³⁶ Там же. С. 77.

³⁷ Там же. С. 84-85.

лизует реформаторскую деятельность и Думы, и правительства, превращая Гос. совет в «гибельную запруду»³⁸.

В книге Бородин не изучена законодательная практика верхней палаты в целом (в частности, рассмотрение ею проектов о резком увеличении ассигнований на начальное образование, внесение частных улучшений в финансирование местного самоуправления, судебную часть, гражданское право, положение женщин и др.) и использование ею контрольных полномочий. Указывается главенствующая роль членов по назначению, но не рассматривается влияние представителей различных избирательных курий. Отсутствует систематическое изложение идеологии фракций Совета и их течений, внутренней организации и порядка работы палаты, а также ее формирования и юридического положения членов. Неполные сведения по этим вопросам разбросаны по разным местам.

В ряде случаев невнимание ко всем этим сюжетам приводит к фактическим ошибкам. В частности, президиум группы центра был создан не в 1909 г.³⁹, а еще в феврале 1907 г.⁴⁰

В приложении к работе даны списки всех членов реформированного Государственного совета с указанием годов жизни, сословного происхождения, исповедания, образования, недвижимого имущества, времени членства в палате, партийной и фракционной принадлежности, отношения к Объединенному дворянству и некоторых других сведений. Эта информация также не лишена отдельных неточностей⁴¹.

Недостатком книги Бородин является ее некоторая обезличенность. Приводятся, как правило, характеристики лишь тех руководителей Совета и его основных групп, которые заняли соответствующие должности в 1915-1917 гг. Читатель остается в неведении относительно деловых и личных качеств М.Г. Акимова и И.Г. Голубева, которые в качестве соответственно председателя и вице-председателя возглавляли реформированный Государственный совет на протяжении большей части его существования, многолетнего лидера правых П.Н. Дурново, бессменного председателя правого центра А.Б. Нейдгарта и др.

Можно заключить, что монография Бородин содержит исчерпывающий анализ некоторых важных сторон истории реформированного Государственного совета с большим количеством очень интересных наблюдений и обобщений, однако не дает всестороннего представления о верхней палате.

Попыткой подробного и полного изложения организации и деятельности реформированного Государственного совета, его структуры, компетенции, основных функций, форм взаимодействия с монархической властью, Государственной думой и Советом министров является работа Е.А. Юртаевой⁴². Цель этого исследования трудно признать в полной мере достигнутой.

Монография написана главным образом на основе законов и иных нормативных актов, а также трудов правоведов начала XX в. и, в незначительной степени, стенографических отчетов верхней палаты. Помимо содержания правовых актов, книга содержит рассуждения (нередко более или менее поверхностные), основанные

³⁸ Там же. С. 235.

³⁹ Там же. С. 123.

⁴⁰ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 34. Л. 42.

⁴¹ См. Демин В.А. Рецензия на кн. Бородин А.П. Государственный совет России (1906-1917). Киров, 1999 // Вопросы истории. 2000. № 7. С. 161-162.

⁴² Юртаева Е.А. Государственный совет в России (1906-1917 гг.). М., 2001. См. также Она же. Государственный совет в России (1906-1917 гг.) // Государство и право. 1996. № 4.

не столько на практике Государственного совета, сколько на общих соображениях и абстрактной правовой логике. В работе рассмотрена судьба палаты после революции. Отмечается, что «народное представительство образца 1906-1917 гг. в России не имело должной социальной опоры, оно не только не выражало интересы народа, но и прямо им противоречило»⁴³.

История верхней палаты в 1906-1907 гг. рассмотрена в работах В.Г. Кошкидько⁴⁴. Он на основании довольно широкого круга опубликованных и архивных источников подробно изучил разработку реформы Государственного совета, его личный состав, внутреннюю организацию и порядок работы, фракционный состав, а также деятельность верхней палаты в 1906-1907 гг. (кроме обсуждения ее Наказа).

В этих работах отмечается, что «система представительной власти» Российской империи «формировалась по образцу западных конституционных монархий». Государственный совет играл в ней роль ««буфера» между правительством и Думой» и «инстанции прежнего бюрократического самовластия»⁴⁵.

Исследователь указывает, что в 1906 г. в верхней палате правительство полностью поддерживала лишь правая группа, в то время как центристское большинство стремилось к компромиссам с Думой. В то же время подчеркивается, что «в отношениях правительства и Госсовета принципиальных противоречий не наблюдалось»⁴⁶. В 1907 г. в Совете в лице группы центра существовало правительственное большинство⁴⁷.

Исследователь отмечает, что «взаимоотношения Госсовета с I и II Думами — это... поиски путей к взаимному сотрудничеству между группой центра верхней палаты и кадетской фракции Думы, положительные решения по четырем правительственным законопроектам... достижение взаимных компромиссов в ходе обсуждения других проектов. Все это говорило о том, что созданная система представительных органов жизнеспособна, при сближении политических позиций большинства членов палат может сотрудничать с правительством и вести эффективную законодательную работу»⁴⁸. Основной причиной ее неуспеха признается политическая позиция I и II Дум.

Помимо монографий, на рубеже XX-XXI вв. появилось также несколько статей о реформированном Государственном совете, написанных на основе узкого круга источников (главным образом законодательных, некоторых мемуарных, а также выдержек из стенографических отчетов палат).

В работе В.М. Шевырина кратко рассматривается история дореформенного Совета, идеи, высказанные при обсуждении его реформы, полномочия, фракционный состав, внутренняя организация и деятельность палаты, личные качества ее руководителей⁴⁹. Судя по сноскам, статья написана без учета уже опубликованных работ Степанского и Бородина.

Историк подчеркивает высокую компетентность членов верхней палаты. В статье указывается, что правым «не удалось, по крайней мере при жизни Столы-

---

⁴³ Юртаева Е.А. Указ. соч. С. 152.

⁴⁴ Кошкидько В.Г. Представительная власть в России: формирование и функционирование (1905-1907 гг.). М., 2000. Он же. Реформа государственного строя России в условиях политического кризиса начала XX в. М., 2003 и др.

⁴⁵ Кошкидько В.Г. Представительная власть в России. С. 229-230.

⁴⁶ Там же. С. 230.

⁴⁷ Кошкидько В.Г. Реформы государственного строя России. С. 125.

⁴⁸ Там же. С. 230.

⁴⁹ Шевырин В.М. Государственный совет в России (1906-1917) // Россия и современный мир. 1996. № 1.

пина, превратить верхнюю палату в кладбище реформ»⁵⁰. «Ни при Столыпине, ни позже Госсовет не стал «заглушкой» для эволюционного развития России»⁵¹. «Госсовет скорее специализировался на «шлифовке» законопроектов... В последние годы перед катастрофой 1917 г. Госсовет и вовсе стал чуть ли не регистратором думских законопроектов...»⁵². В работе говорится, что «нежелательным» и «слишком левым» законопроектам «порой... действительно устраивали «похороны по первому разряду»⁵³ (без указания конкретных проектов). Оценивается это скорее положительно, т.к. быстрые преобразования в условиях России начала XX в. были чреваты катастрофой.

В статье П.А. Федосова⁵⁴ при изложении полномочий палат отмечаются фактические преимущества Думы в законодательном процессе (едва ли не впервые в литературе). Автор критикует представление о верхней палате как об однозначно консервативном учреждении и указывает ее основную задачу — «демпфировать прямые столкновения общества в лице Государственной думы и государства в лице царя»⁵⁵.

По мнению Федосова, «Государственный совет после реформы 1906 г. представлял собой полноценную по европейским меркам начала XX в. вторую палату парламента, признанную международным парламентским сообществом, аккумулирующую в себе огромный интеллектуальный потенциал и государственный опыт, настроенную на конструктивное сотрудничество с первой палатой, естественно, в рамках Основных законов страны, и осуществлявшую этот настрой с того момента, как аналогичную готовность проявила и Государственная дума»⁵⁶.

Позиция Совета оценивается по решениям 1906 г. без учета его последующего поправления (о котором ничего не говорится, хотя Федосов знаком с книгой Бородин). Ответственность за трудности в законодательном процессе возлагается на политическую позицию I и II Дум и невысокие деловые качества членов нижней палаты последующих созывов. Случаи отклонения Советом реформаторских проектов (кроме касавшихся введения земского самоуправления на окраинах) в статье не указываются. Несмотря на ряд удачных наблюдений, работа представляется поверхностной и крайне односторонней.

Статьи Н.А. Кувшиновой не внесли в изучение вопроса ничего нового⁵⁷.

В диссертации С.В. Богданова рассмотрено иностранное влияние на формирование, полномочия, внутреннюю организацию и порядок работы Государственного совета⁵⁸. По мнению исследователя, «набор возможностей, которыми располагало правительство для оказания влияния на членов верхней палаты, был ограничен по сравнению с ведущими европейскими странами», в частности с Великобританией. Обнаружено также сходство законов о реформе Совета с таковыми о Сенате

⁵⁰ Там же. С. 166.

⁵¹ Там же. С. 168.

⁵² Там же. С. 161-162.

⁵³ Там же. С. 163.

⁵⁴ Федосов П. Первая «вторая» палата — Государственный совет Российской империи в 1906-1917 гг. // Власть. 2001. № 9.

⁵⁵ Там же. С. 73.

⁵⁶ Там же. С. 79.

⁵⁷ Кувшинова Н.А. Государственный совет как верхняя палата российского парламента (1906-1917 годы) // Юридические записки Воронежского гос. ун-та. Вып. 15. Теоретические и исторические проблемы юридической науки. Воронеж, 2002. Она же. Из истории становления Государственного совета в России // Россия в контексте мировой истории. Воронеж, 2003.

⁵⁸ Богданов С.В. Национальный и зарубежный опыт в формировании и функционировании Государственной думы и Государственного совета в начале XX века. Автореферат диссертации на степень кандидата ист. наук. М., 2003.

Франции⁵⁹ (который впрочем включал лишь выборных членов от местного самоуправления). Указывается также на значительное иностранное влияние на «внутреннее устройство» обеих палат⁶⁰.

Можно сделать вывод, что в середине 1990-х – 2000-е гг. изучение реформированного Государственного совета значительно улучшилось. В опубликованных работах исследованы многие стороны истории реформированного Государственного совета. Однако другие важные сюжеты разработаны недостаточно. Поэтому верхняя палата нуждается в дальнейшем изучении.

Предложить периодизацию зарубежной (в т.ч. русской эмигрантской) литературы о реформированном Государственном совете затруднительно из-за крайне малого числа соответствующих работ.

В литературе «Русского зарубежья» исследований, специально посвященных реформированному Государственному совету, не имеется. Верхняя палата в той или иной степени затрагивалась в общих исследованиях, посвященных политической истории начала XX в. В частности, порядок формирования и права Совета, а также итоги рассмотрения им важнейших законопроектов в общей форме без выводов изложены в монографии С.С. Ольденбурга⁶¹.

В зарубежной литературе реформированный Государственный совет специально почти не изучался. Он также затрагивался в работах по политической истории начала XX в., которые повторяли идеи публицистов либерального направления⁶². Монография французского правоведа П. Шасля⁶³ по своему содержанию примыкает к трудам российских государствоведов начала XX в.

Верхняя палата упоминается в большом числе общих работ по политической истории начала XX в., опубликованных в его второй половине⁶⁴. Из них наиболее подробной является монография английского историка Д. Хоскинга. По его мнению, в Государственном совете уже к 1909 г. вокруг группы правых сложилось консервативное большинство, ставшее труднопроходимым барьером для законодательных изменений, особенно затрагивающих интересы дворянства или прерогативы самодержавия. Этот барьер могли проходить лишь проекты, одобренные императором⁶⁵. Это обстоятельство послужило одной из причин невозможности либеральных реформ (кроме крестьянской) в рамках третьеиюньской системы.

Специально посвящена реформированному Государственному совету лишь одна работа – статья американского историка А.Ч. Коррос⁶⁶, написанная на доволь-

---

⁵⁹ Там же. С. 27.

⁶⁰ Там же. С. 30.

⁶¹ Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. Белград, 1939 (др. издания – СПб., 1991, Ростов н/Д, 1998 и др.).

⁶² Например, Empire russe // La vie politique dans les deux mondes. Paris, 1908-1913

⁶³ Chasles P. Le parlement russe. Paris, 1910.

⁶⁴ Например, Leontowitsch W. Geschichte des Liberalismus in Russland. Frankfurt-am-Main, 1958 (Русский перевод - Леонтович В.В. История либерализма в России. М., 1995). Hosking G.A. The Russians Constitutional Experiment. Government and Duma, 1907-1914. Cambridge, 1973. Manning R.T. The crisis of the old order in Russia. Princeton, 1982. Hagen M. Entfaltung politischer Öffentlichkeit in Russland 1906-1914. Wiesbaden, 1982. Lieven D.C. Russia's Rulers under the Old Regime. New Haven, 1989. Pipes R. The Russian Revolution. New York, 1990 (русский перевод – Пайпс Р. Русская революция. Ч. 1. М., 1994) и др.

⁶⁵ Hosking G.A. Op. cit. P. 81 (впрочем, описывая рассмотрение проекта о штатах Морского генштаба, историк отмечает, что верхняя палата поддавалась также давлению правительства (Там же. С. 84)).

⁶⁶ Korros A.S. The Landed Nobility, the State Council, and P.A. Stolypin (1907-11) // The Politics of Rural Russia. 1905-1914. Bloomington-London, 1979. Верхней палате посвящена и ее диссертация Shecket A.D. The Russian Imperial State Council and the Policies of P.A. Stolypin, 1906-1911. Columbia University, 1974.

но узком круге опубликованных источников и литературы. Исследователь в общем виде рассмотрела взаимоотношения верхней палаты с правительством П.А. Столыпина, а также ход обсуждения в Совете проектов о штатах Морского генштаба (очень кратко) и (немного подробнее) западного земства.

Основные идеи работы сводятся к следующему. Столыпинские реформы, направленные на ослабление сословных начал в государственном управлении вообще и на значительное уменьшение прерогатив предводителей дворянства в частности, вызвали противодействие всего дворянства (как консервативного, так и умеренно-либерального). Государственный совет, в котором дворянство пользовалось очень значительным влиянием (большим, чем в других органах власти), стал одним из инструментов сопротивления реформаторским планам.

Во взаимоотношениях с ним Столыпин первоначально опирался на группу центра, однако ее разнородность, уменьшение численности и неспособность твердо поддерживать правительство заставили последнее искать новую опору. После отклонения императором проекта о штатах морского генштаба (1909 г.) премьер под давлением правых попытался составить новое большинство верхней палаты на основе идеи великорусского национализма. Отклонение закона о западном земстве (1911) показало неудачу этой попытки и привело к политической смерти Столыпина.

Таким образом, в изучении реформированного Государственного совета достигнуты значительные успехи. В то же время многие важные стороны его истории требуют дальнейшего исследования.

МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ КАРПОВИЧ: РУССКИЙ ИСТОРИК В АМЕРИКЕ

«Удивительная судьба была у Карповича. Он был, как будто, предназначен отдать все свои духовные, творческие силы на службу России вне России, за ее рубежом — в Соединенных Штатах Америки»¹.

«Историк и публицист Михаил Михайлович Карпович родился 3 августа 1888 г. в Тифлисе»², где постоянно и проживал до 1906 г. Михаил Михайлович «еще в Тифлисе, в гимназии, ... увлекся Историей»³. В своих собственных воспоминаниях по поводу своих увлечений историей говорил следующее: «В последние же три года (когда Карпович учился в Тифлисской гимназии) ... готовил себя к научной деятельности и отдавался усиленным и систематическим специализированным занятиям историей (причем специализировался по данной отдаленной от совершенности области, как средневековая история)»⁴. Отец мальчика поддерживал его увлечение. Для расширения кругозора сына Михаил Викентьевич в 1901 г. отправился с ним «во время каникул в путешествие по Западной Европе»⁵, а «в 1905 г. Михаил Михайлович путешествовал с теткой по Швейцарии»⁶.

Увлечение историей за годы учебы в гимназии Карповичем не проходит и по окончании гимназии, в 1906 г. поступил в Московский университет на историко-филологический факультет посещал лекции Ключевского, работал на семинарах Покровского, Петрушевского, Савина. С осени 1907 до лета 1908 г.г. учился в Сарбоне и на один месяц ездил в путешествие по Италии. В Париже Карпович помимо учебы вел светскую жизнь. На этот период его другом стал Осип Мандельштам.

В годы учебы в Московском университете лучшим другом Карповича, их дружба длилась всю жизнь, был Георгий Владимирович Вернадский. В период учебы в Московском университете Карпович участвовал в общественной жизни университета, являлся членом студенческого научного общества памяти князя С. Н. Трубецкого.

В 1914 г., в возрасте 27 лет, Михаил Михайлович с отличием закончил Московский университет и решил посвятить себя научной деятельности. Он остался при университете на кафедре истории для написания магистерской диссертации по теме «Александр I и Священный Союз». Помимо учебы в магистратуре, работал в Историческом музее в качестве помощника научного секретаря. Карповичу не удалось написать и защитить магистратскую работу из-за затянувшийся Первой мировой войны, т.к. в 1916 г. его призвали в армию, но он не был отправлен на фронт, а был оставлен служить в секретариате при Особом Совещании по Обороне. Но проработал при Особом совещании по обороне недолго. Весной 1917 г. давний друг семьи Карповичей по Тифлису Б. А. Бахметьев, которого назначили послом в Вашингтон, предложил Карповичу ехать в качестве своего личного секретаря в составе чрезвычайной миссии в США. Карпович согласился без колебаний.

---

* Юдаева Наталья Викторовна — соискатель кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета.

¹ Керенский. А. М.М.Карпович. // Новый журнал. Нью-Йорк. 1959. № 58. С. 5.

² Новый исторический вестник. 2003. № 1(9).

³ Керенский. А. М.М.Карпович. // Новый журнал. Нью-Йорк. 1959. № 58. С. 5.

⁴ Государственный архив Российской Федерации, Фонд 63.опись 30 дело 1541(ч.2). С. 73. 1910.

⁵ Там же. С. 72.

⁶ Там же.

Вернуться в Россию М. М. Карповичу было не суждено. При Бахметьеве Карпович занимал должность личного секретаря посла России в США. Когда в России произошла Октябрьская революция, Михаил Михайлович не принял ее, и решил, что пока в России будет большевизм, он не вернется на Родину.

Но тем самым он всю жизнь любил Россию и всегда защищал ее интересы. Когда по итогам Первой мировой войны в предместье Парижа в Версале состоялась международная конференция, то Карпович, являясь членом Русского политического совещания, отстаивал на конференции интересы России.

Весной 1924 г. российское посольство в США закрылось, и Карпович переехал в Нью-Йорк. Для семьи Карповичей наступили тяжелые времена. Михаил Михайлович зарабатывал на жизнь, выступая с докладами и книжной торговлей. Михаил Михайлович и в этот тяжелой период своей жизни не изменил своим жизненным принципам – помощь своим соотечественникам – эмигрантам и людям, которые в этом нуждались. И как потом написал в своих воспоминаниях его лучший друг Г. Вернадский «к тому же, при его необыкновенной доброте он никому не был способен отказывать»⁷.

В начале 1927 г. Михаила Михайловича пригласили работать в Гарвард. В начале Карпович работал в Гарварде в качестве лектора, читал курс русской истории, русской общественной мысли, курс лекций по истории Западной Европы XVI-XIX в.в., в последствии занял должность доцента, а затем профессора. «Лектором он был блестящим – именно лектором, а не оратором. В его выступлениях и лекциях не было ни риторики, ни пафоса; зато они были исключительно содержательными, построены ясно, логично и убедительно на основании богатого фактического материала. Они блистали элегантным стилем, будь то по-русски или по-английски»⁸. Понять исторический процесс Михаил Михайлович помогал своим студентам с помощью сравнительно-исторического метода он указывал на общие черты развития России и Запада. Михаил Михайлович настолько увлекал студентов своими лекциями, что многие из них решили посвятить себя изучению истории России. Карпович основал свою школу русистики в США. Гарвард за несколько послевоенных лет превратился в крупнейший центр по изучению русской истории. И в этом была огромная заслуга Карповича. Одним из главных факторов формирования школы русистики при Гарварде считается огромный вклад Карповича в подготовке студентов и аспирантов. Немаловажную роль в формировании школы русистики при Гарварде сыграл преподавательский талант Карповича. Школа Карповича специализировалась на изучении «интеллектуальной истории». Большинство его учеников писали свои диссертации на темы связанные с изучением истории русской общественной мысли. Ученики Карповича и по сей день «продолжают развивать в американских университетах традиции исторической школы Карповича»⁹. Михаил Михайлович всегда относился с большой любовью к своим ученикам и они платили ему тем же. Когда Карповичу исполнилось 70 лет, двадцать семь выдающихся его учеников, ставших уже профессорами, поднесли ему сборник своих очерков с посвящением: «Михаилу Карповичу в знак преклонения, любви и благодарности»¹⁰.

Его первым учеником был Филипп Мозли, затем под руководством Карпо-

⁷ Вернадский. Г. В. М. М. Карпович. Памяти друга. // Новый журнал. Нью-Йорк. 1959. № 58. С. 10.

⁸ Раев Марк. М. М. Карпович – русский историк в Америке. // Новый журнал. Нью-Йорк. 1995. № 200. С. 244.

⁹ Зеньковский. С. Вдумчивый историк. // Новый журнал. Нью – Йорк. 1987. № 168/169. С. 399.

¹⁰ Керенский. А. М. М. Карпович. // Новый журнал. Нью-Йорк. 1959. № 58. С. 7.

вича свои диссертации написали Оливер Родкей, Стенли Пейдж, Фредерик Баргхорн, Дэвид Хехт. Особо выделяется плеяда послевоенных учеников Карповича – Ричард Пайпс, Леопольд Хеймсон, Мартин Малиа, Николай Рязановский, Дональд Тредгольд, Марк Раев, Г. Роггер, У. Персен, Р. Тайлер, Дж. Роджер, Ч. Адлер, Ф. Каземзаде.

Когда Михаил Михайлович начал преподавать в Гарварде он столкнулся с проблемой нехватки специальной литературы по изучению русской истории в США, так в 1932 г. на свет появился труд «Имперская Россия с 1801-1917 гг.». Эта книга на протяжении многих лет оставалась учебником для многих поколений американских студентов, изучающих русскую историю. Такая огромная популярность этой книги заключалась в том, что в краткой и лаконичной форме рассматривалась история Российской империи в один из важнейших ее периодов. А для иностранных студентов, незнающих Россию, данная книга давала точное представление о последнем периоде в истории Российской империи. В этом замечательном труде Карпович в качестве предисловия рассмотрел, как и какими способами создавалась российская империя на протяжении всего XVIII в. Как всегда применил свой излюбленный способ сравнительно-исторический метод. В следующих главах «Имперской России» при рассмотрении социально-экономического и политического развития России в XIX - начале XX в., Михаил Михайлович не забывал рассматривать генезис развития социальной, экономической и политической сфер Российской империи. Причины исторического развития России в XIX в. искал в социально-экономическом и политическом развитии России в предыдущих столетиях. В своем труде он не отрицал, что самодержавие, то в каком виде оно присутствовало в России в XIX в., было неизбежным тормозом в развитии Российской империи. «Таким образом, в некотором смысле, самодержавие само себя уничтожило»¹¹. «Учитывая быстрый прогресс России в начале XX в., Карпович не считал, что революция 1917 г. была «абсолютно неизбежной». России действительно предстояло решить множество сложных и трудных проблем, «но возможность их решения ни в коем случае не исключалась». По мере экономического и культурного прогресса «опасность насильственного взрыва становилась более отдаленной», но война нанесла мирной эволюции сокрушительный удар»¹². «Она застала Россию в процессе радикальной внутренней реорганизации. Конституционный эксперимент начался менее чем 10 лет назад; аграрная реформа Столыпина стала осуществляться всего в течение нескольких лет; проект всеобщего образования только что начал претворяться в жизнь; индустриализация, при всей своей быстроте, еще не прошла ранние стадии». Общий вывод звучал печально: «Война сделала революцию весьма возможной, а человеческая ошибка сделала ее неизбежной»¹³.

Характерной чертой научных работ Карповича считается то, что Михаил Михайлович при рассмотрении исторических процессов в России пользовался сравнительно-историческим методом, сравнивая происходящие исторические события в России с аналогичными событиями в Европе, тем самым он доказывал, что Россия является неотъемлемой частью Европы. По такому же принципу был написан в соавторстве следующий большой труд Карповича – «Экономическая история Европы с 1750», который был издан в 1937 г., в Нью-Йорке.

Другим крупным трудом М. М. Карповича являются «Лекции по истории России», они были изданы за год до смерти Михаила Михайловича, в 1958 г. Лекции ох-

---

¹¹ Karpovich M. Imperial Russia, 1801-1917. New – York Holl. 1932. С. 13.

¹² Болховитинов. Н. Н. Русские ученые – эмигранты (Г. В. Вернадский, М. М. Карпович, М. Т. Флоринский) и становление русистики в США. М. 2005. С. 51.

¹³ Karpovich M. Imperial Russia, 1801-1917. New – York Holl. 1932. С. 93-95.

ватывают период с начала XIX в. до Октябрьской революции 1917 г. В своих лекциях Карпович рассмотрел основные и наиболее важные исторические процессы, происходившие в России в этот период. Свои личностные оценки он дал только событиям, произошедшим в октябре 1917 г. Он назвал причины, которые вызвали октябрь 17-го г. Первой виновницей того, что произошла революция была сама монархия, т. к. ее политика не находила поддержки у партий, народных масс, у армии. А виновницей тому была «слабая воля государя», которая была «подчинена гораздо более сильной воле императрицы, а императрица ... в свою очередь попала под влияние небезызвестного Распутина». Распутин же использовал свое влияние на императрицу, «чтобы удалять неугодных ему министров и замещать их своими ставленниками. Факт этого влияния вскоре сделался общеизвестным и произвел потрясающее впечатление не только на общественное мнение, но и на широкие общественные массы и главным образом на армию. ... русская монархия покончила самоубийством»¹⁴. «На этом фоне и произошла революция тысяча девятисот семнадцатого года... с одной стороны все как будто бы ждали революции, все как будто бы считали ее неизбежной, с другой стороны она действительно пришла, она застигла всех врасплох»¹⁵. Причины почему в России не удалось создать демократию Карпович считал, надо искать «не только в политической обстановке того времени», а в первую очередь в историческом опыте России.

Другим большим, совместным, к сожалению не оконченным, трудом Карповича является – «История России». Этот труд Михаил Михайлович решил написать совместно со своим другом-историком Георгием Вернадским, крупным ученым и преподавателем русской истории в Йельском университете. Предполагалось, что Карпович и Вернадский совместно напишут историю России с древнейших времен до XVIII в., а главы связанные с историей России в XIX- начала XX в.в. Карпович напишет самостоятельно. К сожалению, Михаилом Михайловичем совместно с Вернадским было написано только два тома – «Древняя Русь», вышедшая в 1943 г., в Нью-Йорке и «Киевская Русь», 1948 г. третий, четвертый и пятый том были дописаны Вернадским, т.к. Михаил Михайлович умер, и не закончил работу.

Михаил Михайлович Карпович помимо научных трудов написал огромное количество научных статей по различной проблематике – история, политика, культура, философия истории, статьи по литературе, а также статьи биографического характера, посвященные П. Н. Милюкову, П. Н. Гессену, Н. Д. Авксеньеву, Деникину. Огромное количество статей было посвящено проблеме взаимоотношений Советской России со странами западной Европы и США, а так же статьи-прогнозы о будущем России. В своих исторических статьях Карпович не забывал сравнивать, проводить параллели между историческими процессами, проходящими в Европе и России. Корни современных исторических процессов он искал в историческом прошлом этих стран. Он всегда подчеркивал, что Россия и Запад развиваются по единым законам всемирно-исторического процесса и когда политики это поймут, то многих ошибок можно будет избежать. В статьях-прогнозах о политическом будущем России он писал, что «большевизм в России кончится только тогда, когда он будет изжит русским народом»¹⁶, но когда это конкретно произойдет Карпович не знал. Он надеялся, что после падения большевизма, в России наступит демократия.

Наиболее интересной статьей Карповича является статья «Два типа русского либерализма», в которой он рассматривает два различных типа русского либерализ-

¹⁴ Karpovich M. A lecture on Russian history. // S – Ctravenhage. Mouton. 1958. С. 41-42.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Крейдер. В. М.М. Карпович // Новый исторический вестник. 2003. № 1(9).

ма представленного в лице П. Н. Милюкова и В. А. Маклакова. Маклаков – это либерал, который вышел из среды земского либерализма и «видел историческую необходимость в продолжении и завершении Великих Реформ 1860 г., в установлении в России политического порядка, основанного на праве и самоуправлении. Он верил, что это и могло, и должно быть достигнуто мирным эволюционным путем, без каких-либо разрушений существующей общественной и политической структуры, которая не могла, демократизирована немедленно». Милюков был полнейшей противоположностью Маклакову. «Он рассматривал свою страну вполне созревшей для народоправства, и он чувствовал, что либералы должны бороться ради этой цели, пока к этому есть возможность». В своей статье Карпович поддерживал позицию Милюкова, называя его «человеком гораздо более политически мыслящим», т.к. Милюков хотел, «чтобы и конституционные гарантии были сформулированы немедленно». Эти «два различных типа, которого они представляли» по мнению Карповича «были в прямой и тесной связи с реальностями дореволюционной жизни и имели свои корни в традициях русской жизни. Маклаков мог бы назвать своими предшественниками тех общественных деятелей и просвещенных бюрократов, кто в XIX в., начиная со Сперанского, трудились над внесением законности в деятельность русского правительства; защитников личной и гражданской свободы середины XIX в.; создателей Великих Реформ и умеренных земцев-либералов. Политическая же генеалогия Милюкова идет от декабристов, Герцена, в некоторые его периоды, к радикальным земцам-конституционалистам типа Петрункевича и, наконец, к позднейшим революционерам XIX в., кто были готовы подчинить все другие цели одной немедленной необходимости установления конституционного режима в России»¹⁷.

Помимо научных статей Карпович написал огромное количество комментариев к статьям. Тематический диапазон его «Комментариев» широк. Об этом могут свидетельствовать заголовки «Комментариев» – «Философия компромисса», «Цена революции», «Еще раз о русском мессианстве», «Еще об эмиграции», «Эмиграция и культура», «Несколько комментариев об историческом романе». Большее количество «Комментариев» было написано по исторической проблематике и о взаимоотношениях России с Западноевропейскими державами и США – «После Сталина в России, после Сталина на Западе», «Америка и ее союзники», «1905 год – пятьдесят лет спустя», «О трудностях западного мира».

Михаил Михайлович не только сам писал научные труды и статьи, но и помогал издавать научные труды русским – ученым эмигрантам. Так в 1935 г. в одном из писем Карпович предложил П. Н. Милюкову издать его труд «Очерки по истории русской культуры» в Америке на английском языке. Милюков очень обрадовался этому и, написав ответное письмо Карповичу, попросил Михаила Михайловича быть переводчиком «Очерков» на английский язык (Милюков им не владел). «Важной заслугой М. М. Карповича, как и его друга Г. В. Вернадского, явилась популяризация трудов русских историков XIX – начала XX в., и, прежде всего, В.О. Ключевского, лекции которого они слушали, когда учились в Московском университете»¹⁸.

Карпович был одним из создателей русских журналов «Russian Review» и «Нового журнала». Эти журналы давали возможность печататься русским эмиг-

---

¹⁷ Карпович. М. М. Два типа русского либерализма // Новый журнал. Нью – Йорк. 1960. № 60. С. 278-279.

¹⁸ Болховитинов. Н.Н. Русские ученые – эмигранты (Г. В. Вернадский, М. М. Карпович, М. Т. Флоринский) и становление русистики в США. М., 2005. С.54.

рантам, многие из которых очень плохо говорили по-английски и их рукописи не могли печатать в англоязычных журналах. Также «Новый журнал» был одной из ниш, которая связывала русскую интеллигенцию воедино, эмигрировавшую из России, и проживающую в США.

Когда был создан «Новый журнал», в 1942 г., Карпович, по началу в нем работал как автор, а с 1943 г. — как соредактор вместе с М. Цетлиным. После смерти М. Цетлина в 1945 г. Михаил Михайлович стал единоличным редактором этого журнала. Михаил Михайлович был всегда справедлив к людям, которые печатались в его журнале, старался обходить «острые углы», никогда не обижался на людей, которые не справедливо поступали по отношению к нему как редактору журнала. Карпович всегда трепетно относился к работе в «Новом журнале». Он никогда не оставлял без внимания не одной статьи, которая должна была отправиться в печать и по возможности редактировал. Если Михаила Михайловича, по каким то причинам не было в Нью-Йорке, а отсутствовал он часто, т. к. его приглашали читать лекции в европейские университеты и колледжи, статьи, предназначенные для выпуска в «Новом журнале», ему пересылали по почте. Когда Карпович в начале января 1952 г. уехал в восьмимесячное путешествие по Европе (посетил Англию, Шотландию, Германию, Швейцарию, Италию) в этот период он еще и читал курс своих лекций в Кембридже, Оксфорде и в Бирмингеме, то работу в «Новом журнале» не оставлял. Письма секретаря «Нового журнала» Романа Гуля с отчетами о проделанной работе и рукописи авторов, для «Нового журнала» посылались в Англию, Италию, Швейцарию, Германию — всюду, куда следовал во время своего путешествия Карпович. Одновременно работая в «Новом журнале», Михаил Михайлович в 1941 г. создал новый русский периодический журнал на английском языке «Russian Review», который издавался в США. В «Russian Review» Карпович работал, как редактор, и как публицист. Комментарии Карповича были разнопланового характера: о взаимоотношениях государства и церкви в особо тяжелые годы для России, освещал взаимоотношения России и США. В 50-ые гг. активная работа Карповича в журнале «Russian Review» снизилась. Деловые связи с журналом «Russian Review» не прекращались до конца жизни, несмотря на то, что в последний год своей жизни Карпович был тяжело болен.

К 50-ым гг. завершилась эволюция политических взглядов Карповича. От леворадикальных взглядов в юности, к либеральным взглядам в зрелом возрасте. К концу его жизни его политические взгляды носили консервативную окраску. Он писал, что в наш жестокий век нужен подлинный либерализм, который бы снова «восславил свободу». По своим политическим взглядам, по мнению ученика Карповича Марка Раева, он сочетал в себе синтез либеральных «обоих лидеров либерального движения»¹⁹ (т. е. Маклакова и Милюкова см. статью Карповича «Два типа русского либерализма»).

Карпович в течение всей своей жизни принимал активное участие в общественной и благотворительной работе. Начиная с 1918 г. Карпович входил в состав Бахметевского гуманитарного фонда. На Парижской мирной конференции Карпович и Бахметьев вели переговоры по поводу оказания материальной помощи беженцам из России.

В 20-ые гг., наряду с другими российскими дипломатами, Карпович оказывал активное содействие русской молодежи, оказавшейся в эмиграции, «в деле получе-

---

¹⁹ Раев Марк. М. М. Карпович — русский историк в Америке // Новый журнал. Нью-Йорк. 1995. № 200. С. 247.

ния высшего образования».²⁰ В последствии Михаил Михайлович ходатайствовал и за выдачу стипендий не студентам, а просто русским эмигрантам, прибывшим на постоянное местожительство в США, а также помогал им трудоустроиться. Русское посольство в США в тот период активно сотрудничало в просветительской работе с Русским студенческим христианским союзом в США (РСХС). Карпович не раз участвовал в съезде РСХС, личное сотрудничество Карповича и РСХС растянулось на многие годы.²¹

В конце 1934 г. «В Бостоне был организован комитет по вопросу сближения англикан с православными, куда вошел и Карпович»²².

В 1951 г. Михаил Михайлович Карпович создал архив русской и восточно-европейской истории и культуры при Колумбийском университете (Бахметьевский архив), где хранятся документы эмигрантов из России.

Благотворительная деятельность Карповича представляла собой безвозмездную личную помощь Михаила Михайловича деньгами людям, которые в этом нуждались.

Помимо того, что Михаил Михайлович был выдающимся историком, историографом, педагогом, редактором Нового журнала, он еще был человеком не обыкновенной доброты, общительный «наделенный богатыми душевными дарами, он всегда стремился к живому общению с окружающими»²³. Дом Карповича был очень гостеприимным. Летом его друзья и соратники по научной деятельности часто собирались на его ранчо в Вермонте. Там царил особая атмосфера. Георгий Владимирович, который часто гостил со своей женой у Карповичей, любил вместе с Михаилом Михайловичем ходить в горы, косить траву и рубить дрова.²⁴ На даче Михаила Михайловича часто гостил не только Г. Вернадский, но там часто бывали А. Керенский, В. Набоков, а также ученые несвязанные с исторической наукой. В последний год своей жизни Михаил Михайлович был в тисках тяжелой болезни. Несмотря на тяжелую болезнь (он был болен туберкулезом), он решил приступить к написанию труда, который был бы посвящен думскому периоду в русской истории. Написать эту книгу Карповичу не было суждено. Но зато после него, как и после Ключевского, остались его лекции, а также его научные труды и статьи. Самое главное, то, что он создал школу русистики в США.

---

²⁰ Конова. М. Российские дипломаты и эмигрантское студенчество // Международная жизнь. 2004. № 56. С. 1.

²¹ Существует Бюллетень № 5, от 1 июля 1930 г.; хранится в ГАРФе. В РЗИА. Ф. 5837. Оп. 1. № 144. Л. Л. 2. из которого следует, что РСХС продолжал приглашать Карповича на свои съезды, когда он уже не являлся членом Русского посольства в США.

²² ГАРФ. РЗИА. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 434. С. 82 об. 1.12.1934.

²³ Вернадский. Г. В. М. М. Карпович. Памяти друга. // Новый журнал. Нью-Йорк. 1959. № 58. С. 10.

²⁴ См. ГАРФ. РЗИА. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 438. Л. Л. 82.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ИЗУЧЕНИЯ АНАРХИЗМА П. А. КРОПОТКИНА

В постсоветское время снова появляются работы, в которых представлены попытки исследовать феномен русского анархизма, особенно в лице главного его теоретика П. А. Кропоткина, который безусловно признается ведущим теоретиком коммунистического анархизма.¹ Кроме того, в последние годы в нашей стране вышло немало научных работ, посвященных отечественной историографии изучения анархизма П. А. Кропоткина.²

В изучении отечественной историографии анархизма П. А. Кропоткина российские исследователи выделяют различные этапы. Так, например, А. М. Маринова историю изучения российского анархизма подразделяет на 3 этапа: 1) начало XX в. — 1930-е гг.; 2) конец 1950-х — конец 1980-х гг.; 3) с середины 1980-х гг. по настоящее время.³

В свою очередь, А. Н. Гарявин выделяет 4 этапа: 1) с 1906 по 1921 гг.; 2) 1921 — 1938 гг.; 3) с 1966 по 1989 гг.; 4) с 1989 г.⁴

У С. Ф. Ударцева уже 6 этапов: 1) с конца XIX в. до 1917 г. (начало изучения темы и постепенное расширение источниковой базы); 2) 1917 г. — начало 1930-х гг.; 3) середина 1930-х — середина 1950-х гг.; 4) вторая половина 1950-х — конец 1960-х гг.; 5) начало 1970-х — конец 1980-х гг.; 6) примерно с 1988 г. по настоящее время.⁵

Но если рассматривать этап как определенную стадию в развитии исследований, то, во-первых, необходима общая историографическая концепция, связывающая все этапы, как между собой, когда последующий этап закономерно вытекает из предшествующего, так и в единое целое, определяющее каждую его часть. Во-вторых, каждый этап должен представлять собою определенную стадию, ступень в развитии этой концепции.

Соответственно, изменения в историографических исследованиях должны представлять собою не столько количественные приращения, сколько качественные, переходящие совершенно в другую плоскость исследования.

Поэтому, несмотря на огромную работу в этой области, проделанную, большей частью, великолепными специалистами своего дела, применительно к историографии анархизма П. А. Кропоткина до сих пор можно было говорить скорее об

---

* Сайтанов Сергей Васильевич — соискатель кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета.

¹ Дамье В. В. Кропоткин и Реклю // Памяти М. А. Бакунина. М., 2000. С. 126.

² Козлов В. П., Перегудова З. И. Фонд П. А. Кропоткина в ЦГАОР // Труды комиссии по научному наследию П. А. Кропоткина. Вып. 2. М., 1992; Ермаков В. Д. Отечественная историография анархизма // Российский анархизм и анархисты. СПб., 1996; Тарелов П. И. Анархизм М. А. Бакунина и П. А. Кропоткина как предмет научного изучения (историография классического российского анархизма) // Актуальные вопросы отечественной историографии. Материалы

7-й Всероссийской заочной научной конференции. СПб., 1997; Гарявин А. Н. Анархо-коммунизм П. А. Кропоткина в освещении отечественной историографии // Клио. 1999. № 2 (8); Русская социально-политическая мысль XIX — начала XX века: П. А. Кропоткин. М., 2004.

³ Маринова А. М. Анархизм в российской культуре XIX — начала XX века. Ростов-на-Дону, 2003. С. 4 — 7.

⁴ Гарявин А. Н. Анархо-коммунизм П. А. Кропоткина в освещении отечественной историографии // Клио. № 2(8). М., 1999. С. 41—52.

⁵ Ударцев С. Ф. Политическая и правовая теория анархизма в России: история и современность. Алматы, 1994. С. 5—13.

изучении временных периодов исследования, нежели этапов, в нашем понимании.

В связи с этим, в настоящее время назрела необходимость в решении, по меньшей мере, трех задач:

1) определить критерии периодизации историографии в изучении анархических взглядов П. А. Кропоткина;

2) по каждому периоду выделять «приращение знаний», но не как накопления фактографии, а как историографического осмысления подобного «приращения»;

3) включить новые проблемы и аспекты в историографические исследования на современном этапе.

Нам представляется целесообразным выделить в качестве основного критерия периодизации в отечественной историографии изучения анархизма П. А. Кропоткина сами историографические научные исследования. Это позволит отделить, таким образом, систематическую критику и анализ анархизма Петра Алексеевича как источника исследования от изучения самих исследований по данной теме, выполненных другими авторами.

В соответствии с этим критерием, отечественную историографию изучения анархизма П. А. Кропоткина можно разделить на два этапа (соответствующие двум взаимосвязанным и вытекающим одна из другой стадиям): это этап систематической критики и анализа анархизма Кропоткина и этап специально посвященных данной теме научных историографических работ.

Кроме того, каждый выделенный нами основной этап имеет и подготовительные периоды, которые, не внося чего-либо принципиально нового в отечественную историографию изучения анархизма Кропоткина, тем не менее, только и сделали возможным с помощью приращения знаний (создания источниковой базы, сбора фактического материала и постановкой новых вопросов) становление определенных этапов в отечественной историографии по данному вопросу.

Помимо этого, во втором этапе нами выделен, так называемый, «нулевой период», в котором объективная исследовательская работа, практически, не велась в силу тоталитарных идеологических установок. Но даже резко негативная оценка анархизма этого периода нашла свое отражение в начавших появляться редких научных работах, связанных с анархизмом П. А. Кропоткина.

В каждом этапе и периоде, кроме нулевого, также можно обозначить и накопление определенного фактографического материала, и «приращение знаний», в том числе, и как историографического осмысления подобного «приращения».

Если представить схематично этапы и периоды в периодизации изучения анархизма П. А. Кропоткина в отечественной историографии, в соответствии с принятыми нами критериями, то получим следующее:

I ЭТАП (нач. XX в. — нач. 1930-х гг.)

1.1. подготовительный период (нач. XX в. — 1913 г.)

Появляется много идеологизированной (слабо или сильно) отечественной и переводной литературы по анархизму Кропоткина, но у нее скудная источниковая база.

Собирается фактический материал, рассматривается хронология событий, ставятся основные вопросы для изучения, начинается изучение истории и теории анархизма Кропоткина.

1.2. основной период (1913 — нач. 1930-х гг.)

Начало систематической критики анархизма Кропоткина.

Появление работ по анализу анархизма Кропоткина с широкой источниковой базой.

Массовые издания, приуроченные к смерти П. А. Кропоткина и М. А. Бакунина, книг, брошюр и статей по вопросам истории и теории анархизма Кропоткина.

II ЭТАП (1930-е – 2006 г.)

2.1. нулевой период (1930-е – сер. 1950-х гг.)

Практически нет исследований, резко негативная оценка анархизма Кропоткина, использование идеологических штампов и фальсификации.

2.2. подготовительный период (к-ц 1950-х гг. – нач. 1990-х)

Постепенно открывается доступ к архивным документам. В 1970-х – 1980-х гг. начинается изучение библиографии анархизма. Начинается анализ западной литературы по теории и истории анархизма в России.

Выходит много исследовательских работ по анархизму Кропоткина. В одной из лучших, принадлежащей Н. М. Пирумовой, ставится круг новых вопросов для исследований, в т. ч. органичность и синтетичность сочетания принципов и методов различных наук в мировоззрении П. А. Кропоткина.

2.3. основной период (нач. 1990-х – 2006 г.)

Массовые публикации по вопросам истории и теории анархизма Кропоткина, приуроченные к его юбилею.

Появление статей и трудов, специально посвященных вопросам отечественной историографии анархизма Кропоткина.

Попытки типологизировать анархизм в России, выделить его существенные характеристики, рассматривать анархизм в широкой социокультурной и цивилизационной перспективе.

Вот вкратце предложенная нами периодизация. Теперь, чтобы не быть голословным, давайте более детально рассмотрим ход событий в изучении отечественной историографии анархизма П. А. Кропоткина, в соотнесении с предложенной нами схемой периодизации.

В начале XX века в дореволюционной России издавалось большое количество работ, посвященных анархизму. Можно назвать работы В. М. Андерсона, Г. Ацлера, О. Виконта, Л. Козловского, М. А. Драгоманова, П. А. Берлина, Штемлера, Цепкера, Ольцбахера и других. Многие исследователи (З. Белосельский, Ф. Рындин, М. К. Тростеняцкий, В. Ф. Цеховский) в своих брошюрах чаще описывали жизненный и творческий путь Кропоткина, нежели проводили анализ его идей.⁶

Русский философ, публицист и землец Е. В. Де-Роберти изображал в своей брошюре жизненный путь и анархические воззрения Кропоткина взаимозависимыми и обусловленными факторами личностной и социальной психологии.⁷

В многочисленной в этот период отечественной литературе появились работы, рассматривающие феномен антигосударственного сознания с позиций разных политических течений: анархизма (П. А. Кропоткин, А. А. Боровой, И. С. Книжник и другие), либерализма (Н. И. Кареев, А. С. Ященко и другие), социал-демократии (Г. В. Плеханов, В. И. Ленин, А. В. Луначарский, И. В. Сталин, А. В. Соколов и другие).

В фундаментальной работе крупнейшего русского правоведа П. И. Новгородцева «Об общественном идеале» анархизм рассмотрен как радикальная политическая утопия хилиастического типа.⁸ Такой подход сближает его теорию с теорией Манхейма,

---

⁶ Белосельский З. Петр Алексеевич Кропоткин. СПб., 1906; Рындин Ф. Биографический очерк // Кропоткин П. А. Современная наука и анархизм. М., 1906; Тростеняцкий М. К. П. А. Кропоткин. Краткая биография. Вологда, 1908; Цеховский В. Ф. Князь Петр Кропоткин. СПб., 1907.

⁷ Де-Роберти Е. В. Петр Кропоткин: личность и доктрина. СПб., 1906.

⁸ Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М., 1991.

рассматривавшем анархизм как наиболее чистое проявление секуляризованного революционного варианта учения о тысячелетнем царствии (хилиазма).⁹

Л. Кульчицкий отмечал большое значение разработки Кропоткиным анархо-коммунистической доктрины.¹⁰

Значительное внимание анархизму было уделено в работах представителей российского либерально-консервативного лагеря и, в первую очередь, авторами сборника «Вехи» (статьи Н. А. Бердяева, П. Б. Струве, С. Н. Булгакова, С. Л. Франка, М. О. Гершензона, А. С. Изгоева, Б. А. Кистяковского).¹¹

Начало изучению истории и теории российского анархизма в XX веке было положено постановкой основных вопросов, сбором фактических материалов и рассмотрением хронологии событий. Большое внимание уделялось изданию трудов русских анархистов.

Пожалуй, первым среди анархистов начал этап серьезной систематической критики учения Кропоткина А. А. Боровой.¹² Он предлагал пересмотреть основные положения «традиционного анархизма», т. е. господствовавшее в анархизме коммунистическое течение Бакунина и Кропоткина.¹³

В период с 1917 по 1926 годы выходят первые советские работы, посвященные анархизму, в которых доминирует критическое отношение к анархическим учениям. Это касается работ Л. Кульчитского, Б. Горева, Я. Яковлева.¹⁴

Преимущественно полемический и публицистический характер имели работы об анархизме таких теоретиков большевистской партии как Н. И. Бухарин, А. Лозовский (С. А. Дридзо), Е. А. Преображенский, К. Б. Радек и другие.

В научно-популярных работах этого периода рассматривались отдельные этапы и группы в анархистском движении (брошюры И. И. Генкина, Б. И. Горева, Л. Сыркина и др.), давался общий популярный очерк его истории с кратким изложением учения анархизма (работы Б. И. Горева, В. Залужского, М. Равич-Черкасского, В. Ягова и другие).

В то же время переиздаются работы классиков анархизма: П. А. Кропоткина, М. А. Бакунина, Э. Реклю, П. Ж. Прудона; печатаются известные теоретики анархизма: А. Боровой, Ф. Эртер, М. Неттлау; публикует свои работы по истории анархизма в древности С. Я. Лурье.¹⁵

Выходят исследовательские труды по анархизму Б. И. Горева (Гольдмана), П. В. Полонского, Ю. М. Стеклова и А. А. Корнилова.¹⁶ Пожалуй, наиболее серьезными работами анархистов, в которых предпринимались попытки «изнутри» осмыслить феномен анархизма и его историю, были книги А. А. Борового и А. Л. Гордина.¹⁷

---

⁹ Мангейм К. Идеология и утопия // Утопия и утопическое мышление. Антология зарубежной литературы. М., 1991.

¹⁰ Кульчицкий Л. Анархизм в России. СПб., 1907; Он же. История Русского революционного движения. СПб., 1908; Он же. Современный анархизм. Изложение, источники, критика. СПб., 1908; Он же. Современный анархизм: от Кропоткина до настоящей эпохи. Пг., 1917.

¹¹ Вехи. Интеллигенция в России. Сборник статей 1909–1910. М., 1991.

¹² Голос минувшего. 1913. № 8. С. 279.

¹³ Ударцев С. Ф. Политическая и правовая теория анархизма в России: история и современность. Алматы, 1994.

¹⁴ Яковлев Я. Русский анархизм в великой русской революции. Пг., 1921.

¹⁵ Горев Б. И. Анархисты, максималисты и махаевцы. Анархические течения в первой русской революции. Пг., 1918; Лурье С. Я. Предтечи анархизма в древнем мире. М., 1926.

¹⁶ Талеров П. И. Место идей анархо-коммунизма П. А. Кропоткина в истории России и российского анархизма второй половины XIX–начала XX вв. Автореф. канд. дис. СПб., 1997. С.3.

¹⁷ Боровой А. А. Анархизм. М., 1918; Гордин А. Л. От юридического анархизма к фактическому.

Концепция анархо-коммунизма Кропоткина вызвала к жизни жаркие дискуссии в начале XX века. Так, например, А. Л. Гордин критиковал анархо-коммунизм Кропоткина, утверждая необходимость фиксированного закона и бессмысленность его отрицания.¹⁸

Анархист Дарани критиковал анархизм Кропоткина за то, что он не имел «стройного цельного анархического мировоззрения».¹⁹ В связи с этим Дарани отмечал необходимость использования последних данных социологии, экономической науки и социальной психологии.²⁰

Анархист И. Гроссман-Рощин стремился понять внутренний «дух идеи Кропоткина». Он считал «глубоко ошибочным обоснованием анархизма» у Кропоткина, в частности, противоречивость, так называемого, «естественного метода», взятого последним за основу, за которым стоит универсализация морально-этических норм.²¹

В оценке М. Равич-Черкасского Кропоткин представлен как теоретик общинного социализма, стремившегося создать «цельное философское, естественнонаучное и общественное мировоззрение». Но автор также отмечает противоречивость теории Кропоткина.

Социалист-революционер И. З. Штейнберг считал главной заслугой Кропоткина разъяснение им значимости мелкого производства. Однако и он писал о внутренней противоречивости анархической теории Кропоткина.²²

Анархист Я. Новомирский также констатировал противоречия в учении Кропоткина. По его мнению, Кропоткин никогда не был вождем анархизма, но он был величайшим проповедником.²³

Г. Сандомирский, кроме того, отмечал противоречия в разных работах Кропоткина по вопросу о причинах войн.²⁴

Гроссман-Рощин, анализируя анархическую доктрину Кропоткина, выделял в ней шесть элементов: 1) «массовое творчество»; 2) «принцип взаимопомощи»; 3) «единство народных масс»; 4) «вселенная как равновесие взаимодействия бесконечно малых»; 5) «государство как территориальная концентрация»; 6) «федерализм как основное творческое слияние со всеми творческими потоками общества».²⁵

По мнению В. Хрусталева, учение П. А. Кропоткина представляет собой переплетение двух теорий – «инициативного меньшинства» (неподчинение большинству) и «прямого действия» меньшинства.²⁶ Жаль, что эта интересная трактовка учения Кропоткина схематична и не подкреплена доказательствами из произведений великого анархиста.

М., 1920; Он же. Интериндивидуализм. М., 1922; Петр Кропоткин. Сб. статей, посвященный памяти П. А. Кропоткина. Под ред. А. Борового и Н. Лебедева. Пб.; М., 1922.

¹⁸ Гордин А. Л. От юридического анархизма к фактическому. М., 1920. С. 7.

¹⁹ Дарани. В чем кризис анархизма? // Универсал. 1921. № 5/6. С. 2.

²⁰ Там же.

²¹ Гроссман-Рощин И. С. Октябрьская революция и тактика анархо-синдикалистов // Голос труда. М.–Пг., 1919. № 1. Декабрь. С. 4.

²² Штейнберг И. З. Место анархизма в левом народничестве // Сборник статей, посвященных памяти П. А. Кропоткина. М., 1922. С. 139–149.

²³ Новомирский Я. (Кирилловский Д. И.) П. А. Кропоткин как теоретик анархизма // Коммунистический интернационал. 1921. № 16.

²⁴ Сандомирский Г. Торжество антимилитаризма (К истории анархистского движения). М., 1920. С. 35.

²⁵ Гроссман-Рощин И. С. Характеристика творчества П. А. Кропоткина. Пг., М., 1921. С. 16.

²⁶ Хрусталева В. Анархизм как философия действия (по П. Кропоткину) // Вольная жизнь. 1921. № 11/12.

В связи со смертью Кропоткина в 1921 году увидели свет два выпуска бюллетеня Всероссийского комитета по увековечению памяти П. А. Кропоткина. Под его эгидой вышли три сборника, посвященные анализу различных аспектов мировоззрения Кропоткина. № 17 журнала «Былое» за 1921 год был специально посвящен Кропоткину. Появились воспоминания Е. В. Линд, М. П. Лешерн-фон-Герцфельд и других, касающиеся разных временных периодов жизни и деятельности мыслителя, сборники статей под редакцией Н. К. Лебедева, А. А. Борового, Н. Ашерова, А. А. Солоновича и др.²⁷

По утверждению биографа П. А. Кропоткина, Н. К. Лебедева, он был позитивно мыслящий реалист, трезво оценивший значение социальной революции, применительно к российской истории. Лебедев оспаривал распространенное мнение начала XX века, что учение Кропоткина излишне эмоционально и не обоснованно. «Напротив», — писал о нем его современник Н. Лебедев, — «Кропоткин является выразителем положительных, творческих сторон анархизма».²⁸

Однако видный теоретик анархизма А. А. Боровой не признавал правильным Кропоткинский естественнонаучный метод. И писал, что «истинным центром его анархического мировоззрения» является не личность, а творческая роль масс,²⁹ указывая, что Бакунин в своей интерпретации теории происхождения государства был реалистичнее Кропоткина.³⁰

Как видно из вышеприведенных точек зрения, теория Кропоткина, которая к началу века имела непререкаемый авторитет в среде анархистов, очень скоро стала вызывать сомнения. Слабая историческая и логическая аргументация и идейный пафос перестали удовлетворять анархистов. «Преодоление «кропоткинизма» стало почти основным вопросом анархо-синдикалистского движения в России», — писал один из друзей Борового, Н. Отверженный.³¹ Отвергнув основные постулаты кропоткинской теории, они попытались создать собственную концепцию, опираясь на несколько подзабытые работы Бакунина.³²

В первое десятилетие советской власти появляются работы по анализу анархизма Кропоткина, которые отличает широкая источниковая база, отсутствие пока еще жестких идеологических штампов, подчеркивание не только конфликтных отношений между марксизмом и анархизмом, но и определенной преемственности и взаимосвязи этих течений. Но когда анархизм перестал играть сколько-нибудь серьезную роль в политическом процессе страны, в работах исследователей господствующее влияние стал оказывать не научный, а идеологический подход марксизма-ленинизма.

Последней в этот период широко и гласно отмечаемой в стране памятной датой, связанной с анархизмом, стало пятидесятилетие со дня смерти М. А. Бакунина. Вышло большое число разного рода книг, брошюр и статей по вопросам истории и теории анархизма.³³

---

²⁷ Памяти Петра Алексеевича Кропоткина: Сб. ст. и материалов. Пг., 1922; Сборник статей, посвященных памяти П. А. Кропоткина. М., 1922; П. А. Кропоткин: к 80-летию со дня рождения. Пг.—М., 1922; Былое. 1921. № 17; Солонович А. А. Кропоткин // Михаилу Бакунину. 1876—1926: Очерки истории анархического движения в России. М., 1926; и др.

²⁸ Петр Кропоткин. Сборник статей под редакцией А. Борового и Н. Лебедева. П.—М., 1922. С. 10.

²⁹ Петр Кропоткин. Сборник статей под редакцией А. Борового и Н. Лебедева. П.—М., 1922. С. 32.

³⁰ Кропоткин П. Сборник статей. П.—М., 1922. С. 48.

³¹ Отверженный Н. Главные течения в анархической литературе начала века // Михаилу Бакунину. 1876—1926. Очерки истории анархического движения в России. М., 1926. С. 22.

³² Ударцев С. Ф. Кропоткин. М., 1989. С. 115.

³³ Очерки истории анархического движения в России. Сб. ст. М., 1926; Залежский В. Анархис-

В начале тридцатых годов выходят последние работы, специально посвященные теме анархизма. В работах Б. И. Горева, В. Залежского, М. Равич-Черкасского, Л. Сыскина, Н. Шелавина, А. Слепкова критический пафос в разборе теории и практики анархизма достигает своего апогея.

С 1930-х до середины 1950-х гг. с ужесточением в СССР тоталитарного режима возобладала резко негативная оценка анархизма, а сами исследования по этой теме в СССР, практически, не велись. Хотя в период с 1920 по 1940 годы в СССР изданы различные произведения Кропоткина, включая его дневник и двухтомник переписки с братом.

В послевоенные годы отношение к анархизму и, в частности, к творчеству Кропоткина, определяла работа Сталина «Анархизм или социализм?» (1907 г.).³⁴ И хотя с конца 1940-х годов была защищена серия кандидатских диссертаций по данной теме, в них нашли отражение идеологические штампы и фальсификации эпохи сталинизма.³⁵

До 1960-х годов в советской литературе освещалась преимущественно деятельность П. А. Кропоткина как ученого-географа и путешественника.

В конце 1950-х годов появились новые возможности для исследователей анархизма. Начинается расширение круга рассматриваемых проблем с привлечением постепенно открывающегося доступа к архивным документам, хотя общий характер исследований, в принципе, мало изменился: политические убеждения Кропоткина продолжают критиковать, опираясь на марксизм.

В 1960-х годах появляются работы А. Д. Косичева, Н. С. Прозоровой, посвященные борьбе марксистско-ленинской идеологии с идеологией анархизма.³⁶ Были защищены и кандидатские диссертации юристами по проблемам критики классиками марксизма теории анархизма (диссертации А. Е. Мушкина, С. И. Ерофеева, Д. Д. Котиковой). Начиналось также новое изучение теории революционно-народничества, в том числе, его анархического направления (Б. П. Козьмин, Т. Г. Семенкова и другие). Предпринимаются первые попытки с учетом накопленного к этому времени исторического опыта изложить историю анархизма в России.³⁷ К этому периоду относятся работы А. Д. Косичева и М. Х. Худайкулова.³⁸

В 1969 году книга В. В. Комина «Анархизм в России»³⁹ явилась началом более серьезного осмысления анархизма в нашей литературе, более деятельного и фундаментального осмысления анархических теорий в 1970-1980-е годы. Здесь можно упомянуть работы С. Н. Канева «Революция и анархизм», «Октябрьская революция и крах анархизма»⁴⁰, Ф. Я. Полянского «Критика экономических теорий анархизма»,

ты в России. М.—Л., 1930; Горев Б. И. Анархизм в России (от Бакунина до Махно). М., 1930.

³⁴ Сталин И. В. Анархизм или социализм? М., 1953.

³⁵ См. кандидатские диссертации Баллера Э. А. (М., 1950), Гасанова Ф. Р. (Баку, 1949), Ибаныса А. Э. (Киев, 1953), Косичева А. Д. (М., 1950), Кузиной Л. А. (Л., 1949), Шило С. И. (Киев, 1949), Щепкина А. В. (М., 1954).

³⁶ Прозорова Н. С. Борьба К. Маркса и Ф. Энгельса против анархизма. Лекции по курсу «История политических учений». М., 1961; Косичев А. Д. Борьба марксизма-ленинизма с идеологией анархизма и современность. М., 1964.

³⁷ Комин В. В. Анархизм в России. Специальный курс лекций, прочитанный на историческом факультете педагогического института. Калинин, 1969.

³⁸ Косичев А. Д. Борьба марксизма—ленинизма с идеологией анархизма и современность. М., 1964; Он же. Марксизм и анархизм. М., 1971; Худайкулов М. Х. Большевики в борьбе с анархизмом в первые годы советской власти. Ташкент, 1974.

³⁹ Комин В. В. Анархизм в России. Калинин, 1969.

⁴⁰ Канев С. Н. Октябрьская революция и крах анархизма. М., 1974. Он же: Революция и анархизм: Из истории борьбы революционных демократов и большевиков против анархизма (1840—1917

⁴¹ «Социализм и современный анархизм»⁴², Ю. С. Соколова «Социальная сущность анархизма». Издаются работы Ж. Дюкло и Р. Штангервальда по анархизму.

Одной из лучших исследовательских работ по русскому анархизму Кропоткина по праву считается книга Н. М. Пирумовой «Петр Алексеевич Кропоткин» (М., 1972). Пирумова являлась крупнейшим исследователем анархизма в нашей стране и была автором многочисленных монографий, статей и публикаций по проблемам анархизма, среди которых есть работы, специально посвященные П. А. Кропоткину.

Пирумова отметила органичность и синтетичность сочетания принципов и методов различных наук в мировоззрении Кропоткина. Вместе с тем, она критиковала некоторые положения теории Кропоткина с позиции марксистско-ленинской философии.⁴³

В целом, Пирумова отмечает упрощенность социологических взглядов Кропоткина, который запутался сам в созданной им теоретической инструкции и, периодически, противоречил сам себе. Далее Пирумова пишет о том, что «...противоречий в своей теории Кропоткин не замечал. Не замечал потому, что моделировал будущее, исходя из некоего идеального образа Человека, лишённого классовых, словных и социальных предрассудков».⁴⁴

Наряду с новыми аспектами исследования анархизма продолжалось изучение истории борьбы коммунистической партии с анархизмом.⁴⁵

С середины 70-х годов до конца 80-х вышло немало работ, которые традиционно рассматривали анархизм как мелкобуржуазную идеологию. Это работы Г. Б. Хромушина, С. Г. Айвазова, М. И. Михайлова, Г. Анджапаридзе, Д. Провякина, Л. С. Мамута. Так в монографии А. И. Новикова анархизм рассматривается сквозь призму проблем нигилизма как специфического мировоззрения, характерного для обществ буржуазного типа.⁴⁶

Однако в эти годы продолжают и попытки критического анализа русского анархизма П. А. Кропоткина. Так анархический коммунизм пытались проанализировать Ю. М. Козовский,⁴⁷ В. А. Малинин,⁴⁸ Н. В. Пономарев.⁴⁹ В книге Н. В. Пономарева «Критика анархистской концепции власти и современность» анархизм в целом рассматривается как «утопически-консервативное направление» из-за направленности его идеала в прошлое.⁵⁰

Исследование С. А. Мдоянца посвящено идейно-теоретическим истокам идей анархизма и сравнительному изучению философии анархизма Бакунина и Кропоткина.⁵¹

гг.). М., 1987.

⁴¹ Полянский Ф. Я. Критика экономических теорий анархизма. М., 1976. С. 151.

⁴² Полянский Ф. Я. Социализм и современный анархизм. М., 1973.

⁴³ Пирумова Н. М. Петр Алексеевич Кропоткин. М., 1972. С. 143.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Здесенко В. И. Борьба Коммунистической партии против анархо-синдикализма в первый год диктатуры пролетариата (ноябрь 1917—1918 гг.). Автореф. канд. дис. М., 1974.

⁴⁶ Новиков А. И. Нигилизм и нигилисты. Опыт критической характеристики. Л., 1974.

⁴⁷ Козовский Ю. М. Критический анализ анархического коммунизма П. А. Кропоткина // Актуальные проблемы марксистского историко-философского исследования и современная идеологическая борьба. М., 1985. С. 46—48.

⁴⁸ Малинин В. А. Философия революционного народничества. М., 1972. С. 256.

⁴⁹ Пономарев Н. В. Проблема власти в политической доктрине анархизма и максимализма. Автореф. канд. дис. Казань, 1974.

⁵⁰ Пономарев Н. В. Критика анархистской концепции власти и современность. Казань, 1978. С. 128.

⁵¹ Мдоянц С. А. Философия анархизма в России второй половины XIX—начала XX веков. М. А.

Историк и философ Л. С. Мамут попытался выяснить, что было позаимствовано и взято на заметку Кропоткиным от Прудона и Штирнера.⁵²

Интересную теорию о влиянии географических взглядов Кропоткина на становление его революционно-анархического мировоззрения выдвинул В. А. Маркин, поддержанный затем А. В. Бирюковым.⁵³

А. Н. Бороздин при определении сущности анархизма пришел к выводу, что «анархическая идеология представляет собой разновидность утопического социализма».⁵⁴

С. Ф. Ударцев, подобно многим исследователям, находил теорию Кропоткина двойственной, усматривая причину такой двойственности в том, что политик-реалист Кропоткин «брал верх» над утопистом-анархистом, практик – над теоретиком.⁵⁵

Исследователь анархизма Кропоткина С. Н. Канев даже утверждал, что после М. А. Бакунина и П. А. Кропоткина анархические теории уже не выработали ничего нового.⁵⁶

Постепенно российский анархизм становится предметом изучения не только историков, но и правоведов, философов и социологов.⁵⁷ Выходят работы, анализирующие западную литературу по теории и истории анархизма в России.⁵⁸

В 1970–1980-х гг. началось научное изучение библиографии анархизма. Значительную ценность представляет весьма полный указатель печатных трудов П. А. Кропоткина, составленный Е. В. Старостиным (около двух тысяч наименований).

С 1980-х годов происходит постепенный отказ от доминировавшей марксистско-ленинской классовой парадигмы. Исследовательский интерес направляется на анализ проблем федерализма, самоуправления, критики бюрократии, теории политической власти и институтов, предложенный российским анархизмом. В научный оборот вводятся новые материалы: исторические, политические, социологические, философские и другие, раскрываются бывшие недоступными архивные источники.

Постепенно формируются различные, порой противоположные, интерпретации и оценки российского анархизма. Некоторые исследователи видят в анархистах представителей подлинного демократизма и свободомыслия, противостоящих тоталитаризму большевизма и советского строя.⁵⁹ С другой стороны, часть исследователей, подчеркивают политический утопизм анархизма, правовой нигилизм, радикально-конфликтное отношение к политической власти.⁶⁰

Бакунин, П.А. Кропоткин (историко-критический анализ). Автореф. канд. дис. М., 1987. С. 24.

⁵² Мамут Л. С. Этатизм и анархизм как этапы политического сознания. М., 1989.

⁵³ Маркин В. А. От географии к анархизму // Труды комиссии по научному наследию П. А. Кропоткина. Вып. 1; Он же. Петр Алексеевич Кропоткин. 1842–1921. М., 1985; Он же. Естественнонаучная основа социальной концепции П. А. Кропоткина. Материалы научно-практической конференции, посвященной 155-летию со дня рождения П. А. Кропоткина; Бирюков А. В. Естественнонаучные корни социальных воззрений П. А. Кропоткина // Там же.

⁵⁴ Бороздин А. Н. К вопросу об определении сущности анархизма // Научный коммунизм. 1988. № 4. С. 119.

⁵⁵ Ударцев С. Ф. Кропоткин. М., 1989. С. 66.

⁵⁶ Канев С. Н. Революция и анархизм. М., 1987. С. 293.

⁵⁷ Полянский Ф. Я. Критика экономических теорий анархизма. М., 1976; Федорин Н. С. Утопический социализм революционного народничества. М., 1984; Маркин В. А. Петр Алексеевич Кропоткин. 1842–1921. М., 1985; Ударцев С. Ф. Кропоткин. М., 1989 и др.

⁵⁸ Чемесская М. И. Современная немарксистская историография российского анархизма XX в // Великий Октябрь и непролетарские партии. Материалы конференции. М., 1982.

⁵⁹ Березняков Д. В. Анархизм и анархические тенденции в российском политическом процессе: история и современные проблемы. Автореф. канд. дис. М., 2000. С. 9.

⁶⁰ Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г. Революционная традиция в России. 1783–1883. М.,

В начале 1990-х годов в России выходят двадцать шесть анархистских изданий. В статьях Н. М. Пирумовой, Г. Волкова и Л. П. Окусова, С. Ф. Ударцева⁶¹ публикуется актуальная информация, напрямую связанная с анархизмом.⁶² Вновь получают возможность публиковать свои статьи в научных журналах и периодических изданиях лидеры анархистских организаций (А. К. Исаев, А. Шубин, Д. И. Олейник, П. Анкундинов, П. И. Гескин и другие). В науку приходят новые исследователи российского анархизма. Среди них: А. А. Мкартичан, В. Г. Графский, С. А. Мдоянц, М. А. Арефьев, В. Д. Ермаков.⁶³

Некоторые исследователи предприняли серьезные попытки типологизировать анархизм в России, выделить его существенные характеристики, сделать сравнительный анализ в контексте борьбы различных типов политических идеологий и типов политического сознания.⁶⁴

Огромную работу по составлению библиографического указателя печатных трудов П. А. Кропоткина проделали Е. В. Старостин и И. Л. Беленький.⁶⁵ Их работу продолжил В. Д. Ермаков, составивший отечественную библиографию по всему российскому анархизму.⁶⁶

В 1992 году в Москве проходила международная конференция, посвященная 150-летию со дня рождения П. А. Кропоткина. К ней был приурочен выпуск двухтомного сборника трудов Комиссии по научному наследию П. А. Кропоткина, представленный научными работами двадцати авторов и архивными публикациями. Среди них философские статьи В. Ф. Пустарникова, С. Ф. Ударцева и А. М. Никулина, исторические экскурсии А. П. Лебедевой, А. А. Назарова и Д. Тодеса, биографические описания А. В. Бирюкова, Е. А. Таратуга, А. Л. Никитина. Впервые опубликованы ранее издававшиеся письма П. А. Кропоткина с комментариями А. А. Мкартичана, А. В. Бирюкова, С. Ф. Ударцева. По итогам конференции были подготовлены четыре выпуска трудов с 55 докладами (16 из них — ученых из стран дальнего зарубежья) по пяти направлениям научных изысканий: философия, социально-экономические науки, революционное движение, естествознание и биография.⁶⁷

Во второй половине 1990-х годов были опубликованы несколько статей и работ, специально посвященных вопросам отечественной историографии анархизма

1986; Исаев И. А. Политико-правовая утопия в России (конец XIX—начало XX века). М., 1991; Янов А. Л. Три утопии. // Искусство кино. 1992. № 9 и др.

⁶¹ Ударцев С. Ф. Политическая и правовая теория анархизма в России: История и современность. Алматы, 1994.

⁶² Русаков А. Ю. Сущность и тенденции развития современного анархизма. Автореф. канд. дис. 09.00.02. СПб., 1991. С. 5.

⁶³ Мкартичан А. А. Кропоткин о революционном терроре // Вестник МГУ. Сер. 7: Философия. 1992. №1. С. 30–35; Мдоянц С. А. Безгосударственный социализм: М. А. Бакунин и П. А. Кропоткин об идеях общественного устройства // Русская философская мысль в 80–х гг. XIX в. о будущем России. М., 1990; Арефьев М. А. Философия анархизма: Очерки истории. СПб., 1992; Ермаков В. Д. Российский анархизм: прошлое и настоящее // Политическая демократия в историческом опыте России. Челябинск, 1993. С. 129–136.

⁶⁴ Мамут Л. С. Этатизм и анархизм как типы политического сознания. Домарксистский период. М., 1989; Ударцев С. Ф. Политическая и правовая теория анархизма в России: история и современность. Автореф. док. дис. М., 1992; Анархия и власть. М., 1992.

⁶⁵ П. А. Кропоткин (1842–1921): Библиографический указатель печатных трудов. М., 1980. Вып. 1, 2; Петр Алексеевич Кропоткин: Указатель литературы, 1921–1992. М., 1992.

⁶⁶ Ермаков В. Д. Российский анархизм и анархисты: (Вторая половина XIX—конец XX веков). СПб., 1996.

⁶⁷ Первый выпуск (Идеи П. А. Кропоткина в философии) вышел в 1996 году.

П. А. Кропоткина: работы В. Д. Ермакова, П. И. Талерова,⁶⁸ А. Н. Гарявина.⁶⁹ Значительное место вопросам историографии изучения анархизма Кропоткина уделено в исследованиях таких ученых, как Р. А. Бехтенева, Г. К. Вельмога, О. С. Сафронов, К. Р. Ситдыкова, Е. В. Ручкина.⁷⁰

В последнее время в публикуемых отечественных научных статьях вновь довольно значительное место занимают биографические описания жизнедеятельности П. А. Кропоткина.⁷¹ Но российские исследователи обращаются и к собственно анархическому учению Кропоткина. Так в статье В. И. Затева, выделяются основные идеи анархического учения Кропоткина.⁷² О неотделимости анархического учения Кропоткина от его этического учения пишет А. Н. Булкин.⁷³ Изложение идей этики Кропоткина как и идей его анархизма, дает в своей статье К. Г. Никифоров.⁷⁴

А. Г. Кассиров в своей работе рассматривает философию анархизма Кропоткина через его позитивистскую философию природы. Он считает, что идеи Кропоткина совпадают с современным взглядом натурфилософии на человека, а концепция коэволюции человека и окружающей его среды, которая в настоящее время только еще разрабатывается, по сути, рассматривает философскую концепцию Кропоткина.⁷⁵

Российский анархизм и его роль в российском политическом процессе рассматриваются в настоящее время в широкой социокультурной и цивилизационной перспективе.⁷⁶

В заключении хотелось бы особо отметить, что анархический коммунизм П. А. Кропоткина — это, хотя и не имеющая целостного завершения, теория безгосударственного устройства общества. Государство для Кропоткина — это главный враг справедливого и гармоничного существования всех людей. И именно антиэтатизм определяет взгляды Петра Алексеевича в его работах.

Как ни парадоксально, но именно государство определяло в нашей стране,

---

⁶⁸ Талеров П. И. Место идей анархо-коммунизма П. А. Кропоткина в истории России и российского анархизма второй половины XIX—начала XX вв. Автореф. канд. дис. СПб., 1997. С. 7.

⁶⁹ Ермаков В. Д. Отечественная историография анархизма // Российский анархизм и анархисты. СПб., 1996; Талеров П. И. М. А. Бакунин и П. А. Кропоткин как предмет научного изучения (историография классического российского анархизма) // Актуальные вопросы отечественной историографии. Материалы 7-й Всероссийской заочной научной конференции. СПб., 1997; Гарявин А. Н. Анархо-коммунизм П. А. Кропоткина в освещении отечественной историографии // Клио. 1999. № 2 (8).

⁷⁰ Ручкина Е. В. Трансформация теории П. А. Кропоткина в идеологии анархистов—практиков в России после революции 1917 г.: Автореф. канд. дис. Рязань, 2003. С. 5.

⁷¹ О жизни жены и детей старшего брата П. А. Кропоткина см.: Суворов В. П. Кропоткин в Тверском крае 1886–1926 годы // Из архива тверских историков: Сб. научных трудов. Тверь, 2002; Маркин В. А. Князь Петр Кропоткин в Британии // Наука в России. № 4 (138). М., 2003; Исаев Б. А. Кропоткин П. А. 1842–1921 гг. // История России сквозь призму борьбы за власть. Материалы 34 Всероссийской заочной научной конференции. СПб., 2004; Подробное описание жизни и деятельности с изложением идей этики и анархизма см.: Никифоров К. Г. Чудное сердце и великий дух. Петр Алексеевич Кропоткин // Калужские вехи временных лет. Калуга, 2004.

⁷² Затева В. И. М. А. Бакунин и П. А. Кропоткин как основоположники и теоретики русского анархизма (опыт компаративистского анализа) // Вестник Бурятского Университета. Серия 5. Вып. 7. Улан-Удэ, 2003.

⁷³ Булкин А. Н. П. А. Кропоткин. Современная оценка // Интеллигенция России: история и судьбы: Межвузовский сборник научных статей. Ставрополь, 1999.

⁷⁴ Никифоров К. Г. Чудное сердце и великий дух. Петр Алексеевич Кропоткин // Калужские вехи временных лет. Калуга, 2004.

⁷⁵ Кассиров А. Г. Философия природы в наследии П. А. Кропоткина // Поиск. Философские и социально-экономические исследования. Выпуск 8. Серия «Философские и социальные исследования». Межвузовский сборник научных трудов. Мурманск, 2004. С. 84–85.

⁷⁶ Социокультурная методология анализа российского общества. Независимый теоретический семинар. Препринты. // internet. <http://scd.plus.centro.ru>.

изменения в изучении и этапы в исследовании анархизма П. А. Кропоткина. Причем, и Российская империя, и Советская Россия, и Российская Федерация – государства, по сути, авторитарные и тоталитарные. Во времена Кропоткина Российская империя была на изломе тоталитаризма, СССР – в стадии становления, расцвета и упадка тоталитаризма, а Российская Федерация в настоящее время, по нашему мнению, вновь пытается вернуться к тоталитарному государству. Между этими тремя пиками тоталитарности есть два просвета, когда государственная власть в России была вынуждена на короткое время, в силу кризисов прежних тоталитарных режимов, примерить на себя демократическую мягкую форму государственной власти.

Именно в эти два периода, когда заметно ослабел или полностью исчез на короткое время идеологический контроль со стороны государства, издаются и переиздаются работы Кропоткина посвященные анархизму, выходят основные научные работы, посвященные анархизму Кропоткина (имеются в виду именно научные, де-идеологизированные работы).

Именно на это время приходится и два основных периода в выделенных нами выше двух этапах в историографии изучения анархизма П. А. Кропоткина. Что это – совпадение или еще один, закономерный и, может быть, более существенный критерий периодизации?

Думается, этот вопрос требует своего, более глубокого исследования, возможно, уже непосредственно с рассмотрением и самой теории анархизма Кропоткина.

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ**С.М. Санькова*****СТЕПЕНЬ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ИДЕЙ, ПРОВОДИМЫХ ИЗДАНИЯМИ
М. Н. КАТКОВА. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

В настоящее время, когда государство пришло к осознанию невозможности дальнейшего развития вне определенного идеологического поля, перед ним встает проблема поиска определенных органов, способных служить своеобразными проводниками государственной идеологии в общественное сознание. В то же время условия правового демократического государства требуют, чтобы данные органы обеспечивали «обратную связь», генерируя и выражая общественные настроения, чтобы не повторить ошибку советских партийных СМИ. Несомненно, данные органы должны иметь высокую степень доверия общества, чтобы проводимые им идеи органично воспринимались и принимались. Во многом схожая ситуация сложилась в пореформенной России второй половины XIX в., обуславливая появление феномена М. Н. Каткова. Значительность роли, которую играл издатель «Русского вестника» и «Московских ведомостей» в общественной жизни России этого периода, никогда не вызывала сомнения как у современников, так и у историков, вне зависимости от их отношения к его общественно-политическим взглядам. На протяжении более чем столетней историографической традиции выдвигались различные объяснения высокой степени влияния, которое он приобрел.

По утверждениям одного из влиятельных политиков второй половины XIX в. Е. М. Феоктистова, Катков избрал своеобразное поприще «государственного деятеля без государственной должности», стремящегося «создать» общественное мнение «в таком смысле, чтобы оно могло действовать на правительство, но вместе с тем не становилось бы во враждебные к нему отношения»¹. Подобная позиция приводила к весьма сложным и неоднозначным взаимоотношениям Каткова с государственной властью. В своих мемуарах Феоктистов приводит крайне нелицеприятные примеры разрыва Каткова с вчерашними соратниками, а также вступления в коалиции с противниками, вызывавшиеся каждый раз исключительно интересами того или иного дела, которое в конкретный момент отстаивал публицист. Подобная принципиальность Каткова, граничащая с беспринципностью, безусловно, вела к росту явных и тайных его недоброжелателей в правительственных сферах. Но по свидетельству Феоктистова, «даже государственные люди, встречавшие опору со стороны Каткова, крайне тяготились ею; самолюбие их в высшей степени раздражалось тем, что они вынуждены были заискивать в человеке, который представлял собой своего рода особую инстанцию в государстве и в покровительстве которого просвечивала известная доля презрения к ним»². Насколько действенным было влияние Каткова в общественном мнении по сравнению даже с выдающимися государственными деятелями ярко показывает признание русского посла во Франции барона Будберга о том, что когда «в самый разгар нашего столкновения с державами приходили ко

---

* Санькова Светлана Михайловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета

¹ За кулисами политики /Е. М. Феоктистов. В. Д. Новицкий. Ф. Лир М. Э. Клейнмихель. – М., 2001. – С. 68.

² Там же. – С. 74-75.

мне из России газеты и деловые бумаги, я принимался прежде всего не за депеши нашего министерства, а за «Московские ведомости»; я предпочитал всегда оригинал копии»³.

Эмигрант первой волны князь Д. П. Святополк-Мирский так определял положение Каткова: «Никогда еще на всем протяжении русской истории правительство так внимательно не прислушивалось к журналисту, никогда еще так часто журналист не оказывал прямого влияния на политические решения, принимаемые правительством». Однако, по мнению автора, редактор «Русского вестника» и «Московских ведомостей» «никогда не был творцом идей, и за исключением безопасности государства у него не было никаких высоких принципов для опоры»⁴. По всей видимости на оценку Мирским редактора-«охранителя» повлиял общий настрой русской белоэмигрантской диаспоры в Лондоне, где идеи монархизма были непопулярны. Следует также иметь в виду, что позднее Святополк-Мирский вступил в коммунистическую партию Великобритании и в 1932 г. вернулся в СССР⁵.

В ранний период советской историографии появляется еще более резкая оценка позиции Каткова. В. Я. Кирпотин считал его деятельность «зависимой и инспирируемой со стороны придворной камарильи», но при старательном «декоруме самостоятельности», для того, чтобы создать общественный авторитет⁶.

Ряд авторов, затрагивавших данную тему в 1960-е гг., поддержал этот тезис. В.С. Маслов, доказывал, что Катков находился в исключительном положении только благодаря поддержке «министров и самого царя»⁷. Признавая за Катковым желание действовать независимо, П. Г. Пустовойт, в то же время констатировал, что желание это в реальной ситуации не могло быть осуществлено: «Желая или не желая этого, — пишет автор, — Катков и его сторонники в таких случаях объективно выполняют роль придатка той партии и той общественной группы, которой обязан существованием журнал «Русский вестник»»⁸.

Тенденция на изображение Каткова публицистом, исполняющим правительственный заказ для собственной выгоды отчасти сохраняется и в 1970-е гг. Исследуя общественно-литературную борьбу в русской периодической печати 1860-х гг., П. С. Рейфман, утверждает ошибочность восприятия Каткова «как честного принципиального журналиста, пусть даже крайне консервативного толка». По мнению автора, Катков никогда не проявлял оппозиционности, а лишь умело использовал «подводные течения» в правительственных сферах, о которых был осведомлен, «служа» определенным тенденциям и «одновременно используя их»⁹.

В то же время наблюдается отказ ряда историков от упрощенного толкования взаимоотношений Каткова с правительством. Так, П. А. Зайончковский, напротив, придерживался мнения, что Катков обладал не просто самостоятельностью в своей позиции, но и определенной степенью влияния как на правительство в целом, так,

---

³ Там же. — С. 50.

⁴ Мирский Д. С. Славянофилы и националисты // Мирский Д. С. История русской литературы с древнейших времен до 1925 года / Пер. с англ. Р. Зерновой. — London, 1992. — С. 347.

⁵ Политическая история русской эмиграции. 1920-1940 гг.: Документы и материалы: Учеб. Пособие / Под ред. А. Ф. Киселева. — М., 1999. — С. 759.

⁶ Кирпотин В. Я. Катков накануне польского восстания // Звезда. — 1927. — № 7. — С. 141, 142.

⁷ Маслов В. С. «Русский Вестник» и «Московские ведомости» // Очерки по истории русской журналистики и критики. Т. 2. — Л., 1965. — С. 223.

⁸ Пустовойт П. Г. Роман Тургенева «Отцы и дети» и идейная борьба 60-х гг. XIX века. — М., 1965. — С. 42.

⁹ Рейфман П.С. Отражение общественно-литературной борьбы на страницах русской периодики 1860-х годов. Автореф. Дис. ... доктора филологических наук. - Тарту, 1972. — С. 33.

в особенности, на отдельных министров. По мнению автора, укрепляются позиции Каткова в 80-е годы, когда он был «всемогушим» и «всесильным», в первую очередь, вследствие того, что он полностью разделял «политические идеалы императора». В тот период, как отмечает Зайончковский, «Московские ведомости» становятся официозом, но официозом своеобразным, так как он «нередко во имя катковских идеалов самодержавия выступает решительно и резко против тех или иных министров, и не только министров, но подчас и направлений политического курса»¹⁰.

В связи с исследованием разногласий в правящих кругах России о направлении внешней политики в 1886-1887 гг. касалась данной темы И. С. Рыбаченок. Не отказывая Каткову в самостоятельности, она, тем не менее, постаралась проследить как силы, стоящие за его спиной в описываемый период, так и причины, побудившие их воспользоваться союзом с публицистом. Статьи Каткова по внешней политике, идущие вразрез с официальной линией Александра III, вызывали не только гнев императора и обвинения Каткова в диктаторстве, но и серьезные подозрения в утечке секретных сведений из министерства иностранных дел, как показано автором, не лишённые основания¹¹. Озвученные в «Московских ведомостях» и прокомментированные Катковым, эти сведения не могли не спровоцировать скандала как внутри страны, так особенно за ее пределами. Рыбаченок отмечает, что любое действие властей по отношению к «Московским ведомостям» немедленно вызывало широкий резонанс в зарубежной печати.

Отмечая готовность Каткова к непосредственному контакту с близкими ему в данный момент государственными деятелями (как например «растум» с П.А. Валуевым в 1863 г., позволивший газете получать «конфиденциальную» информацию в министерстве внутренних дел), Твардовская указывала, что «попытки подчинить Каткова влиянию какого-нибудь правительственного лица или группировки обычно не удавались»¹². Анализируя корреспонденции Каткова в период его сотрудничества с партией «национального единства» (братьями Милютиными, князем В. А. Черкасским и др.), она особо отмечает употребление в их письмах местоимений «мы», «наш» как косвенное подтверждение его равноправного положения в подобных образованиях¹³. Важным, на наш взгляд, является тезис Твардовской об усилении влияния Каткова в правительственных кругах, связанном с выдвижением на политическую арену лиц, воспитанных «Московскими ведомостями», некогда служивших промежуточным звеном между Катковым и его единомышленниками в высших сферах. Многие из этих, по выражению Н. К. Михайловского, «птенцов гнезда Каткова» в середине 80-х гг. заняли высшие государственные должности, став министрами¹⁴.

Применительно к 1880-м годам Ю. Б. Соловьев в монографии, анализирующей взаимоотношения самодержавия и дворянства в конце XIX в., отмечал уверенность многих современников в том, что триумвират Толстого, Победоносцева и Каткова, «выступая как единая сила, и управляет Россией». Далее автор на основании обширных материалов показывает ошибочность подобного суждения. И основ-

¹⁰ Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х — начала 90-х годов). — М., 1970. — С. 69-70, 277.

¹¹ Рыбаченок И. С. Разногласия в правящих кругах России о направлении внешней политики в 1886-1887 гг. /Вестник Московского университета. Серия IX. История. 1973. — № 5. — С. 87

¹² Твардовская В. А. Идеология пореформенного самодержавия (М. Н. Катков и его издания). — М., 1978. — С. 61.

¹³ Там же. — С. 34

¹⁴ Там же. — С. 189.

ной причиной, по которой, по его мнению, вышеуказанные лица не могли реально управлять ситуацией в государстве он представляет их разобщенность¹⁵. Что же касается непосредственно Каткова, то в это период, по мнению исследователя, он не являлся «властителем дум» охранителей и «вызывал растущее противодействие в собственной среде, ввязываясь во все обостряющуюся борьбу с верхушкой аппарата власти»¹⁶.

Во второй половине 80-х - первой половине 90-х гг. XX в. личность Каткова, как и многих дореволюционных персоналий, оказалась в тени деятелей советской эпохи. Определенную роль в этом сыграло также то обстоятельство, что в идеологическом сумбуре все же четко прослеживалась доминирующая линия, которую кратко можно сформулировать в тезисе: «государство для реформ». В то время как Катков всею своею деятельностью стремился не допустить нарастания подобных представлений в пореформенный период второй половины XIX века, когда прослеживалась схожая тенденция, хотя и не в таких масштабах, и в данном случае его позиция предстает как контр-тезис: «реформы для государства». Очевидно, что подобные идеи публициста не могли быть востребованы в описываемый нами период, следовательно не рассматривались и другие вопросы, связанные с его личностью. Только во второй половине 1990-х гг., когда на смену реформаторской эйфории пришел анализ последствий предшествующих преобразований и поиск путей выхода из тяжелейшего кризиса, сопровождавшегося потерей престижа самого государства как внутри страны, так и на международной арене, образ Каткова-государственника стал вновь привлекать внимание исследователей. А ясно обозначившиеся проблемы взаимоотношения власти и общественного мнения в новых условиях и зарождение так называемой «четвертой власти» сделали актуальным рассматриваемый нами вопрос.

В 1990-е гг. в отечественной историографии намечается линия на акцентирование высокой степени влияния Каткова как на общество в целом, так и на правительство в частности¹⁷. Наиболее ярко данная оценка отражена в работе Г. П. Измestьевой. Исходя из стремления в целом создать положительный образ Каткова как личности, редактора и публициста, она поддерживает тезис ряда советских историков о том, что «у монархов Катков всегда имел защиту, поддержку, покровительство»¹⁸, однако трактуя его, в отличие от советской историографии, как позитивное явление. При этом автор приводит фрагмент записи из дневника А. А. Половцова, где на наш взгляд, говорится об обратном и аргументируется преувеличенность представлений о степени влияния Каткова на Александра III. На высказанное Половцовым императору опасение о существовании при «Московских ведомостях» своеобразного теневого правительства Александр III ответил, что «по его мнению Катков не диктует, а пишет под диктовку о том, что более или менее решено в правительстве». На что Половцов заметил: «Если бы и так, то это — все равно, потому что для публики

---

¹⁵ Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX в. — Л., 1973. — С. 102-103.

¹⁶ Там же. — С. 108, 100.

¹⁷ Лукоянов И. В. Российские консерваторы (конец XVIII — начало XX в.в.). — СПб., 2003. — С. 29; Троицкий Н. На земле стоит комод...//Свободная мысль-XX. - 2000. - № 5. — С. 93; Итенберг Б. С. Российская интеллигенция и Запад. Век XIX. Очерки. — М., 1999. — С. 198; Кишенкова О. В. Концепция общественной модернизации в политической доктрине российской консервативной мысли XIX — начала XX веков. Автореферат на соискание уч. ст. кандидата исторических наук. — М., 1996. — С. 21; Шмигельская М. А. М. Н. Катков — редактор-издатель «Русского вестника» (50-60-е гг. XIX в.) //Проблемы философии, истории, культуры. — Саратов, 1996. — С. 36; Ширинянц А. А. Катков Михаил Никифорович //Общественная мысль России XVIII — начала XX века: Энциклопедия. — М., 2005. — С. 197.

¹⁸ Измestьева Г. П. Михаил Никифорович Катков //Вопросы истории. — 2004. - № 4. — С. 84.

непосвященной в закулисные тайны, все-таки действия правительства являются не причиной, а последствием катковских выходов»¹⁹. Автор усматривает главную цель деятельности Каткова в «пропагандистском обеспечении реформ Александра II и его преемника». Катков, по словам Измestьевой, «принимал на себя атаки оппозиционной печати, которая, по-существу, через него направлялась на монархов как вершителей преобразований... В этом смысле преобразователи «подставляли» Каткова своим противникам в роли «мальчика для битья». Однако нападки либеральной прессы, по мнению исследователя, тоже носили не совсем независимый характер. Измestьева констатирует, что «за изданиями либеральной прессы стояла группа правительственных лиц и общественных деятелей, сформировавшаяся в середине 1850-х годов в рамках Русского географического общества и вокруг «Морского сборника» под лидерством главы морского ведомства великого князя Константина Николаевича», который, как она убедительно показывает на основе писем и мемуаров, оказывала влияние на такие издания либеральной прессы как «Вестник Европы», «Голос» и «Санкт-Петербургские ведомости»²⁰. И в это противостояние великого князя и Александра II, не укpывшееся от глаз современников, которые «не склонны были воспринимать» его «только как помогающий выработке решений необходимый и безобидный спор» Катков, по мнению исследователя, добровольно включился на стороне монарха²¹. Таким образом, деятельность Каткова приобретает дополнительный аспект, рассматриваясь на фоне существования при дворе двух «партий», которые можно назвать либеральной и консервативной, но используя в данном случае эти термины достаточно условно.

Однако рядом авторов обосновывается неправомoрность преувеличения степени влияния Каткова на реальную государственную политику. В своем исследовании, посвященном социально-философской концепции русского консерватизма в творчестве Каткова, Г. Н. Лебедева справедливо, на наш взгляд, отмечает, что в советской историографии действия консерваторов (охранителей) иногда «ошибочно смешивали с действиями правительства, игнорируя его (консервативного лагеря – С.С.) самостоятельность и даже оппозиционность некоторым особенностям правительственного курса». Развивая далее эту мысль, автор указывает: «Самостоятельность, полуоппозиционность и полуофициозность охранителей состояла в борьбе с «либеральными» шатаниями монархии, когда ее традиционная классовая опора – поместное дворянство – начинает сходить со сцены, а новые социальные силы только зарождаются...»²². Рассматривая вопрос о ближайшем окружении Александра III и признавая серьезное влияние, оказываемое Катковым на политику самодержавия, А. В. Воронихин, тем не менее, отмечает, что «он никогда не входил в *ближайшее* окружение Александра III, не был даже в окружении императора». Автор разделяет мнение А. З. Манфреда, предостерегавшего от преувеличения степени влияния Каткова на царя²³.

Обобщая все сказанное можно отметить, что в представлении консервативных авторов дореволюционной эпохи Катков был умелым организатором общественного мнения, которое он стремился использовать как влиятельную силу, чтобы с ее

¹⁹ Там же. – С. 85.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. – С. 86.

²² Лебедева Г. Н. Социально-философская концепция русского консерватизма в творчестве М. Н. Каткова: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. - СПб., 1996. – С. 4, 13.

²³ Воронихин А. В. Квартет, дуэт или соло? (О ближайшем окружении императора Александра III) // Освободительное движение. Выпуск № 18. – Саратов, 2000. – С. 124.

помощью добиваться от правительства мер, необходимых, на его взгляд, для блага государства.

Либеральные дореволюционные авторы, напротив, полагали, что Катков умело подхватил общественный настрой, чтобы убедить правительство в своей полезности для пропаганды его идей. Эта позиция получила развитие в советской историографии. Катков изображался «служителем реакции», извлекающим из этого служения личную выгоду.

Начиная с 1960-х гг. отечественная историография постепенно отказывается от столь однозначного представления о взаимоотношениях Каткова и правительства. За редактором «Московских ведомостей» начинают признавать определенную степень самостоятельности и возможности самому оказывать влияние на правительственные сферы. В ходе углубления анализа данного вопроса начинает яснее просматриваться закулисная сторона взаимодействия Каткова с государственной властью, которая обнаруживает взаимное стремление Каткова и отдельных министров и высших чинов использовать друг друга для достижения тех или иных целей и проведения в жизнь определенных законопроектов. При этом было показано, что наибольшую степень независимости в своих выступлениях Катков имел в вопросах внешней политики.

В последующее десятилетие отечественная историография в целом приходит к выводу, что издания Каткова нельзя безоговорочно признать правительственным официозом. В это же время обращается внимание на специфику действий Каткова в проведении желаемых правительственных мер, которая состояла в сочетании официальных публикаций в «Московских ведомостях» и «Русском вестнике» с давлением, оказываемым в письмах и при личных встречах, на ряд высокопоставленных чиновников, подкрепляемом при необходимости письменными обращениями к царю. При этом отмечалась ошибочность преувеличения степени влияния Каткова как на правительство, так и на консервативно настроенные общественные силы ввиду того, что вышеописанная политика Каткова вызывала недовольство среди тех и других. Но именно данная тенденция, заложенная еще дореволюционной консервативной традицией, возобладала в постперестроечный период. На наш взгляд, это обусловлено невольным применением современных представлений о средствах массовой информации, к которым относится и пресса, как «четвертой власти» к изучаемому историческому периоду. И начало данному представлению в современной историографии было положено именно исследователями деятельности Каткова с позиции истории журналистики.

В настоящее время, с одной стороны, сохраняется описанная выше тенденция, с другой — историки приходят к более взвешенным оценкам степени влияния Каткова на правительственную политику. На наш взгляд, следует обратить внимание на внутреннюю противоречивость положения Каткова, заключающуюся в том, что заинтересованность в нем правительственных сфер вытекала из популярности его изданий в среде российской общественности, которая, в то же время, убывала пропорционально повышению степени влияния публициста на правительственную политику. «Закат» изданий Каткова во многом связан именно с тем обстоятельством, что им не была — и в условиях того времени не могла быть — решена проблема сохранения определенного баланса между государственными и общественными интересами.

О ПРИЧИНАХ УВОЛЬНЕНИЯ МИТРОПОЛИТА МАКАРИЯ (НЕВСКОГО) С МОСКОВСКОЙ КАФЕДРЫ В 1917 ГОДУ

Имя митрополита Московского Макария (Невского) (1835-1926) является незаслуженно забытым, хотя некоторые результаты его миссионерских трудов, например, на Алтае, сохранились по сей день. Он внес колоссальный вклад в развитие культуры и просвещения народов Алтая и Сибири. За его многолетние миссионерские труды его при жизни называли «живым русским святым» и «апостолом Алтая». Многие его проповеди не утратили актуальности и сегодня.

Между тем имя его редко упоминается не только светскими, но и церковными авторами; исключением из этого правила можно считать лишь узких специалистов по церковной истории и краеведов. В более широких кругах историков о нем упоминается иногда в контексте проповеди Евангелия на Алтае и в Сибири, и когда идет речь о послереволюционных преобразованиях в Святейшем Синоде, сопровождаемых увольнением «реакционных» его членов.

Тогда покровительство, оказываемое Распутиным митрополиту Московскому Макарию, стало объектом газетных и прочих спекуляций и явилось главным предлогом для обвинений владыки в том, что он активно поддерживал царского фаворита. Эти обвинения сопровождали святителя на протяжении всего московского периода его митрополичьего служения (1912-1917) и, многократно усилившись после революции, привели к самым для него печальным последствиям – увольнению на покой и принудительному водворению на жительство в Николо-Угрешский монастырь в 1917 году. В данной статье предпринята попытка рассмотреть и проанализировать эти обвинения, оценить степень их обоснованности.

Важно заметить, что негативное отношение к Распутину не было исключительной принадлежностью оппозиционеров. Отрицательно относились к нему и многие вполне лояльные к государственной и церковной власти люди, например, сестра императрицы великая княгиня Елизавета Федоровна. Однако связь (мнимая или действительная) с Распутиным использовалась некоторыми церковными «либералами» для дискредитации неугодных им лиц. Не стала здесь исключением и личность митрополита Макария.

Большинство современников владыки писали о его тесной связи с Распутиным без указания источников получения такой информации, а иногда и прямо ссылаясь на слухи. Например, протопресвитер русской армии и флота Георгий Шавельский утверждал: «Злые языки упорно твердили, что московский святитель в крепкой дружбе с знаменитым «старцем»¹ (курсив мой – М. М).

Архимандрит Троице-Сергиевой лавры, Вассиан (Пятницкий), писал: «Сохранилась телеграмма, посланная Распутиным из Сибири Николаю II, в которой безграмотный автор, охаяв других кандидатов – архиепископа Антония (Храповицкого), Арсения (Стадницкого) и Сергия (Страгородского), – с настойчивостью указывал на Макария. Хитрый Распутин сумел обойти простодушного и чуждого политических тонкостей старца, разыграть перед ним благочестивого человека и добиться от него некоторого к себе сочувствия. Поэтому он и решил возвести его на

* Михайлов Михаил Эрнестович - аспирант кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета.

¹ Шавельский Георгий, протопресвитер. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 2. М., 1996. С. 146.

Московскую митрополию, чтобы иметь опору в Москве, и почти приказал царю: «Дай ему метру!» (то есть митру)². Факт «некоторого сочувствия» митрополита Макария к Распутину отец Вассиан вовсе не считает нужным обосновывать.

Обер-прокурор Святейшего Синода В.Н. Львов, называя владыку Макария «ставленником Распутина», аргументировал это лишь тем, что царь якобы не знал его до 1912 года, когда он был назначен московским архиереем. Это утверждение не соответствует действительности, поскольку император неоднократно отмечал владыку наградами и вызывал для присутствия в Синоде, что отражено в «Церковных ведомостях»³. В «Московских ведомостях» за 21 июня 1917 года владыка опубликовал статью «Мой ответ В.Н. Львову», в которой он опровергает обвинения, выдвинутые против него обер-прокурором. Здесь митрополит Макарий пишет, что он «имел счастье приветствовать императора Николая II (1891 г.), когда он в звании наследника возвращался из Японии через Томск в столицу»⁴.

Эмигрантский историк И.К. Смолич, также не вдаваясь в объяснения, говорит, что «по настоянию Распутина московским митрополитом был поставлен престарелый Макарий Невский»⁵.

Некоторые современные исследователи, основываясь на непроверенных фактах, также утверждают, что митрополит Макарий был близок к Распутину. Например, А.Н. Кашеваров называет увольнение владыки Макария на покой в 1917 году за близость к Распутину «мерой по оздоровлению Церкви»⁶.

Но больше всего вопросов вызывает позиция протоиерея Сергея Голубцова. Заявляя о том, что митрополит Макарий был выдвинут на Московскую кафедру Распутиним, он ссылается на «Всероссийский церковно-общественный вестник» (далее – ВЦОВ) за 15 апреля 1917 года (с. 2), где сказано, что владыка якобы называл Распутина «святым человеком»⁷. Несколькими страницами ранее отец Сергей пишет: «Другим примером превышения власти обер-прокурором [В.Н. Львовым] явилась передача 22 марта 1917 года «Церковно-общественного вестника» из ведения Синода в ведение Петроградской духовной академии с назначением в нее профессора Б.В. Титлинова главным редактором. Этот акт из бывших в Петрограде синодалов подписали только протопресвитер Г. Шавельский и архиепископ Сергей Страгородский. Архиепископ Тихон отказался его подписать. Тем не менее передача состоялась»⁸ (курсив мой – М.М.).

Итак, журнал, перешедший 22 марта незаконным путем в руки известного сторонника церковного «обновления» Б.В. Титлинова, ставший «рупором модернистских идей»⁹, публикует 15 апреля компрометирующую владыку информацию.

Отец Сергей Голубцов не мог не знать, что ВЦОВ «все безудержнее проповедовал новые идеи, которые на деле оборачивались призывом к разрушению кано-

---

² Цит. по: Волков С.А. Последние у Троицы: воспоминания о Московской Духовной Академии (1917-1920). М., 1995. С. 251.

³ Гроян Т., автор-составитель. Царю Небесному и земному верный: митрополит Макарий Московский, апостол Алтайский (Парвицкий – «Невский», 1835 – 1926). М., 1996. С. XXII.

⁴ Там же. С. СС.

⁵ Смолич И.К. История Русской Церкви 1700 – 1917. Кн. 8, ч. 1. М., 1997. С. 244.

⁶ Кашеваров А.Н. Православная Российская Церковь и Советское государство (1917 – 22). М., 2005. С. 71 – 72.

⁷ Голубцов Сергей, протоиерей. Московское духовенство в преддверии и начале гонений 1917 – 1922 гг. М., 1999. С. 33.

⁸ Там же. С. 14.

⁹ Цыпин Владислав, протоиерей. История Русской Православной Церкви 1917 – 1990. М., 1994. С. 39.

нического строя церкви, к бунту против преемственной от апостолов иерархии»¹⁰; и именно вследствие такой направленности ВЦОВа на Поместном соборе 1917-1918 гг. решено было его «немедленно изъять из ведения Петроградской духовной академии и передать в распоряжение Святейшего Синода»¹¹.

Таким образом, отец Сергей Голубцов полностью соглашается с заведомо недостоверным источником, недостоверность которого, притом, не являлась для него секретом.

Интересно, что крайне «правый» околоцерковный автор и апологет Распутина С.Фомин, ссылаясь на *все тот же* ВЦОВ за 15 апреля 1917 года (с. 2), то есть печатный орган, резко оппозиционный в том числе и по отношению к митрополиту Макарию, приводит лишь *одно* из всех «многочисленных свидетельств почитания старцем-митрополитом Г.Е. Распутина», а именно факт, что владыка будто бы «прямо называл последнего «святым человеком»¹².

Если противники святителя Макария обвиняли его в связях с одиозной личностью Распутина, то С. Фомин, фактически используя аргументацию церковных «либералов» и их необоснованные свидетельства о покровительстве, якобы оказываемом Распутиным митрополиту Макарию, только меняет знаки с «минуса» на «плюс». Подтверждая мифическую тесную связь «живого русского святого» владыки Макария и Распутина, С. Фомин пытается сделать еще шаг к реабилитации Распутина, в данном случае как «друга» митрополита Макария, личности харизматической.

Таким образом, и отец Сергей Голубцов и С. Фомин, используя *один и тот же* недостоверный источник, пытаются достигнуть своих различных целей.

Каковы же в действительности были отношения между митрополитом Макарием и Григорием Распутиным? Ответ на этот вопрос дает, во-первых, сам святитель. Опровергая обвинения В.Н. Львова, он писал: «С Распутиным я не имел никакого знакомства до назначения меня на Московскую кафедру, ни личного, ни письменного, ни через каких-либо посредников. Только по назначении на Московскую кафедру я получил в числе других коротенькую поздравительную телеграмму, подписанную неизвестным мне Григорием Новых. По прибытии в Москву, подобно другим посетителям, пришел ко мне и Распутин. Это было мое краткое – *первое и последнее* свидание с ним»¹³.

Любопытно, что это отмежевание митрополита Макария от Распутина опубликовала Т. Гроян, соратница С. Фомина по крайне «правому» направлению, что во многом обесценивает его попытку оправдать Распутина посредством и без того слабых доказательств факта признания владыкой «святости» Распутина.

Ответ на вопрос об отношениях митрополита Макария и Распутина содержится и в монографии профессора Санкт-Петербургского университета С.Л. Фирсова. До переезда в Москву владыка действительно не был знаком с Распутиным. Последний сам желал встречи с «апостолом Алтая». Об этом святителю сообщил чиновник Министерства внутренних дел С.П. Белецкий. «Владыка к этому отнесся спокойно и, не изменяя выражения лица, ни своих глаз, только тихо и тем же голосом ответил: «Говорят, что он дурной человек, но раз он хочет моего благословения,

¹⁰ Цыпин Владислав, протоиерей. История Русской Церкви (1917 – 1997), кн. 9. М., 1997. С. 11.

¹¹ Цыпин Владислав, протоиерей. История Русской Церкви (1917 – 1997), кн. 9. М., 1997. С. 22.

¹² Фомин С.В. Комментарии к кн. Свете Тихий: жизнеописание и труды епископа Серпуховского Арсения (Жадановского). Т. 3. М., 2002. С.708.

¹³ Цит. по: Гроян Т., автор-составитель. Царю Небесному и земному верный: митрополит Макарий Московский, апостол Алтайский (Парвицкий – «Невский», 1835 – 1926). М., 1996. С. СХСІХ.

то я в нем никому не отказываю»¹⁴. С.Л. Фирсов сообщает, что наблюдения филеров лишь подтвердили, что Распутин не ездил к владыке, хотя и глубоко почитал его. Так, по словам того же С.П. Белецкого, услышав предложение о переводе владыки митрополитом в Иркутск и замене его более молодым архиереем, «Распутин вскочил, изменился в лице и заявил, что до смерти владыки Макария никогда этого не будет и добавил: «Не трошь, он святой»¹⁵.

Итак, даже если принять утверждения о том, что Распутин иногда оказывал поддержку митрополиту Макарию, даже если допустить наличие телеграммы, в которой Распутин якобы требует от царя «дать метру» святителю, нет никаких оснований полагать, что святитель принадлежал к так называемым «распутинцам».

Особую важность имеет высказывание митрополита Макария относительно источника клеветы о его связях с Распутиным. «Московский священник [Владимир] Востоков в издаваемом им журнале много писал о Распутине и об отношениях сего последнего ко двору. В одной из статей своих он дерзнул употребить выражения, недозволенные в отношении к священным особам. На это обращено было внимание Святейшего Синода, который дал знать мне, как епархиальному начальнику, чтобы Востоков административно перемещен был из Москвы в сельский приход. Исполнение этого распоряжения вызвало озлобление против меня со стороны как Востокова, так и газет, поддерживавших его. В перемещении Востокова вся вина пала на меня в глазах преудбежденной публики. Вероятно, этот случай дал повод думать обо мне как о покровителе Распутина, а значит — о близких взаимных с ним отношениях. Этой сказке поверили москвичи известного направления. В числе таковых оказался и В.Н. Львов (хотя он и не москвич). Будучи членом Государственной Думы, г. Львов напечатал статью, позорящую меня невинно в глазах моей паствы»¹⁶.

С.Л. Фирсов приводит некоторые подробности этого дела. Летом 1915 года священник храма Великомученика Никиты В.И. Востоков обратился к владыке Макарию с письмом, по-видимому, либо открытым, либо обнародованным позднее, по вопросу пагубного влияния Распутина на церковную и государственную жизнь. В письме отец В. Востоков напомнил слова А.Д. Самарина о том, что «все, соблазняющее народ должно быть немедленно искореняемо» и что члены Синода поддержали его в этом. «Если же и после столь торжественного, ясного заявления церковной иерархии о борьбе с накопившимися церковными соблазнами распутинское зло останется в прежней силе, при молчании о нем церковной власти, — восклицал о. Востоков, — то народ вправе будет назвать такую власть лицемерною, а ведь это ужасно!»¹⁷ (курсив мой — М.М.).

Последние слова можно было толковать как провокационные, и основной удар автор письма направляет не против Распутина, а против государственной власти. И когда содержание этого письма дошло до Александры Федоровны, то она написала Николаю II, что «было бы хорошо, если б митрополит Макарий «отделался» от о. Владимира... «Давно пора. Он причиняет неприятности, и это он руководит Самариним...»¹⁸ А переведенный в результате этого из Москвы в провинцию о. Вос-

---

¹⁴ Цит. по: Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х — 1918 гг.). М., 2002. С.473 — 474.

¹⁵ Там же. С. 474.

¹⁶ Цит. по: Гроян Т., автор-составитель. Царю Небесному и земному верный: митрополит Макарий Московский, апостол Алтайский (Парвицкий — «Невский», 1835 — 1926). М., 1996. С. СС.

¹⁷ Цит. по: Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х — 1918 гг.). М., 2002. С. 476.

¹⁸ Там же.

торгов считал виноватым в своей ссылке митрополита Макария, и в 1917 году у него появится прекрасная возможность отомстить ему – он будет активно способствовать увольнению московского архиерея на покой.

Итак, факт почитания Распутиным митрополита Макария представляется недостаточным для того, чтобы называть последнего другом или ставленником Распутина. Тем не менее, обвинение в связи с Распутиным станет основным при удалении митрополита Макария с кафедры в 1917 году.

УНИФОРМА КРАСНОЙ АРМИИ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 1918-1922 гг.

В последнее время в отечественной исторической науке стало уделяться большое внимание вспомогательным историческим дисциплинам и непосредственно униформологии. Появляются исследования, посвященные униформе противоборствующих сторон в период Гражданской войны. Однако на фоне достаточно большого количества работ посвященных униформе и символике Белого движения¹ поверхностно исследовалась униформа Красной Армии, особенно в начальный период ее существования. Примечательно, что и в советской историографии данный вопрос исследовался довольно слабо. Из исследований в этот период можно отметить труд Харитоновой,² который долгое время оставался единственной серьезной работой по этой теме. Нужно отметить, что вокруг красноармейской униформы и символики возникло множество «легенд», которые, однако, не имеют подтверждения архивными документами.

Целью автора является рассмотреть униформу Красной Армии в 1918-1922 гг., ее возникновение и изменения, произошедшие в ней в ходе Гражданской войны, а также специально охарактеризовать некоторые ее виды, не вписывающиеся в «классический» образ красноармейца.

В начальный период создания Красной Армии ее бойцы продолжали донашивать запасы обмундирования, доставшиеся ей от императорской армии. Поскольку все чины и звания были отменены декретом СНК «Об уничтожении сословий и гражданских чинов»³ от 11(24) ноября 1917 г., то командный состав не носил каких либо знаков различия. Это объяснялось не только ненавистью солдат к погоням, но и тем, что первые отряды красноармейцев были малочисленны и бойцы знали своих командиров в лицо. Но уже в этот период в частях возникает проблема с отличием командного состава от рядовых красноармейцев. Это повлекло за собой «инициативу снизу», которая выражалась во введении отличительных знаков для командного состава в различных частях Красной Гвардии и РККА. Вероятно, одними из первых появились знаки различия 1-го Костромского военно-революционного отряда, введенные в декабре 1917 г. Как гласил приказ по отряду №2: «Для скорейшего опознавания лицам штаба отряда носить красную повязку на рукаве. Командирам рот нашить на левом рукаве выше локтя треугольник из красной ленты. Командирам взводов нашить также на левом рукаве две ленты красного цвета шириною $\frac{1}{2}$ дюйма и длиною 2 дюйма. Командирам отделений по одной ленте в том же размере».⁴

Другим проявлением такой самодеятельности может служить введение начальником 18-й стрелковой дивизии И.П. Уборевичем нарукавных знаков различия в своей части. Внешний вид этих знаков, к сожалению, неизвестен.

Есть основания предполагать, что и в других частях вводились частным по-

---

* Шевченко Илья Андреевич – аспирант кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета

¹ Дерябин А. И. Белая армия на Севере России. 1918-1920 гг. М., 2002. Он же. Белая армия на Северо - Западе России. 1918-1920 гг. М., 2002.

² Иллюстрированное описание обмундирования и знаков различия Советской Армии. (Составитель Харитонов О. В.) Л., 1960.

³ Декреты Советской власти. Т.I. М., 1957. С.72.

⁴ Российский Государственный военный архив (далее РГВА). Ф. 37720. Оп.1. Д. 2. Л. 7.

рядком знаки различия, однако в настоящее время источники, подтверждающие их существование, отсутствуют.

Возможно, что введение в различных частях нерегламентированных знаков различия привело к введению 16 января 1919 г. приказом РВСР № 116 нарукавных знаков различия для младшего, среднего и старшего командного состава. Тем же приказом были введены цветные петлицы по родам войск.

Новые знаки различия представляли собой сочетание красной звезды с серпом и молотом и треугольников, квадратов или ромбов. Они изготовлялись из красного приборного сукна.

Одним из первых знаков отличия Красной Армии от противоборствующих войск была полоса красного цвета (чаще суконная) которая нашивалась на околыш фуражки или папахи, а также красный бант на груди. Фотографии периода Гражданской войны подтверждают ношение красных бантов при отсутствии других знаков отличия вплоть до 1919 г.⁵ Эти отличия не вводились какими либо приказами, но использовались красноармейцами по собственной инициативе. Однако после создания Красной Армии появился один из главных символов РККА — красная звезда. Первоначально был введен нагрудный знак для красноармейцев в виде красной звезды в венке. Поскольку из-за его отсутствия в достаточном количестве этот знак использовался практически только командирами, то его иногда неправильно называют знаком «красного командира».

Одним из спорных вопросов касающихся униформы Красной Армии в годы Гражданской войны, является вопрос о новой униформе красноармейцев, которая была введена приказами РВСР № 116 от 16 января 1919 г. И № 28 от 8 апреля 1919 г.⁶ В начале 1990-х гг. в средствах массовой информации появляются упоминания о том, что новая красноармейская униформа, включавшая в себя «буденовку» и шинели-кафтаны с «разговорами», на самом деле была якобы пошита еще в 1916-1917 гг. для парада победоносной российской армии в Берлине. В настоящее время уже невозможно проследить первоисточник этой легенды, однако она продолжает существовать по сей день и перекочевала в серьезные исторические работы, в том числе посвященные непосредственно красноармейской униформе.⁷ Однако первое упоминание о новой форме встречается только в 1918 г. при создании Комиссии по выработке форм обмундирования Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Вероятно версия о создании этой формы до революции появилась в связи с тем, что новый внешний вид красноармейца, одетого в исторических традициях, не совсем гармонировал с интернациональным характером Советской власти. Но этому существует достаточно простое объяснение. Поскольку в ходе Гражданской войны противоборствующие стороны использовали форму старой русской армии, то часто возникали проблемы с опознанием противника в ходе боя. Красные звезды на фуражках и погоны можно было разглядеть только с довольно близкого расстояния. Поэтому возникла необходимость создания довольно яркой (по меркам Первой мировой войны) униформы, которая с достаточно большого расстояния позволяла бы определить войсковую принадлежность солдата. В лагере белых эта потребность вылилась в создание цветной униформы для наиболее заслуженных частей: корниловцев,

⁵ Дерябин А.И. Гражданская война в России 1917-1922: Красная армия. М., 2000. С.15.

⁶ РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 57. Л. 78-89.

⁷ Казин А.Л. Последнее царство. Русская православная цивилизация. СПб., 1998. С. 216; Липатов П. Красные кавалеристы // Родина. 2006. №9. С. 63-67; Он же. Первые советские танкисты // Бронетанковое вооружение. 1994. №4. С. 1.

дроздовцев, алексеевцев и марковцев (т.н. «цветные части»)⁸.

В Красной Армии была создана достаточно узнаваемая форма, которую трудно было спутать с какой либо другой. Силуэт бойца в буденовке определялся визуально с достаточно большого расстояния, что позволяло избежать недоразумений между своими частями.

В пользу того, что новая красноармейская униформа была создана после начала Гражданской войны, говорят и другие факты.

1. Если данная форма была пошита до революции, то возникает вопрос: почему она не была использована в начале Гражданской войны, а была введена только в 1919 г.?

2. Реально новая форма попала в войска в достаточном количестве только в 1920 г., а элементы формы императорской армии продолжали донашивать вплоть до середины 1920-х гг.

3. Отсутствуют фотографии бойцов Красной Армии в «буденовках» и «кафтаных» до 1919 г.

4. Отсутствуют предметы униформы, на которых присутствовали бы клейма заводов изготовителей до 1919 г.

Все эти факты говорят в пользу того, что новая красноармейская униформа была изготовлена не ранее 1919 г. Однако не исключено, что эскизы униформы были созданы до революции кем-либо из известных в то время художников (возможно Васнецовым). Ибо еще в предвоенные годы в России процветало формотворчество. Это было вызвано тем, что правительство пыталось таким образом поднять дух армии, потерпевшей поражение в войне с Японией. Новая форма должна была основываться на исторических традициях и напоминать о славных временах в истории России. И хотя в 1907 г. была введена новая униформа, основанная на исторических традициях, предложения новых образцов продолжали поступать. Об этом свидетельствует «Пояснительная записка к головному убору типа шапки Ярослава Мудрого».⁹ Этот документ, датированный 29 апреля 1908 г., свидетельствует о том, что идеи о применении в армейской униформе элементов, основанных на исторических традициях, появились еще до революции. Видимо эти идеи окончательно оформились к 1918 г., что и привело к созданию новой красноармейской униформы. Тем более что это отвечало политическому моменту того времени.

Несмотря на введение в 1919 г. новой униформы для Красной Армии основной одеждой ее частей продолжали оставаться предметы обмундирования императорской армии, которые продолжали донашивать и после окончания Гражданской войны.

Практически полностью сохранили свою форму (без погон) технические подразделения Красной Армии. Летчики, самокатчики, команды бронев автомобилей и бронепоездов продолжали носить форму, введенную перед Первой мировой войной.

Некоторые части РККА использовали не только полевую, но и парадную форму императорской армии.

Заволжская бригада «Красных гусар» включала в себя три полка конницы, которые носили парадную форму мирного времени старых 1-го Сумского и 3-го Елисаветградского гусарских полков. Несколько других частей тоже были одеты в гусарскую форму. Нарвский кавалерийский полк сражался на Восточном фронте в 1918-1919 гг. в форме бывшего 13-го Нарвского гусарского полка. Другим фор-

---

⁸ Дерябин А. Гражданская война в России 1918-1920. Юг – «цветные части» // Цейхгауз. 1991. № 1. С. 30 -35.

⁹ Российский Государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Военно-походная канцелярия Е.И.В. Ф.970. Оп.3. Д.1341. Л.1-5.

мированием являлся конный дивизион 21-й Стрелковой дивизии. Он был одет в форму, взятую со складов 15-го Украинского гусарского полка, и носил коричневые меховые кивера со светло-синим «шлыком» и подбородным ремнем из чешуи белого металла. Доломан был померанцевого цвета с белыми шнурами и серебряными пуговицами и носился с черными чакчирами¹⁰ и гусарскими сапогами.¹¹

Достаточно часто парадную форму старой армии использовали в различных военно-учебных заведениях. Поскольку большая часть школ красных командиров располагалась в помещениях бывших офицерских училищ и военных академий, использовалось их парадное оборудование, в том числе и кивера. Естественно, со старой формы были сняты символы царской власти и добавлена советская символика. Курсанты 1-й Тверской Советской кавалерийской командирской школы носили парадную форму Тверского юнкерского кавалерийского училища. Повседневная униформа была следующей: фуражка с темно-зеленым околышем и голубой тульей, канты темно-зеленные; гимнастерка и бриджи цвета хаки; высокие кавалерийские сапоги и кавалерийская шинель с темно-зеленым кантом.

Курсанты 1-й Петроградской советской школы красных командиров носили форму Лейб-гвардии Гусарского полка. Она состояла из гусарского кивера из коричневого меха с белым султаном, алого доломана, синих чакчир и белого ментика с золотыми шнурами.¹²

Отдельной страницей в истории РККА являются т. н. «национальные части» и их униформа.

В апреле 1919 г. началось формирование башкирских частей в составе Красной Армии. К концу октября башкирские части были объединены в Башкирскую группу 7-й армии, сражавшейся на Петроградском фронте. В состав Башкирской группы входили: Башкирская кавалерийская дивизия и Отдельная Башкирская стрелковая бригада.¹³ В башкирских частях был установлен особый нарукавный знак в виде ромба зеленого цвета с красным кантом, красной звездой и полумесяцем.¹⁴ Судя по фотографиям бойцов башкирских формирований, размеры этого знака могли варьироваться.¹⁵

Среди национальных войск РККА выделялись своей символикой калмыцкие части. Всему личному составу этих частей был присвоен нарукавный знак представлявший собой ромб 15x11 см из красного сукна, в верхнем углу которого расположена желтая (золотая) пятиконечная звезда, в центре белый (серебряный) венчик, в середине которого — свастика и надпись Р.С.Ф.С.Р. желтого (золотого) цвета.¹⁶

В годы Гражданской войны Красная Армия переживала период становления. И это нашло отражение в ее униформе, которая создавалась с чистого листа методом проб и ошибок. Хотя в униформе и сложился определенный стиль, в целом ее окончательное формирование не было завершено, что привело к введению новой формы в 1922 г., а затем в 1924 г.

¹⁰ Чакчиры — традиционные гусарские штаны.

¹¹ Khvostov M., Karachtchouk A. The Russian Civil War (I): The Red Army. London. 1996. P.39 — 40.

¹² Там же. P. 44 — 45.

¹³ Муртазин М. Л. Башкирия и башкирские войска в Гражданскую войну. М. 1927. С.130.

¹⁴ Khvostov M., Karachtchouk A. The Russian Civil War (I): The Red Army. London. 1996. P. 40 — 41.

¹⁵ Степанов А. Красный калейдоскоп Гражданской войны // Цейхгауз. №1(4) 1995. С. 42.

¹⁶ Там же. С. 43.

Деятельность РОВСа в 1928 – 1930-е годы

В политической жизни русской эмиграции 20-30-х годов XX в. Русский Обще-Воинский Союз оставил самый заметный след. Ни одна из эмигрантских организаций не имела в своем составе таких известных военачальников, которые сосредоточились в РОВСе, такой централизованной сильной структуры, как этот Союз (по данным штаба РОВСа, в 20-е годы XX в. в нем было зарегистрировано около 100 тыс. человек, в начале 30-х годов — до 40 тыс.), и наконец, не понесла таких значительных потерь и утрат.

Русский Обще-Воинский Союз был законным преемником последней Белой армии — Русской армии П.Н. Врангеля. Можно говорить о РОВСе по его структуре и количеству членов как об армии. «Новая форма бытия» Русской армии отличалась от прежней как в организационном отношении, так и в социально-бытовом. Образование многотысячной военной организации, возглавляемой лучшими генералами Белой армии, не могло не вызвать беспокойства в Москве. Уже в 1924 г. РОВС становится одним из главных объектов разработки знаменитой чекистской операции «Трест». Эта операция нанесла РОВСу очень сильный удар. Чекистам удалось не только свести на нет террористическую деятельность в СССР боевой организации А.П. Кутепова, но и подорвать репутацию самого Кутепова в глазах главнокомандующего Русской Армией Великого князя Николая Николаевича и председателя РОВСа П.Н. Врангеля, а также деморализовать широкие круги эмиграции в целом. Взрыв центрального партийного клуба в Ленинграде (1927 г.) был наиболее успешной террористической акцией РОВСа. Хотя и после похищения генерала Кутепова в 1930 г. Русский Обще-Воинский Союз продолжал готовить террористов для засылки в СССР, но никаких успехов в террористической деятельности достигнуто не было во многом благодаря эффективной работе на ОГПУ одного из лидеров РОВСа генерала Н. В. Скоблина. Талантливые военачальники, лидеры РОВСа были людьми слабо искушенными в политике. Зависимость от внешней политики иностранных государств, внутренние интриги и борьба честолюбий не позволили РОВСу стать самостоятельной военно-политической силой.

Впрочем, уже к середине 30-х годов РОВС был сильно ослаблен внутренними интригами и склоками. Радикально настроенные генералы, например, А.В. Туркул требовали активизации антибольшевистской деятельности РОВСа. В 1935 г. радикалы РОВСа выходят из него и организуют Русский Национальный Союз Участников Войны. Уничтожающей критике подвергают РОВС новые праворадикальные организации эмиграции — Национально-Трудовой Союз Нового Поколения, штабс-капитанское движение И.Л. Солоневича, фашистское Российское Национальное и Социальное движение.

Непоправимый урон РОВСу нанесло похищение генерала Е. К. Миллера, в котором оказались замешанными его ближайший сподвижник генерал Н. В. Скоблин и его супруга — известная певица Н. В. Плевицкая.

Собственно после этого события деятельность Русского Обще-Воинского Союза сходит на нет. Организация теряет статус самой мощной военной организации русского зарубежья.

---

* Федоров Сергей Сергеевич - аспирант кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета

Период, когда во главе РОВСа стоял генерал А. П. Кутепов, был самым кратким, но едва ли не самым деятельным. Чтобы понять причины этого следует обратиться к некоторым эпизодам из биографии этого выдающегося деятеля белого движения. Чтобы принять участие в русско-японской войне, он выходит в 85-й Выборгский полк, направляющийся в действующую армию, в звании подпоручика. За боевые отличия он после войны был прикомандирован, а в 1907 г. и переведен в Лейб-гвардейский Преображенский полк, в рядах которого и встретил Первую мировую в должности командира роты и чине штабс-капитана. В 1916 г. он командир 2-го батальона полка, награжден Георгиевским оружием и орденом Св. Георгия 4-й степени. В феврале 1917 года полковник Кутепов принял активное участие в боях на улице столицы, где успел доказать и мужество и преданность долгу. Во время Гражданской войны воевал в Армии Юга России. После эвакуации из Крыма в Галлиполи организовал практически на голых камнях организованный русский лагерь. Именно ему удалось сохранить в полном порядке части Добровольческого корпуса и организовать сносную жизнь для беженцев. Неслучайно лагерь в Галлиполи называли «Кутепией».

Все вышеперечисленное говорит о недюжинных организаторских способностях генерала, его целеустремленности, характеризует как чрезвычайно сильную и неординарную личность. Именно поэтому изначально ему было предложено заниматься подрывной деятельностью РОВСа в Советской России. Собственно сразу после принятия должности председателя РОВСа он эту деятельность активизировал.

После того как Кутепов был назначен председателем Русского Обще-Воинского Союза возникли вопросы, почему он не получил должность главнокомандующего, как преемник генерала Врангеля. Это вызвало недоумение, особенно в среде галлиполийцев, и было расценено как размолвка с Николаем Николаевичем, но сам же Кутепов в беседе с генералом Стоговым это опровергает: «Помню разговор мой по этому поводу с А. П. Он сказал мне так:

— Я не только просил великого князя не назначать меня Главнокомандующим, но даже больше: я доложил Е. И. В., что категорически отказываюсь называться Главнокомандующим, так как считаю, что для нашего времени звание Главнокомандующего не подходит. Другое дело — генерал Врангель, ибо он только сохранил свое прежнее звание, а я приобрел бы его вновь и уже в эмиграции, что считаю совершенно ненужным и могущим вызвать лишь убытки».¹

Таким образом, можно сделать вывод, что Кутепов по собственной инициативе не принял пост Главнокомандующего, и никаких противоречий между ним и Великим Князем Николаем Николаевичем не возникало. Осенью 1928 года Верховный Главнокомандующий уехал на юг Франции он вызвал председателя РОВСа к себе, там, в Антибе, Кутепов отдал приказ №25, в параграфе первом которого передавал сердечный привет от Великого Князя Николая Николаевича всему зарубежному русскому воинству. Параграф второй гласил: «На время болезни его императорского высочества подлежащие докладу Верховному Главнокомандующему вопросы великий князь Николай Николаевич приказал мне разрешать самостоятельно; обо всех на этом основании сделанных распоряжениях затем доносить Е. И. Высочеству».²

С этих пор Кутепов становится практически полномочным главой РОВСа. За время его руководства произошли некоторые значимые события в истории военной эмиграции.

¹ Генерал А. П. Кутепов: Воспоминания. Мемуары. Мн.: Харвест, 2004. С. 297.

² Там же С. 300.

Во-первых, материальные затруднения и ухудшающееся в связи с ранениями и старостью здоровье чинов РОВСа вынудили генерала Кутепова заняться этой проблемой и прийти на помощь военным организациям. В 1929 году им был отдан приказ № 28, устанавливающий образование особых благотворительных комитетов при начальниках отделов РОВСа, и учреждение Центрального благотворительного комитета при председателе РОВСа. Кутепов вообще старался проявлять заботу о чинах Русской Армии и по возможности поддерживал их материально даже из личных средств.

Во-вторых, в конце 20-х годов участились случаи принятия русскими эмигрантами в иностранного подданства. В отношении лиц, принявших иностранное подданство и по разным причинам вышедших из состава РОВСа, он заявил следующее: «Само собой разумеется, что никаких препятствий к возвращению в будущем в ряды Русской армии чинимо не будет – лишь бы перешедшие в иностранное подданство сохранили любовь к родине-матери и не потеряли бы нравственного облика, присущего русскому войну»³. Здесь разрешался очень сложный вопрос о том, как офицерам одновременно остаться воинскому долгу и одновременно обрести возможность достойного существования. В итоге проведенных мероприятий состав РОВСа хоть и уменьшался, но на случай участия Русской армии в боевых действиях против большевиков армия могла бы мобилизовать достаточное количество солдат и офицеров.

В-третьих, с каждым годом росло количество различных политических организаций русского зарубежья. В связи с этим регулярно поступали запросы от частных начальников о возможности для чинов РОВСа входить в новые организации, объявлявшие об отсутствии у них в программах каких бы-то ни было политических лозунгов. Кроме этого, у руководства Русского Обще-Воинского Союза имела информация о том, что некоторые общественные и политические организации предполагали объединиться. С этой целью устраивали особые съезды – как для установления единства взглядов, так и для выработки общих политических платформ. На данную ситуацию Кутепов прореагировал предельно жестко. Он напомнил членам РОВСа о приказе генерала Врангеля от 8 сентября за № 82 и высказался следующим образом: «... прошу теперь же поставить в известность всех подведомственных вам начальников войсковых частей и председателей военных союзов, обществ и объединений, что я категорически запрещаю участие в упомянутых выше съездах не только представителям военных организаций, входящих в РОВС, но и отдельным его чинам»⁴. Данное резкое высказывание главы РОВСа говорит не только о запрещении членам Союза вступать в какие-либо политические организации, но и об уверенности в своем положении и авторитете Кутепова.

В-четвертых, в октябре 1928 года японцы активно поддерживали идею создания русских отрядов для борьбы с коммунистами в Монголии. Они обещали, что в случае удачных действий русских начнут финансирование и обеспечение похода белоэмигрантов на территорию СССР. Тут Кутепов вновь проявил характер и принципиальность, что явно прослеживается в его письме А. С. Лукомскому от 22 октября 1928 года:

«... Мне кажется, что при обсуждении японских предложений, касающихся Монголии, следует внимательно взвесить вышеизложенные соображения, чтобы не восставать против себя мнения национально мыслящих кругов в советской России и не

---

³ Там же С. 303.

⁴ Генерал А. П. Кутепов: Воспоминания. Мемуары. Мн.: Харвест, 2004. С. 304.

повредить интересам не только большевиков, но и национальной России»⁵.

Это свидетельствует о том, что Кутепов не отделял Русское Зарубежье от русского народа, и не осуществлял действий, которые влекли за собой вредные последствия для страны в целом. Все террористические акты были направлены именно против партии и органов ГПУ. Он считал, что вмешательство в конфликт между СССР и Японией за влияние в Монголии противоречит принципам внешней политики Российской Империи. Геополитические интересы России для него были важнее, чем локальный успех РОВСа.

На протяжении нескольких лет происходила борьба за влияние между РОВСом и Высшим Монархическим Советом (ВМС). В 1929 году ВМС предложил признать Великого Князя Кирилла Владимировича императором. В следствии чего Кутепов опять занял принципиальную позицию неучастия в политике членов организации и разослал начальникам отделов РОВС циркуляр №12 крайне жесткого содержания. Так, например, в пункте 2-м этого циркуляра говорилось следующее: « 2. Всех чинов Союза, признавших Великого Князя Кирилла Владимировича – ИМПЕРАТОРОМ, немедленно исключать из РОВС властью соответствующих начальников»⁶. Как итог - ВМС не добился особых успехов в переманивании членов РОВСа на свою сторону.

И еще был один вопрос, которому Кутепов уделял чрезвычайное внимание – образование. Профессор Н.Н. Головин 22 марта 1927 года в присутствии 200 слушателей вступительной лекцией открыл «Военно-научные курсы систематического изучения современного военного дела». Состав слушателей курсов был в основном однороден - бывшие офицеры, которые по окончании курсов причислялись к Российскому Генеральному штабу. Курсы работали по программам, близким к программам бывшей Императорской Николаевской военной академии (Академии Генерального штаба) и военных академий Европейских государств.

К проведению занятий Н.Н. Головин сумел привлечь известных русских военных деятелей и полководцев. Занятия проводились два раза в неделю по 800-часовой учебной программе, курс обучения был рассчитан на 50-52 месяца. Курсы быстро завоевали популярность в эмигрантской среде и после года работы получили наименование: «Зарубежные высшие военно-научные курсы профессора, генерала Головина» (ЗВВНК). Кутепов активно пропагандировал посещение этих курсов собственным примером, лишь самые неотложные дела могли вынудить его пропускать занятия. В 1931 году при них были организованы военно-училищное и заочное отделения, а в качестве самостоятельного высшего учебного заведения – Белградские курсы под руководством генерала А.Н. Шуберского. Объединением «Русских научных установлений за рубежом» в Праге ЗВВНК были признаны высшим учебным заведением.

В 1936 году для последующей военно-научной деятельности преподавателей и выпускников при Белградских военно-научных курсах создается «Русский военно-научный институт», а при Парижских в 1938 году – «Институт по исследованию проблем войны и мира». В 1936-1938 гг. Белградским военно-научным институтом издавался журнал «Осведомитель».

Парижские военно-научные курсы и Институт по исследованию проблем войны и мира просуществовали до сентября 1939 года, за 11,5 лет через них прошло свыше 400 офицеров, из которых 82 получили высшее военное образование и были награждены академическим знаком. Белградские военно-научные курсы и Русский

---

⁵ Политическая история русской эмиграции. 1920-1940 гг.: Документы и материалы: Под ред. А. Ф. Киселева. М., 1999. С. 42.

⁶ Там же С. 42.

военно-научный институт функционировали вплоть до 1944 года и за 13 лет провели 6 выпусков. За это время на курсах обучалось около 200 офицеров, из которых полный курс закончили 77 человек⁷.

Таким образом, можно сделать выводы, что генерал Кутепов в должности председателя Русского Обще-Воинского Союза стремился укреплять организацию изнутри, пополнять ее новыми кадрами, не допускал раскола внутри организации и предотвращал ее политизацию. Кроме того, стоял на позициях патриота России, но яростного врага большевизма, о чем свидетельствует подрывная деятельность РОВСа.

---

⁷ <http://www.vojnik.org/voen-zarub.htm>

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ В НАЦИОНАЛЬНЫХ РАЙОНАХ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1930-Е ГОДЫ XX ВЕКА

В ходе активного национально-территориального размежевания к началу 30-х годов XX века на территории центральных областей РСФСР появилось большое количество специфических административных образований – национальных районов и сельских советов. Создавались такие единицы с целью обустройства национальных меньшинств – небольших сельских этнических групп, расселенных дисперсно среди преимущественно русского населения Центра России. В то время считалось, что любая, даже самая малочисленная национальность имеет право на «свою» территорию. Культурная политика советской власти также ориентировалась на эти вновь образованные миниатюрные формы самоопределения национальных меньшинств. Более того, в отличие от русского населения, эти этнические группы пользовались особой поддержкой социалистического государства, поскольку считались «в прошлом угнетенными национальностями», отставшими в своем развитии от основной массы населения.

Наиболее эффективно культурное неравенство в СССР преодолевалось в 30-е гг. введением в стране всеобщего школьного обучения и ликвидацией неравенства. Резолюция XVI съезда партии гласила: «Проведение обязательного первоначального обучения и ликвидация неграмотности должно стать боевой задачей партии в ближайший период»¹.

Всесоюзная кампания по ликвидации неграмотности, проводившаяся с первых лет советской власти особенно активно проводилась в центральных областях РСФСР. Некоторые «промежуточные» итоги этого массового движения получили свое отображение в справочном издании «Национальная политика ВКП(б) в действии», вышедшем в 1930 г.²

По данным этого издания, наибольший процент грамотных имели «западные» национальности (евреи, немцы), а также русские, грузины и украинцы. Вместе с тем, в Московской области отмечался «катастрофически низкий» процент грамотности на родном языке таких национальностей как карелы и цыгане. Мы не можем на основании этих данных восстановить картину по национальным меньшинствам, проживавшим в сельской местности. Однако можно предположить, что процент грамотных среди них не сильно отличался от общего уровня той или иной национальности.

Зафиксированный в сборнике уровень грамотности национальностей считался совершенно неудовлетворительным. В последующие несколько лет взятые «самые форсированные темпы» позволили достичь очень высоких показателей в этой области. По данным журнала «Революция и национальностей» темпы ликвидации неграмотности за один 1931 г. превзошли охват неграмотных и малограмотных за все предыдущие 10 лет³. В низовых национально-административных единицах курс на

* Курманов Дмитрий Викторович – аспирант кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., доп. М., 1983-1985. Т. 5. С. 129.

² Национальная политика ВКП(б) в цифрах. М., 1930. С. 263.

³ Рахимбаев А. За темпы и качество национального культурного строительства // Революция

полную ликвидацию неграмотности проводился столь же последовательно, как и в прочих местностях страны. О «громдах достижений» в этой области сообщалось на III Всероссийском совещании работников среди национальных меньшинств⁴. О достигнутых к 1930 г. результатах проделанной работы можно судить по следующей таблице, в которой сведены данные по г. Москва и 10 округам Московской (промышленной) области:

Наименование округа	Количество населения	Количество грамотных	Количество неграмотных	Сеть учреждений
г. Москва	254300	238300	16000	120
Московский	32300	27058	5242	107
Тверской	83000	42675	40325	129
Тульский	12000	8323	3668	5
Рязанский	14700	8887	5683	43
Серпуховский	7300	4463	2837	3
Орехово-Зуевский	5900	3789	2111	8
Бежецкий	71700	29934	44210	90
Кимрский	6000	2640	3360	21
Коломенский	2600	1736	1864	6
Калужский	10800	6155	4645	3
Итого	501070	371095	129975	535

Данные итоги позволяли говорить об окончательном завершении компании по ликвидации неграмотности в «самое ближайшее время», однако в первой половине 30-х гг. завершить начатое дело так и не удалось. Доказательством этому служит постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 16 января 1936 г., в котором констатировалось неудовлетворительное состояние работ по обучению неграмотных и давалось указание полностью ликвидировать неграмотность в течение 1936-1937 гг.⁵

Параллельно с компанией по борьбе с неграмотностью взрослого населения в первой половине 30-х гг. в национальных районах и сельских советах шло интенсивное строительство системы начального всеобщего обучения. Согласно постановлению ЦК ВКП (б) от 25 июня 1930 г., начальный всеобуч вводился повсеместно с 1930/1931 учебного года⁶. Установленные партией сроки должны были быть соблюдены для всего населения страны. Это означало, что и для основной массы «нацменнаселения» центральных областей РСФСР они не должны были выйти за пределы первой пятилетки.

Окончательное завершение всеобуча планировалось на 1933 г. Одновременно перед органами власти и «нацменобщественностью» на местах ставилась новая задача: до 1935 г. обеспечить все национальности республики школами 2 ступени (семилетками). Судя по журнальным публикациям, эта директива не была выполнена в срок. Реально к 1935 г. школами 2 ступени полностью были обеспечены только «западные нацмены», в то время как основная масса «нацменшкол» в РСФСР имела только первый и второй классы⁷.

Неудовлетворительным зачастую было и качество обучения, понимавшееся и национальности. 1932. № 6. С. 42.

⁴ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1235. Оп. 128. Д. 4. Л. 16, 213.

⁵ КПСС в резолюциях... Т. 6. С. 306.

⁶ Национальная политика ВКП (б) в цифрах. С. 184–185.

⁷ Национальная школа на подъеме (итоги всероссийского совещания наркомов просвещения национальных республик и областей) // Революция и национальности. 1936. № 10. С. 97.

очень широко. По мнению «ответработников» на местах, в существенном улучшении нуждались практически все составляющие учебного процесса. Особое беспокойство вызывало состояние школьных зданий, а также хозяйственное обеспечение учебных заведений. Еще более остро в нацменьшколах стояла проблема посещаемости занятий — в некоторых национальных районах к концу учебного года отсев учащихся достигал 50-60%.

Главным показателем качества работы «нацменьшколы» в первой половине 30-х гг. была степень ее коренизации. Каждое учебное заведение должно было вести преподавание на родном языке учащихся. Неукоснительное соблюдение этого принципа считалось обязательным не только для автономных республик и областей, но и для национальных районов и сельских советов.

Основные трудности, возникавшие на пути к полной коренизации школы среди национальных меньшинств, были связаны с нехваткой преподавателей, их недостаточной квалификацией. Педагогических кадров не хватало даже в автономных республиках и областях; в районах нацменьшинств этот вопрос стоял особенно остро, а профессиональный уровень учителей оставляло желать много лучшего. Чиновникам от образования приходилось констатировать: «квалификация большинства национальных педагогических кадров неудовлетворительна: 50-70% учителей начальной школы в некоторых районах имеют лишь низшее образование и краткосрочную подготовку». Работа по повышению квалификации педагогов еще не была «поставлена на должную высоту».⁸

Ситуацию могло поправить заочное обучение на языках, однако по состоянию на 1933 г. оно почти отсутствовало. Педагог, окончивший начальную школу и 2-3 месячные курсы, часто, не зная русского языка, был лишен возможности повысить свою квалификацию через заочную учебу. Характерной была ситуация, сложившаяся в Тверском округе Московской области. В конце 1931 г. профессор Тверского пединститута А. А. Вершинский выступил с докладом о положении дел в карельской национальной школе. Он сообщил о катастрофическом положении с учительскими кадрами в районах с карельским населением. Например, в Максатихинском районе из 193 учителей насчитывалось лишь 34 этнических карела. С трудом шла вербовка на курсы молодежи, окончившей школу I ступени и имеющей возраст старше 16 лет. На 7 мая 1931 г. в том же районе вместо 80 человек было завербовано лишь 15. Никто не явился на курсы в Лихославльском районе. Между тем, в последнем на 1 октября 1931 г. насчитывалось 22 карельские школы с количеством детей 3851 и 7 смешанных карело-русских — 1070 учеников. Для исправления ситуации предлагалось сосредоточить подготовку и переподготовку кадров педагогов и инструкторов-методистов из числа национальных меньшинств в тех автономных областях, краях и республиках, где данная национальность преобладала.⁹

Многие учителя из числа нацмен не считали нужным немедленно переходить на «национальный» язык. Некоторые родители также демонстрировали пренебрежительное отношение к «национальной» школе, не понимали педагогической целесообразности преподавания на родном языке. Их «невразумительные» аргументы сводились к следующему: если дети пройдут начальную и среднюю школу на родном языке, то потом они не смогут поступить в вузы и техникумы, не выдержат вступительного экзамена или им будет трудно учиться в техникумах»¹⁰. Как видим,

⁸ Надеждин М., Соломонов М. Коренизация национальной школы (итоги обследования нацшколы) // Революция и национальности. 1933. № 1. С. 58.

⁹ Головкин. История Тверской Карелии. Тверь, 1999. С. 117-118.

¹⁰ Надеждин М., Соломонов М. Коренизация национальной школы. // Революция и нацио-

учителя и родители руководствовались практическими соображениями, справедливо опасаясь, что национальная школа может оказаться образовательным тупиком для их детей. Руководство в центре и на местах относилось к подобным настроениям резко отрицательно. Любые сомнения считались проявлением оппортунизма и подлежали полному искоренению. Как уже нами отмечалось, компании по коренизации школы придавалось большое политическое значение, а потому любые «житейские» доводы не считались достаточно убедительными. На родной язык обучения должны были перейти все школьники страны. Последовательное проведение этого курса принесло свои результаты — вслед за школами титульных наций на родной язык перешли учебные заведения, располагавшиеся в национальных районах и сельских советах.

Становление системы образования на родном языке в национальных районах и сельских советах проходило достаточно успешно. Трудности на этом пути были, и немалые, но они в большинстве случаев не так быстро, как хотелось бы, но преодолевались. Важно отметить, что в коренизированных учебных заведениях наряду с «местными» языками обязательно изучался и язык «коренной» нации. Но тогда считалось абсолютно необходимым начинать обучение на родном языке, поскольку «речевые реакции на родном языке протекают быстрее, чем на ином»¹¹. Освоение «чужого» языка в школах национальных меньшинств допускалось лишь с 3 класса (лишь иногда, в частности, для народов Севера — со 2 класса)¹². Вторым языком обучения становился или русский, или язык «коренного» народа, в окружении которого проживала данная национальность. В самом начале 30-х гг. (1930-1931 гг.) такая ситуация считалась совершенно нормальной, однако вскоре стало ясно, что «все-таки общим путем приобщения к культуре является русский язык», а потому именно он «должен быть обязательно вторым языком для школ национальных меньшинств»¹³.

Напомним, что речь шла об изучении русского как предмета — приоритет родного языка никем не оспаривался. Вплоть до 1937 г. непрерывно происходило обсуждение путей развития национальной школы, предлагались меры по улучшению работы в этой области. Преподавание на родном языке по-прежнему считалось огромным завоеванием революции, но и роль русского языка должна была возрастать. Однако к концу 30-х гг. эти две тенденции так и не удалось уравновесить. Начался резкий откат «назад», сопровождавшийся быстрым сокращением национальных учебных заведений. И если большинству «коренных» народов удалось хотя бы частично сохранить «свою» начальную (а иногда и среднюю) школу, то национальные меньшинства очень быстро утратили возможность обучаться на родном языке.

В принятом решении Оргбюро ЦК ВКП(б) от 1 декабря 1937 г. «О национальных школах» было признано вредным «существование особых национальных школ (финские, эстонские, немецкие, английские, греческие и др.) на территории ряда национальных республик и предложено наркомпросам национальных республик реорганизовать указанные школы в советские школы обычного типа»¹⁴. В постановлении Оргбюро ЦК ВКП(б) от 24 января 1938 г. «О реорганизации националь-

---

нальности. 1933. № 1. С. 58.

¹¹ Гасилов Г. О системе народного образования среди национальных меньшинств РСФСР // Просвещение национальностей. 1929. № 1. С. 23.

¹² Практические мероприятия по культурному строительству национальностей СССР. М., 1932. С. 27.

¹³ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1235. Оп. 128. Д. 4. Л. 26.

¹⁴ Губогло М. Н., Сафин Ф. Г. Принудительный лингвизм. М., 2000. С. 288.

ных школ» отмечалось, что «произведенной ЦК ВКП(б) проверкой установлено, что враждебные элементы, орудовавшие в наркомпросах союзных и национальных республик, насаждали особые национальные школы (немецкие, финские, польские, латышские, английские, греческие, эстонские, ижорские, вепсские, китайские и т.п.), превращая их в очаги буржуазно-националистического, антисоветского влияния на детей».

В постановлении особенно подчеркивалось, что практика насаждения особых национальных школ наносила огромный вред делу правильного обучения и воспитания, отгораживала детей от советской жизни, лишала их возможности приобщения к советской культуре и науке, преграждала путь к дальнейшему получению образования в техникумах и высших учебных заведениях. Учитывая это, ЦК ВКП(б) признал дальнейшее существование особых национальных школ и особых отделений при обычных советских школах вредным и предложил реорганизовать особые национальные школы (немецкие, финские, польские, латышские, эстонские и др.) в советские школы обычного типа. Наркома просвещения был указан срок завершения реорганизационных работ до 1 августа 1938 г.¹⁵

На местах немедленного приступили к исполнению этого решения, явно противоречившего предыдущему курсу партии. В результате, к началу нового учебного года реорганизация школ национальных меньшинств почти во всех республиках была завершена, преподавание стало вестись на русском языке¹⁶.

Окончательную смену курса оформило постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 13 марта 1938 г. «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей», резко изменившее соотношение языков в школьном обучении¹⁷. Данное постановление самым непосредственным образом затрагивало и школы национальных меньшинств Московской области, большинство из которых к концу десятилетия было ликвидировано или преобразовано в школы обычного типа.

Таким образом, большинство сельских национальных меньшинств Московской области к концу 30-х гг. было лишено возможности получить образование на родном языке. Постепенно основным «культурным» языком для них стал русский. Тем не менее, многие «некоренные» народы Центра России и в современных условиях сохраняют свою идентичность, а значит, развитие системы просвещения для них по-прежнему является актуальной задачей. На данном этапе развития вряд ли целесообразно в точности повторять опыт 30-х годов. И все же, исследование процесса интеграции национальных меньшинств в общественные (образовательные) институты, поиск адекватных решений указанной проблемы в прошлом представляет несомненный интерес и в наше время.

---

¹⁵ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1235. Оп. 128. Д. 4. Л. 156.

¹⁶ О ликвидации школ национальных меньшинств в Смоленской области см.: Судьбы национальных меньшинств на Смоленщине. Смоленск, 1990 С. 305–307.

¹⁷ Алпатов В. М. 150 языков и политика. М., 2000 С. 98.

ИЗМЕНЕНИЕ ОБРАЗА КАЗАЧЕСТВА В СССР В 1936 ГОДУ ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

До 1936 года казачество не имело право служить в Красной Армии. Это было связано с тем, что большинство казаков в годы революции и Гражданской войны выступало на стороне белых, участвовало в различных «бандформированиях» и всячески противилось установлению Советской власти в казачьих областях (Дон, Кубань, Ставрополье, Урал, Забайкалье и других областях, где до революции находились казачьи войска). Несмотря на то, что во времена Гражданской войны наравне с Первой Конной армией было создано Червонное казачество, за казаками прочно закрепилось звание белогвардейцев, «казары» и «контры».

После Гражданской войны 1918-1922 годов в советском обществе сложилось крайне двойственное отношение к казачеству. С одной стороны, казаки четко ассоциировались с царизмом и разгонами рабочих демонстраций, в то время как с другой они воспринимались как герои гражданской войны – Червонное казачество. Казачество в Красной Армии служило выборочно. Как правило, служба проходила в частях не относящихся к кавалерии. Так было до 21 апреля 1936 года.

21 апреля 1936 года во всесоюзной газете «Правда» на первой полосе публикуется постановление Центрального Исполнительного Комитета СССР «О снятии с казачества ограничений по службе в РККА», в котором говорилось, что, «учитывая преданность казачества советской власти» и желание вместе со всеми защищать родину, ЦИК СССР снимает с казачества ограничения на службу в рядах РККА, кроме наложенных по суду.¹

С этого момента можно считать начало возрождения положительного образа казачества в глазах простых советских людей. Уже на следующий день 22 апреля «Правда» публикует статью «С радостью встретили казаки постановление правительства»², где казаки благодарят Ворошилова, Сталина и правительство, что все лучшие традиции казачества (смелость, дисциплину, отвагу, героизм, любовь к коню) они полностью используют, будучи бойцами РККА. 23 апреля – передовица «Советские казаки горячо приветствуют постановление правительства»³ (казаки Моздока, Ростова-на-Дону, Пятигорска). Далее публикуются сразу несколько статей: передовица «Колхозное казачество» (казаки благодарят тов. Сталина за улучшения в их жизни), «Соколами слетимся на защиту великой родины» (Советское казачество горячо приветствует постановление ЦИК СССР)⁴. В том же номере «Правды» публикуется приказ наркома обороны тов. Ворошилова №67 «О переименовании 10, 12, 4 и 6 кавалерийских дивизий в казачьи, о формировании 13 Донской казачьей дивизии и отдельной кавалерийской бригады горских национальностей и об установлении для казачьих дивизий особой формы одежды».

В частности там говорилось о переименовании 4 кавалерийской Ленинградской Краснознаменной дивизии имени товарища Ворошилова в 4 Кубано-Терскую казачью Краснознаменная кавалерийскую дивизию имени товарища Ворошилова и о

* Дмитриев Антон Сергеевич - аспирант кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета

¹ Правда. 1936. 21 апрель.

² Правда. 1936. 22 апрель.

³ Правда. 1936. 23 апрель.

⁴ Правда. 1936. 24 апрель.

переименовании 6 кавалерийской Чонгарской Краснознаменной дивизии имени товарища Буденного в 6 Донскую казачью Краснознаменную дивизию имени товарища Буденного.⁵ Это было смелое решение. Две, самые прославленные в ходе Гражданской войны, дивизии переформировывались в казаки. Этим самым было дано понять простому народу о том, что казачество полностью оправдано на самом «верху».

В доказательство этому в следующие дни публикуется еще три статьи о казаках. 25 апреля: «Слет казаков-колхозников Тихорецкого района» и «Терское казачество приветствует приказ товарища Ворошилова»⁶. Далее публикуется на передовице «Письмо Кубанских казаков и казачек Тихорецкого района товарищу Сталину»: «Мы твердо, по-казачьи, с гордостью заявляем врагам нашей Родины, что в лице советского колхозного казачества они встретят несокрушимую силу, готовую в любую минуту, по первому твоему зову, сесть на боевых коней и до последней капли крови защищать свою социалистическую родину»,⁷ — говорилось в письме.

Несмотря на то, что в приказе тов. Ворошилова № 67 указывался срок до 15 мая, но уже 1 мая 10 Терско-Ставропольская территориальная казачья дивизия участвует в параде 1 мая⁸. В Пятигорске открывается праздник джигитовки Северного Кавказа, где участвуют казаки Дона, Кубани, Терека⁹. 10 мая публикуется статья «Форма казачьих частей Красной Армии», в которой с рисунками описывается покроем новой формы для трех казачеств — Донского, Кубанского и Терского¹⁰. Хотя на самом деле более интересна другая заметка того же дня: «Товарищ С. М. Буденный — почетный казак Некрасовской станицы». В ответ Буденный поблагодарил казаков и послал им большое письмо с благодарностью и отмечанием задач, которые стоят перед ними¹¹. Показывая приподнятость настроения, среди казачества устраиваются праздники по джигитовке, слеты, к примеру: ««Быстры наши кони, остро отточены клинки» Слет Семиреченских казаков-колхозников»,¹² «Праздник Оренбургского казачества»¹³, «В начале июня в Новочеркасске состоится большой праздник казаков и джигитов»¹⁴.

Подъем настроения среди казачества огромен. Теперь они могут служить в «своих» казачьих частях, что сразу видно по дисциплине, поскольку служить идут группами со своих станиц и родственные связи очень сильны, особенно виден положительный результат в дисциплине. «Правда» публикует заметку «1000 молодых казаков поступают в военные школы»: «Большинство казаков выражают желание поступать в кавалерийские и бронетанковые школы»¹⁵. Одновременно с этим бойцы выносят благодарность Ворошилову, Сталину, говорят о подъеме настроений на селе и среди войск (см. «Правда», 1936, 18 мая). В принципе, последней большой публикацией в «Правде» за первые полгода 1936 года стала статья Б. Резникова «Колхозный Дон»¹⁶, в которой он рассказывает о положительных настроениях среди колхозного казачества.

⁵ Правда. 1936. 24 апрель.

⁶ Правда. 1936. 25 апрель.

⁷ Правда. 1936. 26 апрель.

⁸ Правда. 1936. 5 май.

⁹ Правда. 1936. 7 май.

¹⁰ Правда. 1936. 10 май.

¹¹ Правда. 1936. 10 май.

¹² Правда. 1936. 13 май.

¹³ Правда. 1936. 24 май.

¹⁴ Правда. 1936. 18 май.

¹⁵ Правда. 1936. 14 май.

¹⁶ Правда. 1936. 25 май.

С наступлением лета части РККА уходят в летние лагеря для тактических занятий и отработки полученных теоретических навыков. В связи с этим, появляется большое количество фотографий из лагерей казачьих дивизий. На них изображены непосредственно учения («Правда», 3 июля), политзанятия («Правда», 28 июля), публикуется заметка о принятии присяги молодыми казаками 12 Кубанской территориальной казачьей дивизии¹⁷. С началом судебного процесса над Зиновьевым и Каменевым в «Правде» постоянно публикуются материалы судебных заседаний. В прессе начата кампания против «террористической деятельности троцкистско-зиновьевской банды».

В связи с этим, интересно вспомнить, что само казачество во всех своих бедах в 20-х годах винило Троцкого, так как именно под его руководством шли процессы «расказачивания». Реакция со стороны казаков следует незамедлительно. 20 августа заметка «Гнев колхозного казачества»¹⁸. 21 августа, передовица «Казачи-колхозники требуют расстрела убийц» (письмо казаков станиц Шкуринской и Канеловской (Кубань) тов. Сталину): «...Мы, Иосиф Виссарионович, заверяем Вас, что колхозники-казаки Кубани полны твердой решимости бороться за полное торжество дела партии Ленина-Сталина....»

Никакие силы не свернут {нас} с этого пути!»¹⁹. Письмо было обсуждено и одобрено на собраниях во всех колхозах, под письмом 5000 подписей. Но, несмотря на обстановку «праведного гнева», в стране 25 августа публикуется фото открытия Всесоюзных конно-спортивных состязаний в Ростове-на-Дону и статья об открытии состязаний, на котором присутствует С. М. Буденный²⁰. Но уже на следующий день в небольшой заметке «Азово-Черноморский край выполнил план заготовок полосовых культур», подписанной секретарем крайкома ВКП(б) Шеболдаевым и предкрайисполкома Лариным в самом конце, казалось бы, мирной статьи есть строки: «Рабочие, колхозное казачество единодушно одобряют расстрел взбесившейся банды убийц из троцкистско-зиновьевского фашистского контрреволюционного лагеря».²¹ А в рубрике «Расстрел банды террористов – воля народа!» напечатано письмо 45 тысячного митинга участников конно-спортивных состязаний и трудящихся тов. Ворошилову «Народ – на страже!»²².

28 августа заканчиваются конно-спортивные состязания в Ростове-на-Дону, о чем есть заметка в «Правде»²³. 4 сентября публикуется постановление ЦИК СССР «О присвоении имени товарища Сталина 6 кавалерийскому корпусу», а 10 сентября публикуются письма казаков бойцов и командиров 6 кавкорпуса имени тов. Сталина Ворошилову и Сталину с благодарностью и заверениями с честью носить высокое наименование. В то время идет гражданская война в Испании и казаки Сталинградского края вносят 1000 рублей в фонд продовольственной помощи детям и женщинам Испании²⁴.

В прессе публикуются сообщения о начале и ходе гастролей в Москве художественных коллективов Сводного казачьего хора, Донского казачьего хора и художественной самодеятельности казаков²⁵, заметки о хорошо подготовленном и

---

¹⁷ Правда. 1936. 7 июль.

¹⁸ Правда. 1936. 20 август.

¹⁹ Правда. 1936. 21 август.

²⁰ Правда. 1936. 25 август.

²¹ Правда. 1936. 26 август.

²² Правда. 1936. 26 август.

²³ Правда. 1936. 28 август.

²⁴ Правда. 1936. 29 сентябрь.

²⁵ Правда. 1936. 18 октябрь. 30 октябрь. 31 октябрь. 3 ноябрь.

любопытном пополнении из молодых казаков, пришедших в воинские части²⁶. Публикуются статьи о «Победе колхозного казачества», рассказы о жизни на Кубани, новые песни Донских казаков, в которых поется об улучшении жизни, готовности отразить всякий удар врагов, восхваляется Сталин²⁷. Для поддержания положительного настроения среди казаков в праздничном оформлении Москвы к 7 ноября на площади Революции вывешивается художественное панно «Советское казачество»²⁸.

Казаки участвуют в праздничном параде в Ростове-на-Дону²⁹, старики-казаки в качестве знаменосцев участвуют в торжественном открытии Чрезвычайного VIII Всесоюзного съезда Советов³⁰, на котором принимается новая Конституция СССР (Сталинская). А 16 декабря в «Правде» в рубрике «Страна приветствует Сталинскую Конституцию» публикуется отчет делегата Съезда Советов кубанского казака Сергея Антоновича Садко.³¹

Таким образом, мы можем видеть, как вместе с изменениями в жизни казаков, шла реабилитация самого духа казачества в глазах советского общества. Начиная с 1936 года, казачество было полностью реабилитировано в глазах советских людей. Это дало огромный стимул для развития колхозных хозяйств на Дону и Кубани. Одновременно с этим Рабоче-крестьянская Красная Армия получила огромное количество резервистов на случай войны, в годы Великой Отечественной войны казаки покрыли себя неувядающей славой. Реабилитировав казаков в глазах советского общества, правительство СССР еще больше укрепило обороноспособность нашей Родины.

---

²⁶ Правда. 1936. 20 октябрь.

²⁷ Правда. 1936. 23 октябрь.

²⁸ Правда. 1936. 5 ноябрь.

²⁹ Правда. 1936. 10 ноябрь.

³⁰ Правда. 1936. 27 ноябрь.

³¹ Правда. 1936. 16 декабрь.

ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Тема данной работы: «Проблема националистического движения на территории Брестской области в период Великой Отечественной войны (ВОВ)» является достаточно актуальной в свете современных событий, представленных тенденциями к историческому сближению двух, некогда единых в пространстве СССР, братских государств: России и Белоруссии. Следует сказать, что националистическое движение в период ВОВ представляет собой крайне проблематичный, сложный и многоплановый исторический феномен. Брестская область является регионом, в котором в период ВОВ, как в некоем «плавильном котле», оказались включенными белорусы, русские, украинцы, поляки и многие другие народы. Под термином «ПРОБЛЕМА» (от греч. *problema* – задача) в моем случае следует понимать противоречивую ситуацию, выступающую в виде противоположных позиций в объяснении каких-либо явлений, объектов, процессов и требующая адекватной теории для ее разрешения¹. Термин «НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЕ» означает в основном польское подполье, сформированное большей своей частью по национальному признаку, имеющее в своей основе определенные идейные национально-государственные тенденции, взгляды которого в отношении Советской власти и фашистской Германии, на протяжении всего периода ВОВ, были весьма различными и часто меняющимися.

Проблема данного исследования во многом сводится к тому, что в исторических источниках, данное событие представлено не всегда в однозначных, тождественных друг другу позициях, но большей частью даже антагонистически противоположных. Это вполне понятно и объяснимо, так как в принципе абсолютно любая вещь этого мира, в том числе и многочисленные события человеческой жизни, представляет собой, говоря словами И.Канта, «вещь – в – себе»², исчерпывающее и полное описание которой крайне затруднительно, если даже не сказать совершенно невозможно.

Наступление современной эпохи гласности и отсутствие ярко выраженной идеологической, и во многом сугубо «патриотической» направленности в научно-исторической литературе, которая преобладала в советских изданиях до 1991г., позволила нам взглянуть на указанную проблему совершенно по-новому, и затронуть в ней те ее аспекты, которые ранее находились за «семью печатями». Однако я вовсе не стремлюсь каким-либо образом минимизировать и ограничить значительные достоинства литературы Советского периода, совсем напротив, я отдаю огромную дань уважения тем авторам, которые при всевозможных ограничениях прошлой эпохи сумели так красочно, и так полномасштабно описать события Великой Отечественной войны, показать ту роль, которую сыграло в ней партизанское, народно-освободительное движение.

Влияние национальных идей среди поляков и белорусов в Западных областях Белоруссии за период Великой Отечественной войны было достаточно существен-

---

* Савинова Екатерина Викторовна – аспирант кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета.

¹ См.: Современный толковый словарь. М., 1997.

² Кузнецов В.Н. Немецкая классическая философия. М., 2003.

ным. Это привело к созданию в середине 1939г. двух течений, в основном польских по своему составу: правого, буржуазно-демократического толка, рассматривавшего на протяжении всей войны СССР и Германию то, как врагов, то как союзников, и левого, революционно – демократического, ориентированного большей своей частью на СССР, позднее ставшей основой польской армии.

Нужно сказать, что для всплеска национальных идей были определенные предпосылки и причины. Так, на территориях Западной Белоруссии «еще с декабря 1920г. польское правительство насаждает в пограничных районах с СССР так называемых осадников. Они выбирались из числа бывших военнослужащих-поляков, наделались землей в размере 25 гектаров, получали сельскохозяйственный инвентарь и другую всестороннюю помощь от правительства. По данным на 2 декабря 1939 г. в Западной Белоруссии органами НКВД учтено 3998 [таких] семейств»³. Ввиду того, что осадники представляли благоприятную почву для всякого рода антисоветских действий, и в силу своего имущественного положения являлись безусловными врагами Советской власти, возникла необходимость их выселения вместе с семьями. В связи с этим, органами НКВД было арестовано 350 человек для использования на лесных разработках в СССР.⁴ Перемены, которые произошли на этих территориях с приходом на них Красной Армии с осени 1939 г. не затронули в основном чиновников низшего звена и рядовых солдат, которых осенью 1939г. около 50 000 было отпущено на свободу.⁵

С осени 1940 г. панская земля полностью переходит под власть Советского государства, начинается коллективизация. «По идеологическим соображениям из школьных программ исключается изучение истории Польши, и на 50 % больше времени отводится изучению белорусского, русского языков, однако власть учитывает исторические особенности этого региона и пытается оказать положительное влияние на общественное мнение следующими действиями: так, например, осенью 1940 г. в г. Белостоке открывается драматический театр, помпезно была отмечена годовщина 85-летия со дня смерти Мицкевича, с этого же времени начинает выходить газета «Знамя свободы» на польском языке».⁶

Говоря об истории националистического партизанского движения, следует сказать, что с осени 1939 г., практически сразу после падения Варшавы возникают, две подпольные военные организации, буржуазно-демократической направленности первую создает бывший маршал Рыдз-Смиглы, которая называется: «Служба победы Польши» (СПП), а осенью 1939 г. по замыслу генерала Владислава Сикорского, который в Париже возглавляет эмигрантское правительство, она преобразуется в «Союз вооруженной борьбы» (СВБ), позднее с января 1942 г. СВБ будет переименована в Армию Крайова (АК), проводившую в жизнь под руководством ее лидера В. Сикорского буржуазно-националистическую политику лондонского эмигрантского правительства. Вся территория «Второй Речи Посполитой» была поделена на шесть округов, один из них «Белосток» охватывал всю Западную Белоруссию.

С лета 1940 г. военные округа структурно совпадают с бывшими воеводствами. Из директивы генерала Стефана Равецкого «Грота», впоследствии будущего командующего Армией Крайовой, коменданту округа «Белосток» следует: «В слу-

³ Хаустов В.Н., Наумов В.П., Плотникова Н.С., Лубянка. Сталин и НКВД – НКГБ- ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946/Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. М., 2006. С. 38.

⁴ См.: Там же. С. 38.

⁵ См.: Сямашка Я, Армія Краева на Беларусі. Минск., 1994. С. 11.

⁶ Там же С. 12 – 13.

чае возникновения военного конфликта между Россией и Германией независимо от того будет ли СССР союзником Англии, позиции СВБ должна остаться неизменной – сохранение прежних границ Польши, а в случае наступления Советских войск на Запад, быть готовым к проведению массовых диверсий и организации партизанской борьбы». Такая установка давалась за 8 месяцев до Великой Отечественной войны. Об этом также свидетельствует тот факт, что 26 февраля 1940 г. у задержанных при переходе границы в СССР из Румынии эмиссаров правительства Сикорского, братьев Жемерских изъята шифрованная переписка, в том числе инструкция № 1 которая, давала указание польской общественности об отношении к оккупантам как немецким, так и большевистским.⁷

Экономической основой польского сопротивления в определенной степени были иностранные золотовалютные поступления из-за рубежа, в основном из США. Так из США перечислялись крупные суммы золота в Лондон польскому эмигрантскому правительству в адрес Шерера (член национального польского совета), получаемые деньги пересылались затем в главный штаб коменданта Армии Крайовой генералу Буру, где фактически распределялись для подпольных организаций Армии Крайовой.⁸

Идея борьбы поляков на два фронта как против Советов, так и против Германии, имела значительную поддержку среди польского населения Брестской области. «С октября по июль 1940 г. функционировали 109 польских организаций объединивших 3231 участника, из которых 2904 были поляками, их активная деятельность в основном и определила будущую депортацию польского населения в глубь России»⁹, когда в феврале 1940 г., была проведена массовая войсковая операция НКВД в Западных областях Белоруссии, в которой были задействованы 52 000 человек, и изъято 9549 семей (всего 49 239 человек), из которых погружено в вагоны 7745 семей (38 885 человек)¹⁰. При этом судьба 10 359 человек осталась неизвестна, что в определенной степени, также как и слухи о расстрелах польских офицеров под Катынь, провоцировало поляков на выступления.

С началом Великой Отечественной войны деятельность польского националистического подполья активизировалась. На оккупированных территориях Западной Белоруссии (Брестская область) с июня 1941г. действует несколько разрозненных подпольных организаций различной направленности, численностью в несколько десятков человек, это: «Союз вооруженной борьбы», «Военная национальная организация» и продолжавшая действовать еще с 1940 г. разведывательная группа «На Советы», которую возглавлял в Бресте бывший поручик Александр Куницкий, привлечший для работы группу служащих Брестской почты.

При этом среди польских лидеров в эмиграции появляются тенденции к некоторому пересмотру своих позиций в отношении СССР. Так 30 июня 1941г. происходят переговоры между эмигрантским правительством и СССР закончившиеся подписанием соглашения о восстановлении отношений и взаимопомощи. Пункт 4 данного соглашения определял время и начало формирований польских частей на территории СССР. Численность польской армии первоначально определялась в 30 000

---

⁷ См.: Хаустов В.Н., Наумов В.П., Плотникова Н.С., Лубянка. Сталин и НКВД – НКГБ ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946/Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. М., 2006. С.146.

⁸ См.: ГАРФ. Ф.9401. Оп. 2. Д. 68. Л. 233 – 236.

⁹ Сямашка Я, Армія Краева на Беларусі. Минск., 1994. С 137 – 139.

¹⁰ См.: Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) о пленных поляках от 3 декабря 1939г./Цит. по Лубянка. Сталин и НКВД – НКГБ - ГУКР «Смерш» 1939 – март 1946. С.139.

человек. СССР выделял на ее содержание заем в 65 млн. рублей, который в январе 1942 г. был увеличен до 300 млн. рублей. Кроме того, выделялось 15 млн. рублей безвозмездных пособий офицерам. К 25 октября 1941г. численность армии составляла уже 41 561 человек из них офицеров 2630.¹¹ И уже 4 декабря 1941г. И.В. Сталин и В. Сикорский подписывают декларацию о том, что войска польской республики расположенные в СССР будут вести войну с немецкими захватчиками рука об руку с советскими.¹²

Уже в конце июля 1941г. в Западной Белоруссии возникает молодежная организация «Редут», штаб которой возглавлял Збигнев Слочински, в его группу входили бывшие солдаты польской армии Виктор Голуб, Владислав Вестфалевич, Хенри Голуб, Болеслав Послушны. Поручик Виктор Голуб прибыл в Брест в конце июля 1941г. перед ним стояла задача установить контакты с действующими организациями. Осенью 1941г. Виктор Голуб погибает по дороге в Белосток. Девизом этой группы было «каждый сражающийся против немцев наш друг, наша цель свободная, независимая Польша». «В деятельности этой группы принимал активное участие и назначенный немцами первый бургомистр Бреста Брониковский Владислав, Галина и Люция Булгаковы, Вацлав и Леон Панасевичи, врач Казимич Пашкевич, ксенз Ежи Урбанович, Вацлав Скверчинский и другие»¹³. С сентября 1941 – по февраль 1942 гг. эта организация через ксенза Ежи Урбановича распространяла газету «Шанец» издававшееся тиражом до 200 экземпляров на множительном аппарате печатались и распространялись и радиосводки.

Однако внутренняя позиция польского националистического подполья по этому вопросу все еще оставалась весьма двойственной. Вот запись беседы полученная оперативным путем от 18 августа 1941г. министра иностранных дел Англии с польским послом в Лондоне «Сегодня днем по поручению генерала Сикорского со мной разговаривал польский посол о трудностях с которыми приходится встречаться польскому правительству в результате заключения советско-польского соглашения ... поляки понимают, что превращение СССР в союзника несколько отбрасывает Польшу и польские интересы на задний план, соглашение скорее ослабило позиции Польши в отношении восточных границ».¹⁴

В октябре 1941 г. командование Союза вооруженной борьбы направляет в Брест трех своих представителей для объединения разрозненных подпольных групп и создания на их базе Полесского округа Армии Крайовой. Комендантом округа утвержден майор Станислав Добрски, заместителем Станислав Ковальски, начальник штаба майор Стефан Размарыновский, отдел разведки и связи Эмиль Маркевич, Виктор Гавульски, Ядвига Останевич. С весны 1942г. под руководством Станислава Добрского выпускается газета «Политический обзор» и радио-бюллетень распространявшиеся в Бресте.

Попытки Советских подпольщиков наладить контакты с Армией Крайовой в 1942 г. не увенчались особым успехом, несмотря на все попытки секретаря подпольного горкома партии Серафимовича. Идейные расхождения в Армии Крайовой привели к тому, что сформированные на территории среднеазиатских республик СССР 6 пехотных дивизий численностью 73 415 человек, под действием слухов о катыньском деле, исходящих от лондонского (эмигрантского) правительства, были выведены генералом Андерсом на Ближний Восток. «Вывод закончился к августу

¹¹ См.: Внешняя политика СССР в период ВОВ. Документы и материалы, Т.1. М., 1946. С.138.

¹² См.: Там же. С.192.

¹³ Кондак А.П. Памяць. Книга. 2. Минск., 1998. С. 117.

¹⁴ Очерки истории Российской внешней разведки, Т.6. М. 1967. С. 528 – 530.

1942 г. было эвакуировано 75 491 военнослужащий и 37 756 членов их семей». ¹⁵ При этом стоит отметить тот факт, что именно независимая во многих отношениях национальная политика главнокомандующего Армии Крайовой В. Сикорского возможно и послужила причиной его гибели 4 июля 1943г. по пути с Ближнего Востока в Англию. ¹⁶

С весны 1942 г. на территории Бреста и Малорите начинает действовать разведывательно-диверсионное подразделение «Веер». Эта группа имела радиостанцию, которую обслуживал Владислав Фокс. Брестский участок был разделен на три района, в каждом из них действовала своя группа, в основном на железнодорожных и шоссейных дорогах, на участках коммуникаций Брест – Пинск, и в южном направлении городов Холм и Ковель. Командиром этого района был Збигнев Слочински, под его руководством действовал отряд из 13 человек. В конце мая 1942 г. в Брестскую группу «Веер» влилась вновь прибывшая группа из шести человек, которая до сентября 1942 г. проводила диверсии на железных и шоссейных дорогах в районе Жабинки, Кобрин, Луница. Национальный состав группы «Веер» был интернациональным, в него входили не только поляки, но и русские, белорусы, украинцы и даже немцы. Так группе удалось установить контакт с капралом Олимпио Цуруна, который служил в военной комендатуре Брестского железнодорожного узла, который поставлял информацию об эшелонах, проходящих через Брест.

Параллельно с действующим лондонским правительством в СССР из числа поляков весной 1942 г. создается «Союз польских патриотов» (СПП). «Союз, – говорилось в программной декларации, – создан с целью объединения всех поляков проживающих на советских территориях без различия политических и религиозных взглядов для борьбы с Гитлеризмом». ¹⁷ СПП 6 мая 1943г. обратился с просьбой к правительству СССР о создании новой пехотной дивизии. «Уже 29 мая в ней насчитывалось более 15 000 рядовых 173 офицера 1028 подофицеров. Первым ее командиром был назначен полковник Э.Берлинг». ¹⁸

Политика оккупационных немецких властей, в отношении польских панов и осадников после оккупации Бреста была направлена первоначально на раздачу (возвращение) в личное пользование имущества, однако вскоре немецкие власти объявляют эти имущества собственностью германского государства, а их владельцев всего лишь администрацией. После этих мероприятий среди поляков начинается первое оппозиционное движение, а массовые аресты и зверства «освободителей» явились основной причиной для возникновения польской организации Армии Крайовой в Брестской области, во главе которой стоял Брониковский, полковник Понятовский, инженер Купич. К осени 1942 г. организация насчитывала уже около двух полков полностью вооруженных повстанцев. В Бресте находилось окружная польская националистическая организация, имеющая филиалы в Кобрине, Жабинке и др. местах, ее центр находился в Варшаве. Задача этой организации сводилась к готовности к борьбе по сигналу из центра как с немцами, так и Советским Союзом. «Многие члены этой организации проживающие в Бресте формально состояли на службе в немецких учреждениях. Брестская окружная националистическая организация дважды ликвидировалась немцами, первый раз осенью 1942 г. был арестован весь руководящий состав, только по Бресту за двое суток было арестовано около 700

---

¹⁵ Там же. С. 352.

¹⁶ См.: Великие тайны прошлого/ Пер. с англ. 1996. – The Reader's Digest Association, Inc. 1991. С. 196.

¹⁷ Zbiniewicz F, Armia Polska w ZSRR. Warszawa., 1963. S. 40.

¹⁸ Жилин П.А., Братство по оружию. М., 1975. С.138

человек».¹⁹ С 3 по 10 февраля 1943 г. гестапо арестовало, вторую группу участников польского подполья, в том числе и часть группы «Веер», были расстреляны начальник штаба Брестского участка Александр Кивале, бургомистр города Брониковский, ксенз Ежи Урбанович и другие, всего 24 человека. В конце февраля 1943 г. была раскрыта группа Юзефа Боруха, было арестовано всего 21 человек, 19 из которых 26 июня 1943 г. расстреляли.

Со второй половины 1943 г. вновь активизируется деятельность Армии Крайова. Во вновь прибывшую на Брестчину диверсионную группу «Кеды» вошли оставшиеся члены группы «Веер» и ряд вновь вступивших, всего около 35 человек, которыми руководил майор Ян Коваль. Значительная часть группы состояла из железнодорожников, в группе были и русские, общая численность группы была около 60 человек.

С ноября 1943 г. активизировалась диверсионная группа «Искра» в количестве около 10 человек. Осенью и зимой 1943-1944 гг. группа осуществила серию взрывов на железнодорожных станциях г. Бреста»²⁰. Другая диверсионная группа «Союз возмездия» состояла из 30 человек, руководил ей Юзеф Фляга. В связи с приближением войск Советской Армии к Польше в Брест командованием Армией Крайова был направлен капитан Немирея, для организации радиосвязи. В январе-апреле 1944 г. Гестапо нанесло ощутимый удар по организации Армии Крайовой, были арестованы и расстреляны несколько десятков человек, в том числе Евгения Енджиевская, ее дочь Мария и группа русских подпольщиков, погиб резидент Армии Крайовой Виктор Гавурский и его брат радист Генрих. 26 апреля 1944 г. немецкой разведкой был уничтожен почти весь штаб Полесского округа Армии Крайовой, который размещался в дер. Скоки в 13 км. от Бреста, а также в Бресте уничтожена вся группа «Искра».

С приближением Советской Армии к границам Польши главное управление «Смерш» докладывало, что «по показаниям арестованных польских офицеров: Милошевского К.А., Латоцкого Э.Г., Бобровницкого И.А., в этой зоне действует польская военная подпольная организация, которая готовит выступления против Красной Армии при подходе ее к границам Польши, либо в тылу, как показали арестованные со слов подпольного польского коменданта Ворокомского, поддерживающего связь с Лондоном формируются подпольные батальоны, которые должны стать в будущем ядром польской Армии».²¹ Особый интерес для понимания остроты проблемы представляют специальные сообщения Л.П. Берии И.В. Сталину об итогах операции по разоружению солдат и офицеров польской Армии Крайовой. «По данным полков и соединений III Белорусского фронта принимавших участие в операции всего разоружено 7924 солдат и офицеров Армии Крайовой».²² 9 ноября 1944 г. пишет Берия: «Докладываю, что по состоянию на 8 ноября арестовано активных участников Армии Крайовой и других подпольных организаций 1200 человек». Сообщение от 12 декабря 1944 г. «Вскрыто и ликвидировано 288 антисоветских польских и белорусских организаций».²³

На основании агентурных данных, а также изъятых документов органами

¹⁹ Архив Комитета Государственной Безопасности Республики Беларусь (Брест) Т.2. С. 438

²⁰ Кондак А.П., Памяц, Кн. 2. Минск., 1998. С.119.

²¹ Хаустов В.Н., Наумов В.П., Плотникова Н.С. Лубянка. Сталин и НКВД – НКГБ- ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946/Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. М., 2006. С.410.

²² Там же С. 443.

²³ ГАРФ Ф. 9401. Оп. 2. Д. 68. Л. 103 – 107.

НКВД было установлено, что «Польское националистическое подполье» в Западных областях Белоруссии являлось основной частью Армии Крайовой, которое получало указания от эмигрантского правительства в Лондоне через Варшавский, Виленский центр и было оставлена для подрывной работы против СССР.²⁴

Кроме активистов Армии Крайовой действовали и польские группы просоветской ориентации, так называемой Армией Людовой. До осени 1942 г. из-за отсутствия радиосвязи ЦШПД они также управлялись из Варшавы. «Одной из первых групп этой направленности была организация жителей сел Жабинковского района Брестской области, которая сотрудничала с партизанскими отрядами Шиканова и входила в состав Жабинковского антифашистского комитета, самые многочисленные группы поляков были в отрядах Чернака, им. Чапаева, в бригадах «Советская Белоруссия», им. Дзержинского, им. Ворошилова».²⁵

Левое крыло польского антифашистского сопротивления с января 1942 г. возглавляет созданная в СССР Польская рабочая партия (ПРП), лидеры М. Новодко, П. Фиднер, В. Гамулкой, вооруженным авангардом этой партии и становится Армия Людова, на оккупированных территориях Польши создается шесть округов, для активизации вооруженного сопротивления.

Интересным является тот факт, что когда осенью «1942 г. на оккупированных территориях усилилось мародерство немцев, отряды армии Людова, совместно с крестьянскими отрядами самообороны (батальоны Хлопски) и местными ячейками Армии Крайовой выступили на защиту населения».²⁶ Важным фактом в польском движении сопротивления было создание левым блоком Польской рабочей партии 1 января 1944 г. Крайовой Народной Рады, то есть демократического парламента еще оккупированной страны, в противовес лондонскому правительству. Первым председателем стал Б. Берут. «Первым законодательным актом, юридически признавалась Армией Людова, как основной вооруженная сила польского народа. В составе Армии Людова в 1944г. в 17 бригадах и 69 партизанских отрядах воевало против немцев около 12 000 чел».²⁷ На последнем этапе войны Лондонское правительство направляет своим резидентам на местах для реализации так называемый план «Буря», суть которого сводится к тому чтобы, в момент отступления немцев до прихода Советских частей, захватить власть на местах и сделать это по возможности самостоятельно. Вторая часть плана рекомендовала на основе временного сотрудничества с частями советской армии, закрепить на местах делегатуры эмигрантского лондонского правительства. Однако поставленная задача, по плану «Буря», была сорвана органами советской контрразведки.

Таким образом, из всего вышесказанного, можно констатировать, что в движении сопротивления в Брестской области в период ВОВ принимали активное участие группы как антифашистской, так и антисоветской направленности, часть которых (в основном польская по своему составу) влилась в ряды армии Крайовой и Армии Людовой. Характерно отметить, что до 22 июня 1941г. польское движение антифашистского сопротивления Армии Крайовой рассматривало СССР и Германию как общих врагов. На последнем этапе войны Армия Крайова заняла и пыталась развить национальную позицию в надежде на помощь Англии и США. Армия Людова, занимавшая изначально просоветскую позицию, явилась основой создания польской народной армии, которая вместе с советскими войсками вместе дошла до Берлина.

---

²⁴ См.: ГАРФ Ф.9401. Оп. 2. Д. 68. Л. 103 – 107.

²⁵ Жилин П.Н. Братство по оружию. М., 1975. С.110,115.

²⁶ Там же. С. 348.

²⁷ Там же. С. 127.

ЛЕОНИД ИЛЬИЧ БРЕЖНЕВ: СТИЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО РУКОВОДСТВА КАК СЕКРЕТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДОЛГОЛЕТИЯ

Современное общество и социально-историческая наука сегодня как никогда проявляет глубокий интерес к советской эпохе – времени «черных дыр» и «белых пятен», изучение которых займет немало времени. По загадочности и тайнам ее можно сравнить с эпохой Ивана Грозного – одни «почему?» «как?» и «зачем?». Многие проблемы советской политической системы остаются предметом изучения политологии. Одна из проблем – политическое долголетие: почему из семи руководителей СССР только Сталину и Брежневу удалось удержаться у власти длительное время? В чем секрет их политического долголетия?

И.В. Сталин и Л.И. Брежнев – это два совершенно разных человека, политика, политических лидера, руководителя Советского государства.

Леонид Ильич Брежнев четвертый по счету и второй, после Иосифа Виссарионовича Сталина, советский руководитель по длительности пребывания на посту главы СССР. Объединяет их одно: они оставались руководителями страны до своего смертного часа. Длительность пребывания каждого из них была обусловлена не только исторической и политической ситуацией, личностными особенностями каждого, но и стилем политического руководства.

Сталин завершил эпоху политических лидеров – «знаменосцев»-вождей в СССР первой половины XX века, для которых характерна модель политического руководства, основанная на принципах тоталитаризма: жесткий контроль, бескомпромиссность, применение репрессивных методов, единоличное руководство, претворение своей линии в решении важных государственных проблем и т.п. Время «выдвиженцев» революции в политике закончилось в октябре 1964 года, а время нового типа политических лидеров в СССР – началось с Брежнева.

Хрущев сыграл переходную роль в смене политического режима. Он проделал брешь в жесткой системе «нет». Никита Сергеевич перешел к заигрыванию – «можно, но лучше не надо», тем самым, породил у выросшей политической номенклатуры, занявшей вакантное место после уничтоженной сталинским режимом политической элиты, большое желание смягчить политический режим, суть которого, образно выражаясь, – «можно, но не всем – только избранным». Показателем этого явился XX съезд КПСС, а затем события в Новочеркасске.

С приходом Брежнева к власти произошла окончательная «либерализация» тоталитарного режима Советского государства, кардинальным образом поменялся стиль руководства страной. Однако сама политическая система оставалась неизменной вплоть до распада СССР.

Леонид Ильич не был великим «вождем всех народов», как называли в свое время И.В. Сталина, он не относился к ряду ярких политических лидеров и не был более талантлив, чем его предшественник Никита Сергеевич Хрущев. Это был типичный политический лидер-«служитель», востребованный временем и советской политической номенклатурой. В конце 50-х годов она желала утвердить за собой статус «особенных», «избранных» и создавала для себя условия, поэтому нуждалась

* Иванова Галина Аркадьевна – аспирант кафедры социологии и политологии Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова.

в слуге и проводнике ее интересов. Советская номенклатура брежневской эпохи – это привилегированный слой партийных функционеров в государстве, которое декларировало о правовом и материальном равенстве граждан, но фактически это не соответствовало действительности. В октябре 1964 года перед партийной номенклатурой возник вопрос о выборе своего лидера – им стал Л.И. Брежнев.

Почему Брежнев?

«Из всего наличного состава именно Леонид Ильич Брежнев представлялся самым очевидным кандидатом на роль первого секретаря ЦК. У него за спиной была **богатая биография**: фронтовик, первый секретарь нескольких обкомов. Первый секретарь в Казахстане, председатель президиума Верховного Совета, секретарь ЦК, занимавшийся космосом, тяжелой и военной промышленностью.

И по человеческим качествам Брежнев подходил на роль лидера больше других. Не всегда хмурый Косыгин, не тонкогубый Суслов с лицом инквизитора, не грубоватый Подгорный, а красивый, улыбчивый, доброжелательный Леонид Ильич больше располагал к себе. Он был импозантным, артистичным, умел вести себя, точно чувствовал, как надо говорить с тем или иным человеком, сразу становился центром большой компании, производил очень благоприятное впечатление».¹

Все слои советского общества, в том числе и номенклатура, хотели стабильности и улучшения жизни. Ситуация сложилась таким образом, что к середине 60-х годов востребованность такого уровня политика и лидера как Леонид Ильич была высока.

Екатерина Великая взошла на престол, опираясь на дворянство. Время ее правления в истории обозначено как «золотой век вольности дворянства». Для советской партийной номенклатуры Леонид Ильич являлся тем же, чем Екатерина Великая для дворянства. Брежнев понимал, кому он был обязан и на кого мог рассчитывать.

«...Первым секретарям в регионах давалась почти неограниченная власть, а они, со своей стороны, должны были поддерживать Генерального, славить его как... вождя... Леонид Ильич лично держал связь с первыми секретарями даже тогда, когда был тяжело болен, и ему трудно было вести разговор...»²

Укрепляя положение номенклатуры – Брежнев укреплял свое положение на вершине власти.

Многие мемуаристы характеризуют его как слабого политика и лидера, не справляющегося со своими обязанностями. Однако следовало бы воздержаться в веке XXI от такой огульной характеристики политика Брежнева, поскольку время и расстояние более объективны, чем высказывание вчерашних соратников и недоброжелателей через мемуарный жанр, поскольку их суждения носят личностный характер, а следовательно, субъективны. Любая наука придерживается объективности, то есть рассматривает проблему беспристрастно. Исходя из этого главного принципа, можно сказать, что Леонид Ильич Брежнев являлся *типичным политиком и политическим лидером второй половины XX века*, то есть политик без особых политических амбиций, словесной агрессии, неприличных высказываний в политической речи, выступающий выразителем и защитником советской идеологии и интересов Советского государства. К такому типу политических лидеров – слуге относился, например, Миттеран, Киссинджер, Рейган, Коль и другие. Он был политиком и лидером лишь только потому, что правил половиной мира, второй в мире сверхдержавой и держал власть в своих руках восемнадцать лет и двадцать шесть дней, сохраняя социальную стабильность в стране, военную и политическую мощь государства. «И

---

¹ Млечин Л. Брежнев. М., 2005. С. 39.

² Соколов Б.В. Леонид Брежнев. Золотая эпоха. М., 2004. С.193.

сколько бы немощным ни был Брежнев в последние годы жизни, он до последнего контролировал ситуацию в высшем руководстве страны, и ни одно принципиальное решение без его одобрения не могло быть принято».³

Леонид Ильич – политический руководитель огромного государства, особой политической системы, на первом этапе своего руководства мудро построил систему отношений между собой как политическим лидером и советской партийной номенклатурой, создал стабильность для обеих политических сторон, заложил гарантию доверия к себе как политическому руководителю и лидеру среди народа. У Брежнева были свои принципы в отношениях с людьми, которые прекрасно вписывались в стиль его руководства партией и страной.

Одним из основополагающих брежневских принципов: живи и давай жить другим.⁴

Кроме этого Брежнев, как уже было отмечено, к моменту избрания его первым (генеральным с 1966 года) секретарем ЦК КПСС уже был зрелым и опытным политиком, хозяйственником и руководителем советского типа.

Стиль брежневского руководства формировался в ходе накопления жизненного и трудового опыта.

Историческое время способствовало карьерному росту Леонида Ильича. Можно сказать, что он «родился вовремя и с подходящей биографией». Он, выходец из семьи потомственных рабочих, сумел, по тем временам, получить неплохое образование, имел трудовой опыт, который приобретался им в эпохальное время для страны – это время коллективизации (Брежнев работал с 1927 года по 1931 год в качестве землеустроителя после окончания Курского техникума на Урале и был непосредственным участником и рядовым исполнителем сложнейшего исторического события), индустриализации (Леонид Ильич с 1931 года работал слесарем на металлургическом заводе Днепродзержинска (тогда Каменское), учился в металлургическом институте, затем назначен директором Каменского вечернего металлургического рабфака).

Историческая турбулентность захватывала молодого Брежнева, и он не желал сопротивляться ей, поскольку обладал особенными чертами характера: познавал неизвестное, умел ладить с людьми, желал работать с ними, дорожил дружбой, одинаково уважительно относился к труду крестьянина и рабочего.

Путь к вершине власти длиною в 33 года у Леонида Ильича начался с вступления в члены ВКП(б) 24 октября 1931 года. Необходимо отметить, что его карьерный рост был обусловлен несколькими причинами, некоторые из них – это членство в партии и «великая чистка» 1937-1938 годов, когда в горкомах, исполкомах и обкомах открывались вакансии, а также послевоенная нужда в опытных кадрах для восстановления народного хозяйства.

30 августа 1946 года Брежнева (сразу же после мобилизации в 1946 году из Красной Армии) избрали первым секретарем Запорожского обкома партии. Он сам вспоминал: «Центральный Комитет партии направил меня в эту область в сложный момент».⁵ Необходимо было провести организацию по форсированному восстановлению «Запорожстали» и «Днепрогэса» и других заводов. С поставленной перед ним как первым секретарем обкома задачей по восстановлению народного хозяйства отлично справился. Секрет успешного выполнения заключался, по словам Брежнева, в следующем: «С первых дней мы добивались бережного отношения

---

³ Соколов Б.В. Леонид Брежнев. Золотая эпоха. М., 2004. С.2

⁴ Млечин Л. Брежнев. М., 2005. С.139.

⁵ Брежнев Л.И. Возрождение. М., 1979. С.5

к кадрам, дорожили обстановкой партийной доброжелательности, которая уже установилась в нашей организации. Я вообще никогда не был сторонником грубого, крикливого или, как его еще называют, «волевого», метода руководства. Если человек напуган, он ответственности на себя не возьмет. А нам надо было не сковывать, а, напротив, поддерживать самую широкую инициативу. В тех напряженных условиях без новаторства, без активных поисков мы ничего бы не добились. Впрочем, в спокойных условиях и вовсе шуметь ни к чему». ⁶

Метод руководства без крайностей и шарахания из стороны в сторону, создание спокойных условий будет характерен для всего периода правления Брежнева, что, пожалуй, не было характерным для предыдущих правителей Советского государства, в чем остро нуждались и партийная номенклатура, и народ, уставший от страха сталинских репрессий и хрущевской непредсказуемости.

В ноябре 1947 года решением ЦК ВКП(б) Леонид Брежнев был направлен первым секретарем обкома партии в Днепропетровскую область – край, где родился и вырос с той же задачей: восстановление народного хозяйства.

По прибытии на место Брежнев «застал очередной этап восстановления: заводы уже начали давать продукцию... Теперь следовало подтянуть жилищное строительство, культуру, быт». ⁷

Для выполнения поставленной задачи ЦК ВКП(б) и Днепропетровский обком партии большое внимание уделял подбору, расстановке и воспитанию кадров. «Вопрос о руководстве – это вопрос о кадрах» – вот принцип, которым мы руководствовались, налаживая работу. Бюро обкома часто обсуждало политические и деловые качества коммунистов, выдвигаемых на руководящие посты, требовало смелее выдвигать энергичных, способных людей, и в целом, как показало время, мы в них не ошиблись». ⁸

Пребывая в качестве первого (генерального) секретаря ЦК КПСС СССР, Брежнев будет придерживаться этого главного сталинского принципа – «Вопрос о руководстве – это вопрос о кадрах», что также даст ему возможность укрепить свои позиции во власти.

В «Возрождении» отражены его восприятие и взаимоотношения с людьми: «Я понял, что не следует пытаться переделать их на свой лад. Ничего хорошего из этого, как правило, не выходит. Партийный руководитель должен принимать товарищей по работе такими, каковы они есть. Знать обязательно их слабости, но видеть и направлять на пользу дела сильные стороны». ⁹

Леонид Ильич не был конфликтным человеком, что отразилось и в его профессиональной деятельности в роли советского партийного руководителя, главы государства. Он хорошо разбирался в людях, видимо больше, чем сами люди в себе с которыми ему пришлось работать.

Бесконфликтность и умение разбираться в людях, направлять на пользу дела их сильные стороны (а может и слабые?) сыграли важную роль в политической карьере и долголетнем пребывании Леонида Ильича на посту Генерального секретаря ЦК КПСС и руководителя государства.

Историк, писатель, общественный деятель Сергей Семанов пишет, что общительность и простота общения Брежнева были положительными качествами, которые хороши для любого руководителя. Хрущев кричал и матерился, не терпел чужих

---

⁶ Там же. С.26.

⁷ Брежнев Л.И. возрождение. М., 1979. С.46-47.

⁸ Там же. С. 45.

⁹ Там же. С. 51.

мнений и тем более возражений. На фоне Никиты Сергеевича для всего партийного аппарата Леонид Ильич выглядел в высшей степени благоприятно, что сразу было замечено и оценено окружающими.¹⁰

Другой историк, Борис Соколов, также дает положительную характеристику отношений между Леонидом Брежневым и номенклатурой: «Номенклатура была благодарна Брежневу за то, что он впервые, после Сталина и Хрущева, обеспечил ей стабильное и более-менее предсказуемое существование. Леонид Ильич, со своей стороны, прилагал все усилия к тому, чтобы обеспечить собственную безраздельную власть в Политбюро и в стране в целом, но при этом не применять репрессий, не наживать смертельных врагов, по возможности не обижать и решать все дела миром».¹¹

Брежнев по характеру был миротворцем. Эта основа его характера проявлялась и в стиле руководства на всех уровнях, в том числе и в руководстве ЦК КПСС, и государством, и во внешней политике.

Однако если Леонид Ильич охотно демонстрировал готовность идти на компромиссы по вопросам, не носившим принципиального характера, то когда дело касалось чего-то важного, например решение кадровых вопросов, то он всегда умел провести свою линию. Сергей Семанов пишет, что когда Брежнев был заинтересован в каком-то человеке, он ставил свою подпись первым и добивался своего, следуя твердо сталинской формуле: кадры решают все, постепенно, тихо.¹²

У каждого политика есть свой особенный, фирменный политический прием. Был он и у Брежнева.

«В важнейших министерствах и ведомствах он ставил министром человека, которому доверял, часто — из своих давних друзей, а заместителем — столь же преданного себе человека, но призванного надзирать за первым лицом в министерстве. Это правило действовало в первую очередь в силовых министерствах и в министерствах, связанных со средствами массовой информации».¹³

Как видно, умудренный жизненным опытом Леонид Ильич следовал поговорке: «Доверяй, но проверяй», — и «знал, что предадут только свои».¹⁴

Брежнев понимал, что стабильность его положения как главы государства зависит от силовых министерств и тех людей, которые возглавляют их, а также и от настроения внутри партийного аппарата. Силовые министерства возглавлялись, не без усилий Леонида Ильича, его давними соратниками. Так, друг по партийной работе и фронту генерал Константин Сергеевич Грушевой был бессменным членом Военного совета Московского военного округа. Министром МВД — соратник по Днепропетровску Николай Анисимович Щелоков, а заместителем министра — его зять Юрий Чурбанов. Таким образом, никакой переворот без участия этих силовых ведомств не мог произойти. Настроения внутри партийного аппарата жестко контролировались через КГБ, во главе которого стоял с 1967 года верный соратник Леонида Ильича Юрий Владимирович Андропов. Брежневская система «сдержек и противовесов», когда и заместители министров, и сами министры ему, Брежневу, лично преданы, но друг с другом соперничают, при этом и те, и другие осведомляют генсека о действиях оппонентов — гарантировала полный контроль и политическую стабильность».¹⁵

Леонид Ильич не только умел блестяще подбирать надежные кадры, окру-

¹⁰ Семанов С. Леонид Брежнев. М., 2005. С 144.

¹¹ Соколов Б.В. Леонид Брежнев. Золотая эпоха. М., 2004. С. 168.

¹² Семанов С. Леонид Брежнев. М., 2005. С. 144.

¹³ Соколов Б.В. Леонид Брежнев. Золотая эпоха. М., 2004. С.168.

¹⁴ Там же. С. 170.

¹⁵ Там же. С. 178.

жить себя верными соратниками, но и прекрасно умел с кадрами разговаривать. По мнению Бориса Соколова, Брежнев был хорошим переговорщиком, владел искусством ведения переговоров. Он говорит о том, что это признавали западные лидеры, имевшие с ним дело, в том числе президент США Ричард Никсон и федеральный канцлер ФРГ Вилли Брандт.

В период своего правления Брежнев разрешил две проблемы, которые были порождены временем правления Хрущева и лично Никитой Сергеевичем, который делал заявления прежде, чем думал о последствиях этих заявлений.

Первая проблема связана с разоблачением культа личности Сталина на 20 съезде КПСС. Советское общество после съезда разделилось на сторонников Сталина, и противников. Такое разделение прослеживалось и в верхах — партийном аппарате Советского государства, и в самом социалистическом лагере. Смерть Сталина, а затем осуждение его культа — послужило началом антисоветского «брожения» в Восточной Европе, вылившееся в известные события в Венгрии и Чехословакии. Другая реакция на критику культа личности Сталина: против критики резко выступили коммунисты Китая, что в результате привело к идейным разногласиям и не только. Вопрос о личности И. В. Сталина вышел на поверхность уже весной 1965 года в связи с подготовкой доклада Первого секретаря ЦК к 20-летию Победы в Великой Отечественной войне. Антисталинская направленность Хрущева, по утверждению Семанова, была Брежневу не по душе, но и представленный первоначальный «шеллепинский» вариант доклада, который реабилитировал бы Сталина, он не принял. Тогда Леонид Ильич принял решение близкое к мнению Андропова, который предложил вообще не упоминать имя Сталина. Брежнев принял «золотую середину» — в праздничном докладе имя Сталина «упоминалось лишь один раз в совершенно вроде бы нейтральном виде: некоторую, мол, роль в достижении Победы сыграл Председатель Государственного комитета обороны Иосиф Виссарионович Сталин».¹⁶

Таким образом, высокое напряжение между сталинистами и антисталинистами было снято. Личность Сталина уже не осуждалась, но и полной реабилитации не получила.

Вторая проблема: Н.С. Хрущев заявил, что к 1980-му году советское общество построит коммунизм.

Брежнев «до конца жизни оставался правоверным коммунистом — не теоретиком, а убежденным, истово верующим в «светлое будущее».¹⁷ Однако он был политиком-практиком, а значит реалистом, и понимал, что до коммунизма советскому обществу далеко. С другой стороны: приверженец идеи коммунизма Леонид Ильич понимал, что подвергнуть критике саму идею построения коммунизма — это разрушить идеологическую основу советской политической системы, служителем которой он являлся. Брежнев не был стратегом в политике, но был великим тактиком. Тактический шаг был сделан: «Брежневские спичрайтеры и помощники придумали понятие «развитой социализм». Такой социализм был хорош тем, что его можно было бесконечно совершенствовать».¹⁸

Леонида Брежнева как хранителя и служителя советской политической системы эта концепция развитого социализма устраивала. Она позволяла не менять ничего существенного ни в политике, ни в экономике.

К 1970-м годам Леонид Ильич полностью укрепил свои позиции во власти. «Брежнев был хитрым, упорным и последовательным в достижении своих целей, не торопился, не спешил. Скрывал свои взгляды и намерения. Без шума, не привле-

---

¹⁶ Семанов С. Леонид Брежнев. М., 2005. С.137.

¹⁷ Брежнев. Л. И. Воспоминания./ А.Ю. Брежнев. Слово о деде. —М., 2005. С.7.

¹⁸ Соколов Б.В. Леонид Брежнев. Золотая эпоха. М.,2004. С.182.

кая внимания, избавлялся от тех, кто ему не нравился или кого считал опасным».¹⁹ Политические оппоненты – Шелепин, Шелест, Егорычев, Косыгин и другие были постепенно и тихо низвергнуты с политического олимпа. В эти же годы вслух Брежнева никто и никогда уже больше не критиковал, вся власть сосредоточилась в его руках, но важные вопросы он все же решал коллегиально, как и прежде. Сначала «важные вопросы Брежнев решал в узком кругу приближенных к нему членов Политбюро, а затем полный состав высшего партийного органа послушно штамповал подготовленные на этих кулуарных совещаниях предложения».²⁰ Как видно, коллегиальность имела некую особенность, но все же единолично принятых решений Леонид Ильич не допускал. Таков был стиль его руководства.

Существует общее мнение, с которым нельзя не согласиться: время правления Брежнева было временем консолидации всей партийной власти, что являлось личной заслугой Леонида Ильича как политика и политического лидера. Это позволило в последние годы правления ему как лидеру не предпринимать никаких особых усилий для поддержания политической стабильности.

Конечно, у Брежнева – политика и главы государства, были свои просчеты и ошибки, но речь в этой статье не об этом, а о его стиле руководства как секрете политического долголетия.

Леонид Ильич Брежнев взошел на вершину власти и стал руководителем Советского государства на пятьдесят восьмом году жизни и оставался им на протяжении 18 лет и 26 дней. Личность Брежнева и его деятельность в нашем обществе и истории государства воспринимаются неоднозначно, но сторонники различных подходов не могут отрицать, что он, **по стилю руководства партией и государством не был похож ни на одного из семи руководителей СССР.**

Леонид Ильич знал и любил жизнь, поэтому не стремился разрушить созданное историей, жизнью советского народа. Он умел разбираться в людях, направлял на пользу дела их сильные и слабые стороны, был предусмотрительным, осторожным в решении государственных задач, умел слушать и прислушиваться к другим, обходить острые углы в отношениях с оппонентами, следовал принципу: живи и давай жить другим; игнорировал конфликты и крайности, верил в то, чему служил, умел консолидировать, сплачивать вокруг себя сторонников, без крайних методов отдалял от себя претендентов на высшую власть, которой обладал, владел искусством ведения разговора – все это, в основном, и составляло брежневский стиль политического руководства, который являлся секретом его политического долголетия.

---

¹⁹ Млечин Л. Брежнев. М., 2005. С.159.

²⁰ Соколов Б.В. Леонид Брежнев. Золотая эпоха. М.,2004. С.189

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ СЕМЬИ ТОТЛЕБЕНОВ

Суровые испытания, выпавшие на долю нашей Родины в первые десятилетия XX века, самым непосредственным образом отразились на судьбах служилой элиты России – российского дворянства. Лучшие сыны отечества – видные представители благородного сословия полегли на полях сражений в годы Первой мировой и Гражданской войн, стали жертвами революционных потрясений и красного террора. Лишь немногим удалось избежать трагической участи. Вынужденная иммиграция разбросала по свету потомков тех, кто на протяжении столетий верой и правдой служил своей Отчизне. Спасаясь от угрозы большевизма, они забирали с собой самое ценное и значимое – память о великой Российской державе и ее вековых культурных традициях.

Сегодня, в начале XXI века, Россия возвращается к своим корням. Все чаще обращаемся мы к духовному наследию наших предков. Особый интерес в этой связи представляют бережно сохраненные в среде русской иммиграции бесценные реликвии национальной истории и культуры. Важнейшее место среди них по праву занимают семейные архивы известных дворянских семей России. Одному из подобных фамильных собраний и посвящена эта статья. Архив, о котором пойдет речь, принадлежал представителям дворянского рода Тотлебен. Он был обнаружен в 1995 г в одном из секэн-хэндс Стокгольма. В Швеции существует добрая традиция, согласно которой после смерти людей, не оставивших наследников, их имущество отдается в секэн-хэнд для продажи, а вырученные средства используются на социальные цели. По-видимому, именно так обстояло дело и с семейным архивом Тотлебен. По счастливому стечению обстоятельств собрание удалось выкупить за символическую сумму и беспрепятственно вывезти в Россию.

Русские Тотлебены ведут свои корни из германской области Тюрингии. По неизвестным причинам представители этой семьи в XVIII веке покинули пределы Германии. Одни из них избрали своим местом жительства Прибалтийские губернии и занялись коммерческими предприятиями. Здесь немецкое правописание фамилии изменилось с Tottleben на Todleben или Todtleben на русском языке удерживалось правильное правописание Тотлебен.¹ Другие Тотлебены обосновались в Царстве Польском.

Особого внимания заслуживает судьба первого представителя этого рода в России, камергера саксонского двора Готлиба-Курта-Генрнха-Тотлебена (1710-1773 гг.). В 1745 г. он был возведен в графское достоинство, вскоре после чего перешел на службу в Нидерланды (1747 г.). Во время Семилетней войны Готтлиб-Курт-Генрих-Тотлебен в чине генерал-майора был принят на русскую службу и прославился при взятии Берлина, а позднее в ходе Кавказской кампании отличился при переходе Кавказского хребта. В царствование Екатерины II по политическим причинам Тотлебен был предан суду, лишен всех чинов и знаков отличия и сослан в Сибирь. В 1768 году гнев властей сменился на милость, и граф был прощен. Со смертью Готлиба-Курта-Генриха, не оставившего наследников, эта линия Тотлебен пресеклась. Возобновление службы Тотлебен в России связано с историей прибалтийской линии этой семьи. Самым известным ее представителем является знаменитый военный инже-

* Алексеев Денис Александрович – аспирант кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета

¹ См.: Шильдер Н.К. Граф Э. И. Тотлебен, его жизнь и деятельность. СПб., 1885-1886. Т.1. С.14.

нер Эдуард Иванович Тотлебен (1818-1884 гг.). В 1848 году он принял участие в военной экспедиции на Кавказ. Проявил себя в ходе штурма укреплений при Калафате и Араб-Табия. Граф Тотлебен стал одним из организаторов обороны Севастополя. В 1859 году Эдуард Иванович был назначен директором Инженерного департамента, а в 1863 г. товарищем Генерал-инженера по инженерной части. В период с 1863-1877 гг. занимался укреплением Свеаборга, Динабурга, Выборга, устьев Невы и Западной Двины. Тотлебен сыграл важную роль в становлении инженерных войск России; вооружал крепости нарезным оружием; работал над реорганизацией русских войск соответственно новейшим требованиям; усилил Керчь, Оганов, Одессу, Плевну; укреплял Кронштадт, Николаев; способствовал организации инженерного дела во Франции и Германии. Эдуард Иванович Тотлебен был награжден орденами святого Георгия и Андрея Первозванного. Им созданы содержательные научные работы: «О вооружении приморских крепостей»; «Описание обороны Севастополя»; «Заметки к проектам вооружения сухопутных крепостей». В Семейном архиве Тотлебенов обнаружены дневниковые записи Эдуарда Ивановича, относящиеся к периоду героической обороны Севастополя. На страницах этих документов представлены подробные чертежи фортификационных сооружений, план подвоза боеприпасов и другие важные сведения организации обороны осажденного города.

- 1) Памятная книга (1885г).
- 2) Тулон устройство доков.
- 3) Санкт-Петербург 20 февраля.

Кроме того, в самом архиве сохранились документы на имение семьи Тотлебенов и их экономической отчетности:

- 1) Коштное Межевание Имения Кейдан Генерал-Адъютанта Графа Тотлебина.
- 2) План дома графа Тотлебена в городе Севастополь.
- 3) Кутая крепости и другие документы на владение Генерал-адъютанта графа Тотлебена имением Кейданы в Ковенской губернии(1870года) Ковенского уезда.
- 4) Feldbuch

Среди всего многообразия документальных материалов архива особенно выделяются воспоминания и дневники сына Эдуарда Ивановича Лейб-гвардии Саперного батальона флигель-адъютанта полковника графа Николая Тотлебена:

- 1) Дневник 1918года.
- 2) Дневник с 14 октября 1917 по 9 января 1918 года.
- 3) Дневник от 15 декабря 1914 по 25 марта 1915 года.
- 4) Дневник 1914 года с 9 октября по 5 ноября.
- 5) Дневник 1914 года с 6 ноября по 14 декабря.
- 6) Дневник 1914 с 16 июня по 8 Октября.
- 7) Воспоминания с 8 июня 1917 до 13 октября 1917 года.
- 8) Воспоминания с 17 декабря 1916 до 7 июня 1917 года.
- 9) Воспоминания флигель-адъютанта графа Николая Эдуардовича Тотлебина
- 10) Фотоальбом полка флигель-адъютанта полковника графа Николая Эдуардовича.
- 11) Воспоминания флигель-адъютанта.Послужной список, фотографии.

Николай Тотлебен был искренним и ревностным патриотом Отчества, достойный продолжатель дела отца Николай также избрал путь военного инженера и дослужился до чина Флигель-адъютанта Полковника Лейб-гвардии Саперного батальона. Дневники Лейб-гвардии Саперного батальона Флигель-адъютанта полковника графа Тотлебена освещают период с 1914 по 1918 года. Дневники интерес-

ны как непосредственное восприятие трагических событий Первой мировой войны, реалистичностью событий, объективным взглядом участника прямых боевых действий: мнение полностью свободно от идейных взглядов, тенденциозных подоплек - это представительные взгляды древней военной династии.

Первая книга дневников посвящена – начальному этапу Первой мировой войны – одной из наиболее трагических и героических страниц нашей истории. Эта кампания была чудовишна по своим масштабам и способам ее ведения. Россия потеряла в ней сотни тысяч человек и затопленную в крови бушующую революционную страну. Гордостью и опорой нашего государства всегда являлась армия!

Такие слова как «честь мундира» и «слово «офицера» являлись заповедями для наших солдат и офицеров. Славные воины Русской Армии участвовавшие в Первой мировой войне верой и правдой служили своему Отечеству, своей стране и положили на алтарь победы свои жизни. Это были истинные патриоты способные на все ради своей Родины и Отчизны. О судьбе одного из таких людей пойдет речь.

Флигель-адъютант Лейб-гвардии Саперного батальона полковник граф Николай Эдуардович Тотлебен был человеком честным, всей душой и сердцем предан России. Тотлебен являлся приближенным к военному штабу Русской армии и одним из первых узнал об объявлении всеобщей мобилизации на нашей территории. Эта новость произвела на него весьма удручающее и грустное впечатление. Вот что писал Николай Эдуардович по поводу отъезда из семейного имения и прощание с родными, любимыми людьми: «Тяжело было оставить все собранное там семейные воспоминания, не зная, в каком виде, потом найдешь и увидишь ли вообще когда-либо свое гнездо!»² Но долг превыше всего!» Несмотря на тяжелые душевные переживания граф Тотлебен был полон решимости и боевитости: «На нашу же долю выпало счастье принять от старых сапер благословение батальону. Постараемся же доказать, что мы проникнуты заветами наших предков и поддержим старую славу батальона».³ Николай Эдуардович приступил к подготовке батальона к выступлению на театр военных действий.

Мобилизация России шла неравномерно и скомкано, поэтому в некоторых подразделениях наблюдался откровенный беспорядок и нехватка профессиональных кадров. Поэтому в батальоне Тотлебена не хватало сапер и пехотинцев. Однако в целом все шло по общему плану подготовки воинских подразделений.

По окончании мобилизации батальон Николая Эдуардовича был направлен в Варшаву для присоединения к своему Гвардейскому корпусу. Обращает внимание то, как Тотлебен описывает отношения поляков к русским: «Польское население к нам относиться очень дружелюбно. Народ сопровождал батальон из окон и балконов нам кидали цветы, публика раздавала папиросы и деньги. Подобное трогательное отношение произвело на всех нас самое отрадное впечатление».⁴ Хотя в большинстве источников утверждается, что поляки негативно относились к русским, можно предположить, что угроза порабощения Польши Австрией осознавалось в польском обществе как большее зло, нежели неполноценная автономия в составе Российской Империи. Одним из подтверждений данной версии являются приведенные в дневнике Тотлебена рассказы о зверствах австрийцев по отношению к местному населению: «Местные жители с ужасом говорили о зверствах, учиненных отступающими австрийцами; хозяин избы, в которой я остановился ранен пятью пулями и двумя штыковыми ударами за то, что вышел в поле убирать рожь! В лесу был убит

---

² Личный архив автора статьи. Подлинники дневника графа Н.Э Тотлебена. Л. 2.

³ Там же. Л. 4.

⁴ Там же. Л. 9.

90 летний старец!»⁵ При этом Тотлебена нельзя упрекнуть в тенденциозности, использовании двойных стандартов. Безобразие русских казаков тоже не остались незамеченными: «За эти дни я насмотрелся на разгромы имений и городов, которые производили казаки. Наши войска распространяют всюду воззвания Верховного Главнокомандующего к полякам, а рядом с этим население видит разгромы! Удивительно, как начальство не принимает меры против этого безобразия, нарушающего высочайшую волю».⁶ Николай Эдуардович четко видел просчеты командования и предчувствовал поражение, и это нашло отражение в его дневнике: «В общем, плане компания меня поражает, что промежуток между обоими театрами военных действий то есть запад, и северо-запад Царства Польского остался совершенно открытым. Германская армия может свободно ударить в этот промежуток и заставить нас очистить или Восточную Пруссию или часть Галиции! Тыл совершенно не организован и не видно даже чтобы кто-нибудь об этом заботился. Мы двигаемся вперед, не имея тыла не достаточно надежных переправ ни дорог. Подвоз боеприпасов совершенно отсутствует. Дай Бог, чтобы при таких условиях этот поход на авось не кончился катастрофой».⁷ Тотлебен отмечал, что помимо внешней организации напроочь отсутствовало тыловое и информационное снабжение, а это для армии равносильно гибели: «Интенданство даже под Варшавой плохо нас снабжает продовольствием и фуражом. Интенданство нам ничего не доставляет, мы по несколько дней без хлеба и сена, овса совсем не получаем. Сапоги у солдат пришли в полную негодность — спрашивается, что будет дальше?».⁸ Николай Эдуардович Тотлебен также выделяет беспорядок и в сфере медицинской-снабженческой: «Стон раненых стоит на все помещение, но чтобы вывести их не хватает поездов. Жалкое впечатление производит также не организация тыла, то есть убитых не хоронят, винтовки и патроны валяются в громадном количестве и никто их не убирает».⁹

Особое внимание Тотлебен уделяет в своем дневнике порядку согласования действий командования с военными частями: «Секретностью вообще, кажется, начали через чур увлекаться. Опытом дознано и в уставе значиться, что каждый солдат должен понимать свой маневр, а у нас скрывают цель даже от высших военных начальствующих лиц. 17 августа оказалось, что наше выступление откладывается ввиду задержки по перевозке войск по железной дороге. Подобные перемены мне не нравятся, так как доказывают не планомерность наших действий!».¹⁰

Автор дневника с глубокой обеспокоенностью размышляет об ошибках командования и их тактических просчетах. Один из них непонятный снос укреплений под Варшавой: «Еще два года назад я возмущался решением нашего Генерального штаба уничтожить крепость Варшаву, не заменив ее другими крепостями. Варшава действительно слишком большой город для крепости и форта слишком мало удалены от города, но следовало раньше соорудить крепости защищающие Варшаву, а затем уничтожать форты. Пять лет тому назад в Варшавских фортах строили из бетона канониры, потерты и пороховые погреба, а за последние два года сами же и взрывали; последние взрывы проводились еще 2 июля 1914 г. Когда решался вопрос об уничтожении крепости Варшавы, никакие возражения инженеров не имели места, а теперь вовремя поручают нам саперам возвратить фортам некоторую оборонос-

⁵ Там же. Л. 26-27.

⁶ Там же. Л. 38.

⁷ Там же. Л. 34-35.

⁸ Там же. Л. 17,38.

⁹ Там же. Л. 26.

¹⁰ Там же. Л. 7.

пособность!». ¹¹

На фоне критических оценок организации этой компании и негодующего описания грубых промахов военного руководства Тотлебен искренне выделяет героизм и мужество солдат: «Благодаря удивительной стойкости и мужеству наших войск, сокрушило упорство противника и обратило его в беспорядочное бегство из пределов России». ¹²

Неподдельной печалью наполнен рассказ о гибели генерала Самсонова: «14 Августа получено печальное известие о гибели командующего 2 армией генерала Самсонова и части его штаба во время наступления превосходящих германских сил на два корпуса этой армии, причем пришлось отступить. От Енисейского полка осталось всего 2 офицера, 26 нижних чинов и знамя! На войне всегда бывают частные неудачи не надо падать духом но видно начальство не предусмотрело случайностей». ¹³ Личные переживания автора дневника дают возможность отчетливо понять весь драматизм сложившейся ситуации. Тотлебен тоскует по родным ему людям: «Очень тяжело со дня отъезда из Петербурга быть без известий от семьи!» ¹⁴; он жалуется на бытовые условия: «Ночевать пришлось в избе с невероятным количеством насекомых, которые совершенно не давали мне спать». ¹⁵ Но при этом он остается человеком долга.

Испытываемые Тотлебеном чувства помогают нам полнее ощутить эпоху, позволяют заглянуть во внутренний мир человека оказавшегося в экстремальных условиях войны. Перед нами отнюдь не абстрактный образ русского офицера, а реальный человек с его сокровенными мыслями и искренними переживаниями.

В заключении первого дневника граф Тотлебен писал: «Я узнал, что германцем, наступавшем на Варшаву, нанесен серьезный удар. От реки Пилицы до Сандомира противник держится, но наши войска владеют левым берегом Вислы. Дай нам бог что бы под Варшавой у нас был успех – это сражение которое даст поворот всей компании. Вот на такие проделки наш противник не способен и в этом наша сила! Наши войска в эту войну показали страшную мобильность при полном отсутствии тыла то есть без путей сообщений, без продовольствия и при невероятных климатических условиях!» ¹⁶ Эти слова верного сына Отечества исполнены гордости за русских солдат, проявивших на полях боевых баталий Первой мировой войны подлинные чувства храбрости, героизма и самопожертвования.

---

¹¹ Там же. Л. 11-12.

¹² Там же. Л. 32.

¹³ Там же. Л. 19.

¹⁴ Там же. Л. 14.

¹⁵ Там же. Л. 58.

¹⁶ Там же. Л. 56-56.

**«ЗАПИСКИ» К. Н. ГОЛИЦЫНА КАК ИСТОЧНИК
ПО ГЕНЕАЛОГИИ И ПРОСОПОГРАФИИ**

История дворянского сословия в России после 1917 года насчитывает немало пробелов, требующих заполнения. Эту функцию отчасти выполняет специальная генеалогическая литература — родословные росписи, количество которых постоянно увеличивается. Не умаляя важности подобных работ, нельзя не отметить, что росписи, по сути своей являя реестр умерших и ныне живущих членов той или иной фамилии, не могут дать объемный портрет отдельного взятого человека, а предоставляют лишь скудные «выходные данные» — родился в таком-то году, женился тогда-то, умер там-то. Лишь наиболее известные представители рода удостоиваются более развернутой характеристики, включающей перечень достижений на военном, политическом, научном или артистическом поприщах. Нужно помнить, что для написания коллективной биографии любой социальной группы, в частности, дворянского рода, необходимы не только данные росписей, но и свидетельства очевидцев — ее представителей. Поэтому для генеалогии и родственных дисциплин — просопографии, социальной истории, значение мемуарной литературы чрезвычайно велико. Обратимся к конкретному примеру — запискам князя К. Н. Голицына.

Кирилл Николаевич Голицын (1903-1990) — представитель третьей ветви княжеского рода Голицыных, условно именуемой «Алексеевичи», а точнее — четвертой линии третьей ветви.¹ В отличие от многих своих родственников и «товарищей по несчастью» из других знатных семейств, родители Кирилла Николаевича — Николай Владимирович Голицын и Мария Дмитриевна Голицына (в девичестве Свербева) после Октябрьской революции 1917 года остались в России. Отчасти это было связано с надеждами на временный характер нового режима, которые в то момент времени разделяла значительная часть благородного сословия, отчасти — с тем, что родители юного князя всегда держались на расстоянии от текущей политики. Князь Николай Владимирович был крупным историком-архивистом, незадолго до революции занял должность директора Главного архива (архив Министерства иностранных дел); Мария Дмитриевна некоторое время состояла фрейлиной при императрице Александре Федоровне, в основном же занимаясь стандартными для «хранительницы очага» домашними делами и воспитанием детей². Оставшись в России, семья Голицыных, наряду с остальными своими соотечественниками претерпевала тяготы и лишения, связанные с первыми годами и десятилетиями советской власти: разруха, «военный коммунизм», репрессии.

Все эти обстоятельства нашли подробное отражение в «Записках», писавшихся Кириллом Николаевичем уже в преклонном возрасте, в 1970-80-х годах. Книга не является полноценным жизнеописанием, поскольку затрагивает только первую половину жизни Голицына — с пяти-шестилетнего возраста до 1951 года. К тому же автор достаточно лаконично описывает детали собственной жизни и трудовой деятельности, в основном концентрируясь на портретах людей, с которыми Голицыну довелось общаться, дружить, сосуществовать. Как пишет Кирилл Николаевич, «Грустная арифметика — подсчитывать, скольких нет уже из числа родных, друзей,

* Севостьянов Сергей Александрович — аспирант кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета

¹ Дворянские роды Российской империи. Т. 2. СПб., 1995. С. 56.

² Записки князя Кирилла Николаевича Голицына. М., 1997. С. 28, 35.

добрых знакомых и вообще людей, встретившихся на жизненном пути. Их много! И они будут преданы забвению, если кто-нибудь из нас, оставшихся еще в живых, не напомним о них, воздавая должное их высоким нравственным качествам, их благородству, их деятельной, бескорыстной любви. Я сочту свою задачу выполненной, если читающие эти строки смогут воссоздать живой образ ушедших».³ Тем не менее, великолепная память К.Н. Голицына, не обходящая стороной мельчайшие детали, делает его «Записки» ценнейшим документом эпохи, особенно если учесть, что источники по истории русского дворянства тех лет исходят, в основном, из «русского зарубежья», эмигрантских фондов. Сородичами Голицына, оставшимися на родине, было написано по этому поводу не так много (хотя можно вспомнить, к примеру, двоюродного брата Кирилла Николаевича, инженера, геодезиста и детского писателя Сергея Михайловича Голицына и его «Записки уцелевшего»⁴).

Первые несколько глав воспоминаний Кирилла Николаевича — «Семья», «Сенатор», «Первые годы», «Шипово» — охватывают детство и отрочество автора. Затем Голицын коротко описывает раннюю послереволюционную пору, связанные с ней материальные затруднения «бывших», лишенных собственности, и начало НЭПа. Далее — репрессии в отношении их семьи, трехлетний срок для отца и собственная тюремно-лагерная эпопея: годы, проведенные в Бутырской тюрьме (1924-1929) и второй, уже десятилетний срок (1941-1951), большая часть которого пришлась на Саратовский исправительно-трудовой лагерь, а последние два года — на «шарашку» в подмосковном Болшево. Освобождением из мест заключения собственно «Записки» и заканчиваются. В приложении — письма Голицына к архитектору и искусствоведу Л.В. Тьдману, заметки к одной из глав, краткая автобиография, и статья сына автора, князя Андрея Кирилловича Голицына, посвященная отцу.

Наиболее интересной в плане наличия генеалогической информации является первая глава «Записок», «Семья», в которой Голицын выстраивает фамильное древо, начиная с прадеда — Михаила Федоровича. Автор не претендует на научность своих изысканий: «Наличие специальной генеалогической литературы освобождает меня от скучной необходимости говорить об истоках рода Голицыных и начинать с далеких пращуров. Ограничусь лишь беглым взглядом на родословную роспись нашей линии рода, взглядом, который легко обнаружит простоту «рисунка» этой росписи, делающую его похожим на ствол дерева, лишенного ветвей, но имеющего пышную крону».⁵ Тем не менее, отмеченные выше мнемонические навыки Голицына позволяют ему не только вспомнить, но и вкратце охарактеризовать практически каждого члена своего семейства, включая четырех сыновей прадеда, четырех сыновей деда, кузенов и кузин. Это не упоминание «к слову», а очерк, призванный дать читателю представление об окружении, социальном контексте, в котором рос автор. Рассказ о некоторых родственниках, особо запомнившихся Голицыну, не ограничивается лаконичной биографической справкой — так, дяде его матери Александру Дмитриевичу Свербееву посвящена целая глава — «Сенатор». Разумеется, это относится и к родителям автора, жизнь, трудовая деятельность и личностные качества которых описываются самым подробным образом. «Семья» и последующие две-три главы также позволяют читателю получить информацию о родственных и свойственных связях Голицыных его линии с другими фамилиями, в числе которых — Свербеевы, Деляновы, Сухотины, Бобринские, Мамонтовы, Новосильцовы, князья Голицыны четвертой ветви («Михайловичи»), сложившихся посредством брачных союзов

---

³ Там же. С.16.

⁴ Голицын С.М. Записки уцелевшего. М., 1990.

⁵ Записки князя Кирилла Николаевича Голицына. С. 17.

близких и дальних родственников Кирилла Николаевича.

Приводимые Голицыным данные о его семье, несмотря на скромные, на первый взгляд, объем и место в общей структуре текста, чрезвычайно важны. Это связано, во-первых, с характером изложения, позволяющим получить достаточно цельное представление о том или ином родственнике автора, во-вторых, с эксклюзивностью некоторой информации. На данный момент наиболее подробная роспись рода Голицыных представлена в книге Н.Н. Голицына «Род князей Голицыных», опубликованной в 1892 году. В книге фигурируют в общей сложности 1200 представителей рода, подробно расписано каждое колено каждой из четырех ветвей, две из которых угасли (старшие – «Васильевичи» и «Ивановичи»), а две существуют («Алексеевичи» и «Михайловичи»). Однако роспись, представленная в этом монументальном труде, заканчивается 70-80 годами XIX века (последний из упомянутых в ней Голицыных – князь Владимир Владимирович из третьей ветви; его год рождения – 1887)⁶. Современные работы на эту тему предоставляют более актуальную информацию, но, в то же время, носят фрагментарный характер (например, роспись четвертой линии Голицыных, сделанная А.Н. Нарбутом)⁷, либо сведения, представленные в них, не совсем исчерпывающи.⁸ Подробная роспись третьей, и наиболее многочисленной ветви Голицыных, включающей в себя четыре линии, на данный момент еще не проведена. Мемуары К.Н. Голицына могут стать хорошим подспорьем, поскольку, хотя и не охватывают целиком даже четвертую линию, не говоря уже про всю ветвь «Алексеевичей», упоминают малоизвестные или вовсе неизвестные фигуры. Данные, приведенные князем, заслуживают доверия: сравнение с вышеупомянутыми работами не выявляет каких-либо умышленных недоговорок или «замалчиваний», отсутствия близкого родственника. Широта описываемого круга в точности соответствует авторскому замыслу – изобразить «дерево без ветвей, но имеющее пышную крону», поэтому даже субъективные оценки в отношении того или иного лица не снижают фактической ценности написанного.

Достоверная информация о двух предшествующих поколениях Голицыных и собственном поколении автора – не единственный важный аспект «Записок». В силу того, что генеалогия неразрывно связана с просопографией (коллективной биографией), приводимые данные позволяют проанализировать модернизацию дворянской семьи, происходящую под давлением внешних обстоятельств, и некоторых поведенческих стереотипов, присущих людям благородного сословия. Если в детские годы Кирилла Николаевича дворянская семья являла собой сплоченное объединение не только трех-четырех ближайших родственников, но и множества дальних, каждый из которых занимал важное место в общей структуре, то с началом коренной ломки основ русского общества этот институт значительно ослаб. Семейные отношения свелись к общению внутри «узкого круга» тех самых трех-четырех родственников – родителей и детей, братьев и сестер, то есть произошел переход от консервативной модели семьи как клана, рода к современной модели – семье, какой мы ее знаем сейчас, небольшой и обособленной «ячейке общества». Это было обусловлено различными факторами: разрывом традиционных связей из-за эмиграции, репрессий и различных форм административного прессинга, потерей материальной независимости, фамильных имений, являвшихся своего рода центрами консолидации родственников разной степени близости. Представителям аристократии пришлось приспособиваться к новым экономическим и политическим реалиям, что

⁶ Голицын Н.Н. Род князей Голицыных. СПб., 1892. С. 235.

⁷ Нарбут А.Н. Князя Голицыны. Четвертая ветвь. М., 2002.

⁸ Дворянские роды Российской империи. СПб., 1995.

неизбежно вело к утрате устоявшихся традиций родственного общения, социальной ассимиляции, несмотря на попытки сохранить статус-кво.

Дворяне, лишённые былых привилегий и источников существования, начинали «с чистого листа», причем этот момент был осложнен тем обстоятельством, что большинство из них не могли найти работу, адекватную их уровню образования и предыдущему роду деятельности. В качестве примера может послужить судьба отца Кирилла Николаевича, Николая Владимировича Голицына: крупнейший специалист в архивном деле, руководитель Главного архива, владевший, между прочим, одиннадцатью языками, после революции был вынужден сменить характер работы. Князь Андрей Кириллович Голицын, сын автора «Записок», приводит записи из личного «Трудового списка» своего деда: «помощник делопроизводителя в канцелярии правления железной дороги, старший конторщик, делопроизводитель отдела лесозаготовок, старший статистик...»⁹. Кириллу Николаевичу в этом отношении повезло больше. Хотя из-за ареста в 1923 году он не смог продолжить обучение в Архитектурном институте, ярко выраженные склонности к изобразительному искусству, очень пригодившиеся ему в Саратовском лагере, позволили Голицыну всю жизнь заниматься художественно-оформительской деятельностью: он участвовал в подготовке праздничных мероприятий по случаю столетия со дня рождения Л. Н. Толстого, работал над оформлением музеев, выставок, различных объектов социальной инфраструктуры, в общем, сумел найти свою нишу, несмотря на неблагоприятные внешние обстоятельства (хотя и ему пришлось некоторое время потрудиться табельщиком на угольной шахте).¹⁰ Большинству же приходилось заниматься несвойственным им делом, что относится, разумеется, не только к Голицыным, но и к представителям всех дворянских фамилий. Таким образом, дворянская семья стала не только обособленной, в противовес традиционному фамильному клану, но и более мобильной, а также феминизированной: женщины вынуждены были отказываться от привычной роли «хранительницы очага», хозяйки светского салона и работать наравне с мужчинами. В аналогичные обстоятельства попали и представители дворянских семейств, эмигрировавшие из России, только контекст был иной. У эмигрантов были другие проблемы, связанные с попаданием в инокультурную, иноязычную среду, хотя эта среда была к ним во многом менее враждебна, чем советская власть – к оставшимся на родине. Хотя общий вектор развития и у тех, и других семей был идентичным: модернизация и окончательная ассимиляция в общей массе трудящегося населения (все-таки до революции многие дворяне жили не службой, а доходами с родовых поместий).

Подробное объективное освещение всех этих обстоятельств делает «Записки» Кирилла Николаевича Голицына чрезвычайно важным источником генеалогической и просопографической информации, незаменимым для изучения истории русского дворянства после 1917 года.

---

⁹ Записки князя Кирилла Николаевича Голицына. С.387.

¹⁰ Записки князя Кирилла Николаевича Голицына. С. 375-376.

ГЕРАЛЬДИКА МОСКОВСКОГО РЕГИОНА В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

После октября 1917 г. использование территориальных гербов Российской империи прекратилось, хотя на государственном уровне законодательно они не были отменены. В первые годы Советской власти предпринимались попытки создать альтернативную городскую символику.

Самым известным случаем городского символа в первые годы Советской власти стало утверждение общего герба для Москвы и Московской губернии. Это был знак, составленный по законам «пролетарской символики», который прославлял «революционную героиню и социалистическое строительство Москвы и Московской губернии». Автором его был архитектор Д. Осипов, выполнивший заказ президиума Моссовета. Утверждался герб отдельно столичными и губернскими органами власти: 22 сентября 1924 г. – президиумом Московского совета рабочих крестьянских и красноармейских депутатов и 27 февраля 1925 г. – президиумом Моссовета утвердили единый для Москвы и Московской области герб¹. Учитывая, что знак символизировал сразу две административно-территориальных единицы – столицу и область, это был в полном смысле слова герб Московского региона.

Он создавался в соответствии с новым пониманием задач символики и выражал отрицание старых правил составления гербов. Изображение состояло из многих эмблем: красной пятиконечной звезды на фоне памятника Свободе, поставленного в 1918 г. на Советской площади, серпа и молота, пучка колосьев, наковальни, ткацкого челнока, электромотора. Все это было перевито лентой с надписью «Московский совет раб[очих], кр[естьянских] и кр[асноармейских] деп[утатов]». Над колосьями и звездой располагалась шестерня с буквами «РСФСР».²

Сам составитель Д. Осипов пояснил символику всех эмблем. Пятиконечная звезда означала победы Красной Армии; обелиск Свободы – «твердость Советской власти»; серп и молот – «эмблема рабоче-крестьянского правительства»; зубчатое колесо и ржаные колосья – символ «смычки города и деревни»; промышленности и сельского хозяйства; наковальня – металлообрабатывающую, а челнок – текстильную промышленность; динамомашину – электрификацию. В заключении Д. Осипов отмечал, что «в целом герб является синтезом деятельности Моссовета».

Новый герб находился на решетке Большого Каменного моста, на здании Верховного Суда СССР на улице Воровского, но вскоре был забыт. Это обусловлено неудачностью изображения, перегруженностью символами, и, в конечном счете, его недолговечность.

В 1960-е гг. в СССР, в связи с политической «оттепелью», интересом к прошлому, движением городов-побратимов местные энтузиасты стали составлять гербы для городов. Официально это не запрещалось, хотя и не поощрялось на государственном уровне. Процесс составления гербов был отдан в ведение местных органов власти, они утверждались городскими советами народных депутатов.

В 1960-е гг. проводился конкурс на создание нового герба Москвы, но условия его были таковы, что создать символ, который отражал бы и историческое прошлое города, и его «коммунистические перспективы», оказалось невозможным. Ни один

---

* Кузнецов Владимир Владимирович – аспирант кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета

¹ Цветной рисунок см.: Официальные символы Москвы. [М.], 2000. С. 10.

² Николаев Р. Герб Красной столицы // Наука и жизнь. 1966. № 8. С. 108.

из многочисленных проектов не был утвержден³.

В Московской области также началось составление гербов, всего до 1991 г. в регионе их было утверждено 33⁴. В хронологическом отношении процесс оказался неравномерен. В 1960-е гг. появился 1 герб, в 1970-е гг. – 9, в 1981-1985 гг. – 7, в 1986-1990 гг. – 16.

Первым из них был герб Загорска, утвержденный 50-летнему юбилею Октябрьской революции. В его верхнем поле находилось изображение монастырской башни, охваченное колосом и шестерней. В нижнем поле – детская игрушка «конек»⁵. Колос и шестерня символизировали промышленное и сельскохозяйственное развитие района, башня – древние архитектурные памятники, «конек» – игрушечные промыслы.

Следующим по хронологии стал герб Подольска, утвержденный 6 марта 1970 г. Он был уникальным для советской символики, поскольку в него полностью вошел старый герб Подольска 1781 г., в котором изображался московский всадник, трактованный в официальных описаниях как Святой Георгий. В 1970 г. ему давалось нейтральное толкование – «защита Отечества», «борьба за независимость Родины». Любопытному изменению подверглось изображение, на всаднике был надет головной убор в виде буденовки. Старые эмблемы адаптировались к идеологическим требованиям советской эпохи. Больше ни один исторический город Московского региона не решился на подобную смелость. Только в герб Хотьково вошел герб Московской губернии 1883 г. но он утверждался в период перестройки, в 1986 г., когда подобные символы не казались абсолютно неприемлемыми.

В остальных подмосковных городах элементы дореволюционных гербов использовались не всегда. Они присутствовали только в эмблемах Домодедова 1989 г. (три тесаных белых камня из герба Никитска 1781 г.), Истры 1989 г. (солнце из герба Воскресенска), Можайска 1979 г. (крепостная стена с башнями), но отсутствовали в Коломне и Ногинске (Богородске).

В гербах остальных городов использовались эмблемы, характерные для советской символики, призванные отразить события новейшей истории, промышленное развитие, сельское хозяйство: шестеренки, колосья, реторты, трубы, бобины, книги, серп и молот, самолеты, циркули. Некоторые из эмблем невозможно было распознать: в Лыткарине 1989 г. – сферическое зеркало, а в Высоковске 1988 г. – «две прядильные шпули, соединенные золотой нитью»⁶. Реже, чем в русской территориальной геральдике, использовались эмблемы, отражающие природные и географические особенности региона, мало было «гласных гербов».

В советских гербах Подмосковья нарушались правила геральдики. Использование современных предметов – только одно из них. Кроме того, в них помещались названия городов и даты их основания, что запрещено. Не соблюдалось правило наложения цветов, в некоторых вводились неизвестные оттенки (например, «под бронзу» в гербе Солнечногорска 1988 г.). С позиций классической геральдики, советские городские гербы должны быть причислены к разряду эмблем, которые считаются изображениями более низкого ранга.

В конце 1980-х гг. в Московском регионе начал формироваться еще один уровень геральдического пространства – гербы поселков, сел и деревень. Первыми из них стали гербы поселков Монино (утвержден 27 марта 1986 г.) и Обухово (утверж-

---

³ Шепетильников Н. Герб Москвы // Строительство и архитектура Москвы. 1967. № 2. С. 8 – 9.

⁴ Сметанников И.С., Моченов К.Ф. Гербы земли Московской. М., 1991.

⁵ Сметанников И.С., Моченов К.Ф. Гербы земли Московской. С. 61.

⁶ Сметанников И.С., Моченов К.Ф. Гербы земли Московской. С. 53.

ден 19 ноября 1987 г.).

Развитие геральдики Подмосковья советского периода происходило хаотично и не по правилам геральдики, но она не была отделена от дореволюционного геральдического опыта и оказала заметное влияние на современную территориальную символику. Многие из них в исправленном виде используются до сих пор⁷. Несмотря на иконографическую и семантическую специфичность она являлась интересным этапом развития отечественной символики, характеризующим идеологические и политические приоритеты советского строя.

---

⁷ См.: Гербы подмосковных городов. М., 1997.

МУНИЦИПАЛЬНАЯ ГЕРАЛЬДИКА ГОРОДА МОСКВЫ

Современная геральдическая система Москвы включает в себя не только общегородской символ, но и знаки иного уровня: гербы административных округов и муниципальных образований (ранее районов) города.

Идея о создании гербов для внутригородских административно-территориальных единиц не являлась новой. Гербы имеются у районов многих европейских городов: Лондона (33 герба), Вены (23 герба), Берлина (более 20 гербов), Праги (более 30 гербов), Манчестера (10 гербов), Будапешта (22 герба) и др.¹

Аналогичная идея не была совершенно новой и для русской геральдики. В первой половине XVIII в., когда геральдическое пространство России находилось на стадии генезиса, возник вопрос о гербах для частей городов. В октябре 1737 г. Санкт-Петербург был разделен на пять административных частей: Адмиралтейскую, Васильевскую, Санкт-Петербургскую, Литейную и Московскую. В связи с этим Комиссия о строении просила Герольдмейстерскую контору составить для каждой из них гербы. Н.А. Соболева считает, что автором этой идеи был Б. Миних, чья подпись стоит первой под документом.² Однако Герольдмейстерская контора отнеслась к предложению отрицательно. Руководивший в то время герботворчеством известный ученый В.Е. Адодуров в ответе на обращение писал, что герб — это знак, который символизирует город в целом, поэтому район его иметь не может. При этом за Комиссией о строениях оставлялось право составить для каждой из частей особые знаки, но подчеркивалось, что гербами они являться не будут.

Юридическими предпосылками становления и развития региональной символики в 1990-е гг. стал ряд правовых актов, регулировавших местное самоуправление Российской Федерации. В соответствии с Конституцией РФ и законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» органы местного самоуправления были исключены из системы органов государственной власти. Поэтому в указе президента от 30 ноября 1993 г. «О государственном гербе Российской Федерации»³ устанавливалось, что органы местного самоуправления не вправе использовать на документах, бланках, печатях и в иных официальных случаях государственный герб. Для этих целей надлежало использовать собственную символику, разработанную в соответствии с нормами геральдики и утвержденную в установленном порядке.

Эта идея получила развитие в федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г. В его 9 статье указывалось, что муниципальные образования имеют право устанавливать «официальные символы, отражающие исторические, культурные, национальные и иные местные традиции и особенности».⁴

* Гавриленков Сергей Сергеевич — аспирант кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета.

¹ Мишин В.В. Гербы районов Вены // Гербовед. 2004. № 74. С.105-129; Козина Е.Н. Гербы районов Лондона и Москвы: сравнительный анализ // Геральдика в прошлом, настоящем и будущем: Материалы конференции. СПб., 2000. С. 28–31; Она же. Гербы районов Большого Берлина // Гербовед. 2000. № 43. С. 21–28.

² Соболева Н.А. Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. М., 1981. С. 80.

³ Указ Президента Российской Федерации от 30 ноября 1993 г. «О государственном гербе Российской Федерации» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 49. Ст. 4761.

⁴ Материалы законодательства Российской Федерации по вопросам геральдики // Бюллетень

Благодаря реформам местного самоуправления в начале 1990-х г. в России был дан официальный толчок к созданию местной, территориальной геральдики, и обеспечена его законодательная поддержка.

В рамках этого герботворческого процесса начала формироваться символика для округов и районов города Москвы. После утверждения в 1993 г. закона о гербе и флаге столицы в округах и районах стали внедряться новые эмблемы. Первоначально работа велась стихийно. После создания Московской герольдии проекты эмблем начали рассматриваться ей. Как правило, они были очень несовершенны и содержали множество геральдических ошибок, часть которых была унаследована из советской символики. Среди наиболее распространенных недостатков – использование герба Москвы и России, введение надписей в щит, изображение современных зданий или предметов, нарушение правила наложения цветов и т.д.⁵

Районное герботворчество в Москве тормозилось не только в связи с нехваткой специалистов, медлительностью работы Московской герольдии, но и из-за отсутствия четкого законодательства, регулирующего данный вопрос. В связи с этим в середине 1990-х гг. в официальных документах появилось понятие «московская символика», хотя его содержание нигде не прояснялось. Особенно остро необходимость определения этого понятия возникла в связи с подготовкой проекта закона «О введении сбора за право использования московской символики».⁶ В нем к гербу и флагу Москвы добавлялись архитектурные сооружения города. При этом их перечень был избыточен. К ним, например, причислялись «все историко-культурные памятники, находящиеся на территории Кремля и Красной площади», «все архитектурные и монументальные памятники, находящиеся на территории заповедной историко-культурной зоны в пределах Садового кольца». С другой стороны, в понятие «московская символика» не вошли эмблемы административных округов и районов, территориальных общин, словесные символы.

Недостаток законодательного регулирования, стихийность процесса предопределил разработку особого законодательного акта, посвященного символике Москвы. Проект закона был представлен в Московскую городскую думу весной 1997 г. Он вызвал большую дискуссию и его отклонили.⁷ Депутаты предложили доработать проект, что заняло почти год. Основная проблема, как указывала участница этой работы Е.И. Козина,⁸ состояла в том, что закон городская власть пыталась приспособить к коммерческим интересам производителей продукции с символикой и рекламой. Например, в понятие «московская городская символика» требовали включить гербы и флаги юридических лиц, выдвигались тезисы о необходимости лицензирования геральдической продукции и получения лицензии на право геральдической деятельности.

Законопроект обсуждался в Московской городской думе в декабре 1998 г., а 20 января 1999 г. был принят.⁹ Закон «О московской городской символике» стал

ть Геральдического совета при президенте Российской Федерации. Вып.1. М., 2005. С. 36.

⁵ Козина Е.Н. Эмблемы современных территориальных единиц Москвы. Опыт источниковедческого исследования // Гербовед. 1998. № 27. С. 70–74.

⁶ Козина Е.Н. Эмблемы современных территориальных единиц Москвы // Сборник статей геральдического семинара ИАИ РГГУ. Вып.1. М., 2000. С. 199.

⁷ Там же. С. 201.

⁸ Козина Е.Н. Нормативные акты по вопросам городской символики: опыт их разработки и внедрения в Москве // Правовые основы и перспективы территориальной и муниципальной геральдики. СПб., 1999. С. 51.

⁹ Закон города Москвы от 20 янв. 1999 г. «О московской городской символике» // Вестник Мэрии Москвы. 1999. № 6. С. 7-10.

важным событием, обозначившим существенное продвижение в создании нормативно-правовой базы городской символики, а также важным опытом для развития геральдического права в России в целом.

Впервые четко обозначались границы и структура понятия «московская городская символика». Согласно закону, в нее входили официальные символы Москвы (герб, флаг и гимн), официальные символы территориальных единиц города, символы территориальных общин, архитектурно-мемориальные символы, словесные символы. Не входили в нее символы юридических лиц и жителей Москвы.

Кроме этого вводилось даже понятие «знаки с московской городской символикой», к которым причислялись знаки различия (должностные знаки) и знаки отличия (награды, знаки почетных званий, дипломы и т.д., содержащие в элементы московской городской символики).

Терминология, которая вводилась законом, была не вполне продумана и противоречива. Понятие «герб» в нем применялось только к городскому символу, а по отношению к территориальным единицам — «гербовые эмблемы», хотя на практике они ничем не отличались от гербов и соответствовали всем правилам формальной геральдики. В законе давалось определение «гербовой эмблемы» — «эмблема, выполненная в соответствии с правилами геральдики». Эта дефиниция вызывает недоумение, поскольку кроме правил геральдики не называла ни одного критерия. Подобная противоречивость терминологии указывала, что период генезиса московской символики еще не закончился.

Отдельная статья была посвящена требованиям, предъявляемым к московской символике. Их всего два — соответствие историческим, экономическим и топонимическим образам Москвы, а также правилам геральдики.¹⁰

В законе «О московской городской символике» впервые была определена процедура разработки символов. До этого, в частности в законе о гербе и флаге города Москвы, подобного раздела не было. Символы административных округов должны были утверждаться мэром Москвы по представлению префектов, районов — префектами по представлению районных собраний, территориальных единиц — создавшим их органом власти по представлению главы. Для всех них вводилась обязательная экспертиза в «уполномоченном органе», который создавался для проведения единой политики в области создания и использования городской символики.¹¹ Закон перечислял широкий круг тех, кто может вносить предложения по созданию и изменению всех видов символов: Московская городская дума, органы Московской городской администрации, районные управы, юридические лица, общественные объединения и жители.

Закон «О московской городской символике» стал первым нормативно-правовым актом субъекта Российской Федерации, посвященным территориальной символике. Он касался тех проблем, которые не были разрешены на общегосударственном уровне. В период, когда принимался московский закон, разрабатывался аналогичный федеральный закон «О территориальной символике в Российской Федерации». В подобной ситуации столичный закон приобретал значение образца, опробованного на практике. «Московский опыт, безусловно, должен быть использован в работе над проектом федерального закона», — отмечали специалисты.¹²

---

¹⁰ Закон города Москвы от 20 янв. 1999 г. «О московской городской символике» // Вестник Мэрии Москвы. 1999. № 6. С. 7.

¹¹ Там же. С.8.

¹² Карташов И.М. Правовое регулирование территориальной геральдики России: перспективы и проблемы // Геральдика в прошлом, настоящем и будущем. С. 26.

Другим следствием принятия закона «О московской городской символике» стало утверждение мэром Москвы 20 октября 1999 г. «Положения об официальных символах территориальных единиц города Москвы». ¹³ Герб и флаг воспринимались как некое знаковое единство, различающееся не столько изобразительно, сколько по сферам употребления.

Большое влияние оказал закон «О московской городской символике» на ситуацию с гербами административных округов. Некоторые разрабатывались с 1996 г., ¹⁴ однако ни один не был утвержден до 1999 г. Зато в 2000 г. сразу 5 гербов административных округов приобрели официальную символику – Северный, Южный, Восточный, Юго-Западный, Зеленоградский. ¹⁵ В 2001 было утверждено 3 окружных герба – Центрального, Северо-Восточного и Северо-Западного, ¹⁶ а в 2002 г. и в 2003 г. – по одному, в 2002 г. – Западного, ¹⁷ в 2003 г. – Юго-Восточного. ¹⁸

В преамбуле к закону «О государственной и муниципальной символике в городе Москве», подписанном 11 июня 2003 г., отмечается, что он был создан для регулирования создания и использования государственной символики города Москвы, для установления требований, которые предъявляются к созданию и использованию муниципальной символики, для обеспечения порядка использования в городе государственного герба Российской Федерации. ¹⁹

Статья 1 четко определяла, какие именно изображения составляют государственную символику города Москвы. ²⁰ К ней причислялись официальные государственные символы города Москвы (герб, флаг, гимн); официальные государственные символы административных округов города Москвы (гербовые эмблемы и флаги административных округов); архитектурно-мемориальные символы города Москвы (изображения монументальных, архитектурных, исторических памятников); словесные символы города Москвы (слово «Москва» и образованные на его основе слова и словосочетания, в том числе сокращения), слово «Зеленоград» и образован-

¹³ Распоряжение мэра Москвы от 20 окт. 1999 г. «Об утверждении Положения об официальных символах территориальных единиц города Москвы» // Вестник Мэрии Москвы. 1999. № 23. С. 31-33.

¹⁴ Символика Москвы. М., 2003. С. 239.

¹⁵ Распоряжение мэра Москвы от 17 апр. 2000 г. «Об утверждении гербовой эмблемы и флага Северного административного округа города Москвы» // Вестник Мэрии Москвы. 2000. № 10. С. 28-30; Распоряжение мэра Москвы от 17 апр. 2000 г. «Об утверждении гербовой эмблемы и флага Южного административного округа города Москвы» // Там же. 2000. № 10. С. 26-28; Распоряжение мэра Москвы от 18 апр. 2000 г. «Об утверждении гербовой эмблемы Восточного административного округа города Москвы» // Там же. 2000. № 10. С. 30-32; Распоряжение мэра Москвы от 24 апр. 2000 г. «Об утверждении гербовой эмблемы Юго-Западного административного округа города Москвы» // Там же. 2000. № 10. С. 37-38; Распоряжение мэра Москвы от 2 окт. 2000 г. «Об утверждении гербовой эмблемы и флага Зеленоградского административного округа города Москвы» // Там же. 2000. № 34. С. 3-4.

¹⁶ Распоряжение мэра Москвы от 8 мая 2001 г. «Об утверждении гербовой эмблемы и флага Северо-Восточного административного округа города Москвы» // Вестник Мэрии Москвы. 2001. № 20. С. 3-5; Распоряжение мэра Москвы от 8 мая 2001 г. «Об утверждении гербовой эмблемы и флага Северо-Западного административного округа города Москвы» // Там же. С. 4-6; Распоряжение мэра Москвы от 8 мая 2001 г. «Об утверждении гербовой эмблемы и флага Центрального административного округа города Москвы» // Там же. С. 6-8.

¹⁷ Указ мэра Москвы от 3 апреля 2002 г. «Об утверждении гербовой эмблемы и флага Западного административного округа города Москвы» // Вестник Мэрии Москвы. 2002. № 14. С. 21-23.

¹⁸ Указ мэра Москвы от 1 октября 2003 г. «Об утверждении гербовой эмблемы и флага Юго-Восточного административного округа города Москвы» // Вестник Мэрии Москвы. 2003. № 40. С. 24-26.

¹⁹ Официальная символика России и Москвы: Сборник нормативных правовых актов Российской Федерации и Москвы. Вып.2. М., 2004. С. 113.

²⁰ Там же. С. 118.

ные от его основы слова и словосочетания, наименования районов города и образованные на их основе слова и словосочетания.

Закон более подробно, чем ранее, раскрыл основные требования, которые предъявляются к государственным и муниципальным символам города Москвы. Они должны учитывать исторические, экономические, топонимические и другие особенности города, административных округов и муниципальных образований. Особенно подчеркивалось, что гербы должны соответствовать правилам формальной геральдики. Гербы муниципальных образований и гербовые эмблемы административных округов не должны повторять друг друга. В них, как и ранее, запрещено включать государственный герб и государственный флаг Российской Федерации, герб и флаг Москвы и других субъектов Российской Федерации.²¹

В законе подтверждено исключительное право государственных органов города Москвы на использование герба и флага Москвы на бланках, печатях, штампах и вывесках.

Ко времени принятия закона «О государственной и муниципальной символике в городе Москве» 112 районов имели свои гербы, флаги и гимны. После преобразования их в муниципальные образования их было необходимо заново утвердить, поскольку теперь они становились гербами муниципальных образований. Учитывая, что это требовало определенного времени, в новом законе устанавливалось, что все гербы, созданные в соответствии с законом 1999 г., утвержденные и внесенные в Геральдический реестр города Москвы, продолжают сохранять законную силу до их утверждения муниципальными собраниями.²²

В соответствии с этим в 2004 г. началось переутверждение бывших районных гербов, в течение года 124 герба были заново утверждены муниципальными собраниями. Наиболее интенсивно этот процесс происходил в марте (27 гербов), феврале (17 гербов) и сентябре (14 гербов). Одновременно гербы повторно рассматривались Геральдической комиссией при Правительстве Москвы, которая, в основном, уделяла внимание правильности и точности геральдических описаний и построений. Подавляющее большинство районов представили на утверждение прежние гербы без каких-либо изменений.²³

Гербы московских муниципальных образований создавались по единой визуальной модели, выполняют общие функции и сфера бытования их также одинаковы. Как отмечал И.М. Карташов, «такая унификация осуществляется путем разработки модельных образцов использования муниципальной символики и рекомендации их для принятия муниципальными образованиями».²⁴

При переутверждении гербов районов некоторые из них были изменены кардинально, поскольку оказались не вполне удачны и маловыразительны. Некоторые были изменены стилистически.

С 2000 г. в районных, городских и федеральных газетах начали появляться сообщения об утверждении окружных и районных гербов. Постепенно эти сообщения стали регулярными. Это следует связать с деятельностью геральдических органов столицы по популяризации московской символики, поскольку в большинстве из них имеются ссылки на информацию Комиссии по московской символике или на ее приемники Геральдической комиссии города Москвы. При этом статьи о районных

---

²¹ Там же. С. 122.

²² Официальная символика России и Москвы: Сборник нормативных правовых актов Российской Федерации и Москвы. Вып.2. М., 2004. С. 126.

²³ Символика Москвы. М., 2003. С. 249.

²⁴ Гербы и флаги муниципальных образований города Москвы. Ч. 2. М., 2005. С. 12.

гербах и флагах печатались преимущественно в районных газетах, реже — московских,²⁵ а материалы о гербах и флагах округов — в московских и федеральных.²⁶ В целом, пресса уделяла внимания гербам округов больше внимания, чем символам районов.

Об отношении жителей столицы к окружной и муниципальной символике дают представление результаты социологического опроса 2003 г. В отличие от герба Москвы, о символике округов знают менее половины жителей — всего 44%, о символике районов — 43%. Заметно отличается и отношение. Положительное отношение к окружной символике выразили 39% москвичей, которые считают, что она отличает один округ от другого, отражает его особенности; безразлично относятся 22%, полагающих, что она не играет никакой роли; отрицательно относятся 14%, считающих, что она разобщает людей и является дополнительной платой для налогоплательщиков. Не смогли дать ответа — 25% респондентов. Наиболее положительное отношение к окружной символике выразили 19-24-летние москвичи (50%), самыми безразличными оказались 25-29-летние (35%), а наименее осведомленными — 14-18-летние жители.²⁷

Аналогичные показатели были получены по отношению к районной символике. Положительно к ней относятся 38%, безразлично — 23%, отрицательно — 14%, затруднились ответить — 14%.²⁸ Это позволяет сделать вывод, что окружная и районная символика воспринимаются как некое единство и уверенно не разделяется.

Необходимость окружной и районной символики к 2003 г. не утвердилась еще в сознании значительной части москвичей. Авторы социологического обзора связывали подобную ситуацию с «недостаточной ее пропагандой, разъяснительной работой, начиная с детских дошкольных, впоследствии школьных учреждений и, во-вторых, с недостаточной «функциональной нагрузкой», например, в заставках местного телевидения, на продукции предприятий округа, вывесках торговых учреждений, школьных стендах, автобусных остановках и т.п.».²⁹

В контексте подобного отношения показательны данные о различиях в отношении к окружной символике в возрастных группах. Наименьшую осведомленность проявили младшие поколения. Если среди 40-49-летних о символике знают 51%, то у 30-39-летних — 47%, у 25-29-летних — 40%, у 19-24-летних — 39%, у 14-18-летних

---

²⁵ Над гербом предстоит поработать // На Пресне. 2000. 3 марта; Район получил свой герб // Арбатские вести. 2002. № 15; Семенова М. У Хамовников появились герб и флаг // Хамовники. 2002. № 17; Символом Арбата стала книга, а Черемушек — цветущая ветка // Московский комсомолец. 2002. 19 авг.; Трубилина М. Под знаком наковальни // Вечерняя Москва. 2002. 8 июля; У района Отрадное есть свой флаг и герб // Наше Отрадное. 2000. № 8.

²⁶ Андреевский Я. Сова — символ мудрости и знания // Московская правда. 2001. 6 сент.; Вавилова Е. Символом стали белки // Вечерняя Москва. 2000. 4 окт.; Она же. У Центра Москвы появился герб // Вечерняя Москва. 2001. 13 авг.; Герб Западного округа столицы украсила Триумфальная арка // Московский комсомолец. 2002. 6 апр.; Головин А. У Зеленограда появились герб и флаг // Сорок один. 2000. 10 окт.; Иванов М. Знаменем юго-запада Москвы стали деньги // Вечерняя Москва. 2001. 17 февр.; На герб юго-востока выпустили льва // Вечерняя Москва. 2003. 7 окт.; Наполеон помог с гербом западу столицы // Вечерняя Москва. 2002. 5 апр.; Рашидов О. В четырех округах Москвы новая гербо-life // Комсомольская правда. 2000. 15 мая; Свой герб теперь есть у всех округов столицы // Московский комсомолец. 2003. 7 окт.; Северный округ присвоил Полярную звезду // Вечерняя Москва. 2000. 7 авг.; Символом центра столицы стал Юрий Долгорукий // Московский комсомолец. 2001. 13 авг.; Флаг и герб округа // Московский Север. 2000. 8 авг.

²⁷ Мнение жителей столицы о символике Москвы и России: Аналитический отчет по итогам социологического исследования. М., 2004. С. 21.

²⁸ Там же. С. 23.

²⁹ Там же. С. 21.

– 25%.³⁰ Подобные существенные различия (более чем в 2 раза) обусловлены, по мнению, социологов тем, что «система работы по привитию этих знаний практически не ведется, а знания, полученные с возрастом – результат исключительно индивидуального самообразования».³¹

Одновременно в обзоре приводились данные, что наиболее эффективными средствами пропаганды окружной и районной символики являются телевидение и радио (24%), а следующими, по важности, являются массовые городские акции и праздники (20%).

В последние годы в пространстве московской символики началось формирование двух новых страт.

В Москве начали появляться гербы городских органов власти, т.е. корпоративный субстрат столичной символики. Их основным элементом является изображение московского всадника. Таковы символы Московской городской избирательной комиссии, Государственной земельной инспекции города Москвы и др.³² Появились эмблемы и учреждений более низкого звена, на уровне округов. В их основе – окружная символика. На заседании Геральдической комиссии города Москвы в феврале 2006 г. обсуждался и получил одобрение проект эмблемы государственного учреждения города Москвы «Центр физической культуры и спорта Северного административного округа».³³ В его основу положен герб Северного административного округа с дополнительными элементами – легкоатлетической дорожкой и олимпийским факелом. Это первая эмблема московского учреждения окружного уровня, прошедшая официальную процедуру утверждения.

Гербы московских административно-территориальных единиц сформировались на протяжении исторически короткого промежутка времени, примерно в течение 10 лет. Они оказались удачным опытом создания принципиально новой страты геральдического пространства России. Это стало возможным потому, что были учтены традиции, сложившиеся в отечественной геральдике до 1917 г. Немаловажную роль сыграло также хорошее нормативно-правовое и организационное обеспечение этого процесса. Гербы административно-территориальных единиц широко используются, они стали важной частью художественного оформления города.

---

³⁰ Там же. С. 47.

³¹ Там же. С. 22.

³² Карташов И.М. Геральдика столицы // Под знаком золотой пчелы. Всероссийское геральдическое общество. 1991-2005. М., 2006. С. 903.

³³ Повестка заседания Геральдической комиссии г. Москвы от 16 февраля 2006 г.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СИМВОЛ: ПРОБЛЕМЫ ДЕФИНИЦИИ И СЕМАНТИКИ

Понятийно-терминологический аппарат необходим для каждой научной дисциплины. Однако до настоящего времени в геральдической литературе отсутствует четкая дифференциация между понятиями «знак», «символ», «эмблема», «логотип».

Подобная ситуация связана, в первую очередь с тем, что точные, всеобъемлющие, рациональные и в то же время понятные определения этих терминов на данный момент отсутствует, что способствует сохранению неопределенности их соотношения. Тем не менее, каждый из этих терминов имеет свое, отличное от другого, определение и свое смысловое значение.

Начать необходимо с определения «знака» как с самого общего в этом понятийном ряду. Знак — материальный предмет (явление, событие), выступающий в качестве представителя некоторого другого предмета, свойства или отношения и используемый для приобретения, хранения, переработки и передачи сообщений (информации, знаний).¹ В контексте изучения политической символики представляет особый интерес следующее определение: «Знак — изображение, имеющее только одно, лишь ему свойственное, узко специальное значение».² Знак должен передавать конкретную информацию максимально четко, точно и лаконично. Само понятие «знак» существует не одну тысячу лет.³ У Древних греков существовал определенный опознавательный знак для членов тайной организации. Еще Аристотель называл знаком «вещь, которая кроме себя приводит на мысль так же и нечто иное».⁴ Под знаком может пониматься простейшее, вполне примитивное и элементарное указание на какой-либо предмет или явление, но в этом случае значение данного термина является непрофессиональным и обывательским, не требующим никакого разъяснения. По мнению А.Ф. Лосева, есть одно обязательное для знака условие, которое показывает «знаковое содержание»: «Чтобы знак был знаком и именно специфическим знаком для того, что он обозначает, необходимо, чтобы он имел свое собственное, внутренне присущее только ему специфическое содержание».⁵ В.Н. Медведев выделил две функции знака: «Во-первых, всякий знак должен быть информационно емким, то есть адекватно, понятно и достаточно полно передавать необходимую информацию. Во-вторых, выступать побудителем к действию, социальному поступку».⁶

Понятие «знак» следует дистанцировать от понятия «символ». Очень часто встречается упоминание, «что нечто одно указывает на нечто другое, то есть употребляют термин «символ» просто в смысле «знак».⁷ Но между этими понятиями существует огромная разница и подобное смысловое заблуждение недопустимо. Подобное мнение бытовало в русских энциклопедических словарях XVIII и XIX веков, однако позднее (уже в словаре Брокгауза-Эфрона и, особенно, у А. Белого) термин

* Братусь Дмитрий Валерьевич — аспирант кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета.

¹ Бирюков Б.В. Знак // Большая советская энциклопедия. Т. 9. М., 1972. С. 547.

² Символы, Знаки, Эмблемы /Сост. В.М. Рошаль. М., 2005. С. 8.

³ Тимофеев Л., Венгров Н. Краткий словарь литературоведческих терминов. М., 1963. С. 140.

⁴ Королев Г.И. Эмблематика зарубежных партий и движений (некоторые вопросы) // Геральдика. 2005. №80. С.127.

⁵ Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1995.

⁶ Медведев В.Н. Воинская символика // Вестник геральдиста. 1992. №5 (10).

⁷ Там же.

«символ» был смыслово расширен.⁸ Однако стоит заметить, что сам термин «символ» слишком близок к соседним понятиям и не всегда можно проследить грань, которая отличает одно понятие от другого. Если же обратиться к этимологии понятия «символ», то оно происходит от греческого слова «*symbolon*» (отличительный знак; знак, образ, воплощающий какую-либо идею; видимое, реже слышимое образование, которому определенная группа людей придает особый смысл, несвязанный с сущностью этого образования)⁹ в этой дефиниции также можно увидеть близость к понятию «знак». «Символ» не сводится, как «знак», лишь к простому эквиваленту чего-либо, а имеет множество, довольно часто противоречивых значений и может быть правильно понят лишь в контексте, а не сам по себе.¹⁰ Другими словами, символом может быть и термин, и имя, и изображение чего-либо, но только в том случае, если соблюдено одно обязательное условие — они все должны обладать специфическим добавочным значением к общеизвестному и обыкновенному смыслу. Символ вполне может указывать и на неизвестный предмет, но в то же самое время, предоставляет возможность сделать необходимые выводы, для того, чтобы этот предмет стал известным. Символ несет в себе определенную идею, которая вряд ли поддастся какому-либо делению. Любой реальный (то есть существующий) символ неразрывно связан с эпохой, временем и несет в себе отпечаток происхождения, рисующий образную его составляющую. Символ не обозначает вещь саму по себе (и не всякая вещь может быть символом) или не описывает картину каких-либо событий, он не вычисляем и его невозможно точно определить, однако применительно к нему также возможен метод научного анализа и систематизации.

Символ переводится так же как — знамение, цель, небесное явление, поэтому данное слово понимается как всякий вещественный знак, имеющий условное значение для известной группы лиц. Чем символ больше, многозначнее — тем он более содержателен. Распространена точка зрения о том, что символы имеют не одно значение, что они больше скрывают, нежели обнаруживают истину, в лучшем случае лишь намекают на нее. Следовательно, каждый символ, требует внимательного и тщательного изучения.¹¹

Символ представляет собой идейную или идейно-образную структуру, содержащую в себе в скрытой форме все возможные проявления вещи, для которой он является обобщенным и неразвернутым знаком. Символ в широком смысле слова — это образ. Он содержит в себе определенный смысл, нераздельно слитый с образом, но ему не тождественный. В структуре символа предметный образ и смысл выступают как два неразделимо связанных друг с другом полюса. Символ характеризуется многослойностью и многозначностью и требует активной умственной или рассудочной работы воспринимающего субъекта. Символ составляет средство общения между людьми, призванное представлять тот или иной объект, социальную общность, идею и т.д.¹²

А.Ф. Лосев в работе «Проблема символа и реалистического искусства» выделил «описательную картину»¹³ «символа», состоящую из девяти элементов, позволяющую понять внутреннюю наполненность, данного термина:

- *Символ вещи действительно есть ее смысл;*

---

⁸ Там же.

⁹ Краткий философский словарь. М., 1997.

¹⁰ Символы, знаки, эмблемы / Сост. В.М. Рошаль. М., 2005. С.13.

¹¹ Зазыкина Е.В. Политический PR: символы. М., 2003. С.19.

¹² Гаджиев К.С. Политическая наука. М., 1994. С.88.

¹³ Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1995.

- Символ вещи есть ее обобщение;
- Символ вещи есть ее закон;
- Символ вещи есть закономерная упорядоченность вещи;
- Символ вещи есть ее внутренне-внешнее выражение;
- Символ вещи есть ее знак;
- Символ вещи есть ее структура;
- Символ вещи есть ее знак (цельность);
- Символ вещи есть тождество, взаимопронизанность означаемой вещи и означающей ее идейной образности;

Однако данные элементы всего лишь открывают общесмысловую структуру «символа».

Принимая во внимание сложившуюся неразбериху в использовании терминов «символ» и «знак», необходимо найти грань, разделяющую эти два родственных понятия.

Разного рода символы и знаки играют огромную роль в жизни человека, и без них невозможно представить себе практическую и духовную жизнь общества. С помощью символов и знаков люди взаимодействуют друг с другом, и в этом отношении они являются средствами регуляции социального поведения. Это определяется прежде всего тем, что любая информация, воспринимаемая субъектом, представляет собой некоторую совокупность визуальных или звуковых символов. Субъект, воспринимающий эти символы, расширяет их в формулах, имеющих для него смысл.

Знак не может функционировать без своего значения, так же, как и значение не может функционировать без знака. Зависимость знака и значения можно описать следующим образом: «Знак есть нечто более общее и более абстрактное, так что он гораздо меньше осмыслен, чем его конкретное значение».¹⁴ Знак может что-либо значить и/или обозначать и иметь одно или несколько значений.

После раскрытия смысловых значений понятий «знака» и «символа» становится возможным перейти непосредственно к сравнению данных терминов с целью выделить схожие и различные черты, а также выявить условия их употребления.

А.Ф.Лосев выделил следующую зависимость – символ является разновидностью знака, но также и знак в определенном отношении также является символом. По его мнению, «символ» это «развернутый знак», а «знак» в свою очередь является «неразвернутым символом»¹⁵. Большинство концепций раскрывающие отношения символа и знака друг к другу признают отличие символа от знака, говоря о том, что знак является своеобразным фоном, опираясь на который появляется возможность определить, что такое символ.¹⁶

Евгений Груздов в статье «Геральдика за семиотикой и символогией»¹⁷ разделял высказывания о символе и знаке на два полярных спектра:

- «Символ» и «знак» слова синонимы для обозначения одного феномена. В искусственных формализованных языках символ – понятие тождественное знаку.

- «Символ» и «знак» принципиально отличны друг от друга и обретают свое значение в оппозиции друг к другу.

Два этих термина являются не только несоразмерны друг другу, но и опосредованы друг другом.

¹⁴ Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1995.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Шейкин А.Г. Символ // Культурология. XX век. Словарь. СПб., 1997. С. 406-407.

¹⁷ Груздов Е. В. Геральдика за семиотикой и символогией // Культурологические исследования в Сибири. 2000. №1.

Различие же между знаком и символом кроется в степени значимости обозначаемого и символизируемого ими предмета, в свою очередь, это означает следующее — и знак и символ говорят сами за себя, требуют признания вещи, которую они обозначают и показывают эту вещь. Лосев назвал эти элементы «моделирующей структурой». Так вот, символ имеет более значимую и заметную «моделирующую структуру» нежели знак, но помимо этого «в символе эта порождающая модель дается максимально интенсивно, она особенно глубоко заинтересовывает нас в отношении символизируемой предметности, она обладает особенно общим характером, она использует свою образность в подчеркнуто значительном смысле, она часто даже ее просто пропагандирует и острейшим образом за нее агитирует».¹⁸ То есть символ является более широким понятием, чем знак. Если символ можно рассматривать как знак, то из этого следует, что совокупность символов одного рода, станет возможно рассматривать как знаковую систему.¹⁹ Одна из важнейших особенностей символа заключается в следующем — в символе взаимовлияние идейной образности предмета или вещи и самого предмета (вещи) наиболее велико. То есть смысл, перенесенный с одного предмета на другой, весьма глубоко сливается со вторым предметом, поэтому становится практически невозможно их отделить. На эту особенность указывал А.Ф. Лосев, однако он не первым уделил этому аспекту внимание. В частности, один из крупных христианских теологов, философ Пауль Тиллих отмечал, что символ, в отличие от знака, соучаствует в той реальности, на которую он указывает.²⁰

Оба этих понятия неразрывно связаны с философией. «Для философии ни понятие символа ни знака не есть нечто само собой разумеющееся. Философия в своей фундаментальности предполагает необходимость выхода на проблематику других дисциплин»²¹.

Если обратиться к психологическому аспекту символа, то можно выделить следующие важные моменты. Символ, с точки зрения психологии, обладает мотивационно-смысловой и побудительной функциями. Данные функции позволяют перенести энергию инстинкта в явление культуры. «Символический ритуал, порождая психическую энергию, направляя ее в нужное русло, является средством овладения поведением человека, способом социальной регуляции человека».²² Существует взаимосвязь между символом и социальной культурой, зависимость культуры отношений в социуме от значений заложенных в его символике. Процесс рождения социального действия тесно связан (зависит) от реакции на символ. Данный психологический контекст изучения символа делит символ на два элемента: знаковость и социальность. Переход идеальной реальности символа в материальную жизнь конкретного социального действия является основным вопросом изучения символа в данном контексте.

К. Юнг подразделял символы на две группы: первая — «естественные» — возникающие из подсознательного содержания психики и представляющие собой бесчисленные вариации основных архитектурных образов; во многих случаях можно проследить их развитие вплоть до пракорней, то есть идей и образов, встречающихся в древнейших

---

¹⁸ Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1995.

¹⁹ Мисюров Д. Политическая символика: между идеологией и рекламой // Полис. 1999. №1.

²⁰ Тиллих П. Избранное. Теология культуры. М., 1995. С.160-165.

²¹ Груздов Е. Геральдика за семиотикой и символикой // Культурологические исследования в Сибири. Омск, 2000. С. 44-53.

²² Грибакина Н.В., Степанова Л.А. Политический символ как средство политического воздействия // Политические технологии. 2004. №11.

источниках, дошедших от первобытных обществ. Другая группа – символы, привнесенные культурой, которые обычно использовались для выражения «вечных истин» и до сих пор используются подобным образом во многих религиях.²³

Обращаясь к вопросу об определении самого термина «символ», можно столкнуться с его многогранностью и отражением совершенно различных аспектов его понимания.

В «Энциклопедическом словаре», например, сказано, что «Символ – вещественный, графический или звуковой условный знак или условное действие, обозначающее какое-либо явление, понятие, идею».²⁴

«Малый толковый словарь русского языка» предлагает следующее определение: «Символ – предмет, условно обозначающий отвлеченную мысль, понятие».²⁵

А в «Философской энциклопедии» дано такое определение: «Символ есть отражение, или, точнее говоря, функция действительности, сигнификативно данная как индивидуально-общий и чувственно-смысловый закон (или модель) с возможным разложением этой исходной функции в бесконечный ряд членов, из которых каждый, ввиду своей закономерной связи с другими членами ряда и с исходной функцией, является как эквивалентным всякому другому члену ряда и самой функции, так и амбивалентным по самой своей природе».²⁶

Наиболее четкое определение символа, с точки зрения психологии, дано в монографии Мераба Константиновича Мамардашвили и Александра Моисеевича Пятигорского «Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке». По их мнению, «символ – это вещь, обладающая способностью индуцировать состояние сознания, через которое психика индивида включается в определенные содержания (структуры) сознания. Или так: при аккумуляции психикой индивида определенных состояний сознания символ обнаруживает способность введения психики в определенные структуры сознания».²⁷

В работе А.Ф. Лосева «Проблема символа и реалистическое искусство» можно встретить порядка 60 определений символа. Сам Лосев предлагает следующее определение символа: «Символ – идейная, образная или идейно-образная структура, содержащая в себе указания на те или иные, отличные от нее предметы, для которых она является обобщением и неразвернутым знаком».²⁸

Символы можно встретить в самых разнообразных областях жизнедеятельности и классифицировать их можно тоже по-разному. Например: научные символы, философские символы, художественные символы, мифологические символы, религиозные символы, социальные символы, идеологические символы, политические символы.

Или следующим образом: звуковые и графические (петроглиф, петрограмма, пиктограмма, иероглиф, алфавит); конкретные (символы-понятия, символы-образы) и абстрактные («невидимые идеи», символический ритуальный обряд или действие); простые и сложные.²⁹

Одной из разновидностей символа является «политический символ».

²³ Зазыкина Е.В. Политический PR: символы. М., 2003. С.20.

²⁴ Энциклопедический словарь. Т. 2. М., 1964. С. 385.

²⁵ Малый толковый словарь русского языка. Пг., 1915. С. 537.

²⁶ Лосев А.Ф. Философская энциклопедия. Т. 5. М., 1970. С. 10–11.

²⁷ Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. М., 1997. С. 151

²⁸ Лосев А.Ф. Философская энциклопедия. Т.5. М., 1965. С. 10.

²⁹ Символы, Знаки, Эмблемы / Сост. В.М. Рошаль. М., 2005. С.14.

По нашему мнению, политический символ — это знак, выполняющий коммуникативную функцию между личностью и властью. Особенностью политической символики является ее образный характер. Та рациональная информация, которая отражена в символе (например, значение используемого цвета или элементов герба), не является принципиально важной, с точки зрения политической коммуникации. Смысл символа должен быть понятен множеству индивидов интуитивно. Символ ориентирован на эмоциональное восприятие, психологическую мобилизацию индивида, является образцом важнейших политических идеалов и важнейшим средством их пропаганды и утверждения.

Не существует классификации видов и типов политических символов. Но можно попытаться выделить следующие основные виды политических символов и построить их иерархическую систему: идейные символы, персоны как символы, символы-предметы, символы-действия, звуковые символы.

Политические символы служат саморепрезентации идеологических и ценностных установок стоящих за ними политических элит. В качестве таких символических форм могут выступать исторические термины, церемонии, знаки различия и формальности. Эти знаки могут быть как унаследованы, так и изобретены, однако главное их назначение — они должны быть доступны пониманию большинства. Тот, кто стремится получить и/или удержать власть, старается заработать популярность и по возможности одобрение. Именно поэтому столь важную роль в процессе формирования политической культуры играет социальная технология производства политической символики: с одной стороны, ее утверждают «наверху», а с другой — она проходит тест на привлекательность у потенциальной аудитории (если речь идет о политических партиях, то это электорат). Следуя такой логике, изучение символов может оказаться весьма полезным, позволяя выявить идеологические установки и предпочтения политических групп.³⁰

Еще одним понятием, которое надо отделять от «знака» и «символа» является «эмблема». Точно так же как и вышеперечисленным терминам, «эмблеме» давалось множество определений и толкований, поскольку, каждый исследователь пытается выделить какую-то свою проблему или сторону в рамках общего смысла понятия.

«Эмблема (от греч. *emblema* — вставка, выпуклое украшение), условное пояснение отвлеченного понятия, идеи с помощью какого-либо изображения» — такое определение этому термину дают составители «Большой Советской энциклопедии».³¹

Однако, на наш взгляд, наиболее подходящее определение для этого термина может выглядеть следующим образом: «Эмблема — символическое обозначение понятия, идеи, общественной программы или организации, воспроизведенное посредством условного знака или изображения».

Отличие эмблемы — от знака заключается в следующем: если символ является абстрактным знаком, то эмблема — это вполне конкретное изображение фигур, то есть таких конкретных объектов, тематический диапазон которых чрезвычайно широк. Это могут быть изображения любого живого существа или любого неодушевленного предмета, или любого мифического, фантастического, сказочного существа, относительно которых имеется исторически сложившееся международное соглашение или традиция насчет формы или вида их изображения. Эмблема, следовательно, должна иметь эталонное изображение и поэтому должна обладать узнаваемостью практически интернациональной или в крайнем случае общенациональной.

---

³⁰ Елизарова. О. Образы государства и нации в политической культуре современной России. «Изобретение» нации // *Pro et Contra*. 2002. Т.7. № 3.

³¹ Тополянский В.Д. Эмблема // Большая советская энциклопедия. Т. 30. М., 1972. С.158.

Эмблема является идеей, то есть выраженной через изображение предмета или фигуры, в которых зашифровано их условное, традиционное значение, о котором существуют, общее понимание либо в масштабе целой страны, региона или всего мира, либо в масштабе более узкой географической или общественной, социальной общины.

Однако встречаются также эмблемы с узким географическим ареалом распространения, со своим специфическим значением для того или иного народа или этноса. Их появление обусловлено историческим фактором — зачастую, возникновение эмблем проходило в таких исторических условиях, их выбор, их легитимность, их значение зависели от таких конкретных национальных, географических, религиозных, сословных, а позднее — и классовых, социальных, партийных представлений и догм, что это создавало в ряде случаев нечто вроде национальных поселений или мест компактного проживания, внутри которых не только признавались одни и отвергались другие эмблемы, но и переоценивались те, что существовали в других. Это привело к изолированности, к сужению сферы распространения отдельных эмблем. С одной стороны, эта изолированность послужила основой для создания ряда национально-своеобразных, оригинальных эмблем, характерных для того или иного народа, и это было, в общем-то, положительным моментом. С другой стороны, это привело к тому, что целый ряд эмблем, изображавших распространенные во всем мире растения или животных, трактовался в каждой стране по-своему, олицетворял иное, порой диаметрально противоположное понятие. Так, репейник, национальная эмблема шотландцев, в России олицетворял никчемность; черепаха, эмблема медлительности в России, служила эмблемой мудрости в странах Африки.

Искажение или даже непонимание со стороны иностранцев какого-нибудь священного или даже общепринятого для того или иного народа символа или эмблемы воспринимается всегда и везде как тягчайшее оскорбление национальной чести и достоинства и может быть источником самых непредвиденных волнений и осложнений, ибо в защиту известной эмблемы, символа, значка всегда легче возбудить и поднять массы, нежели в защиту какого-либо абстрактного политического принципа или политической программы. Последние надо терпеливо и квалифицированно разъяснять, на что нужны время, люди и даже средства, первые же ни в каком разъяснении не нуждаются.

Поскольку эмблематика использует для создания эмблем самые обычные и разнообразные объекты, которые в одном месте, в одной стране ничего не означают, а в другой могут быть самыми священными и дорогими народу понятиями, то примерно с середины XVIII века было установлено общеевропейское, а затем в XIX веке и международное правило, требующее для отличия изображения эмблемы от любого иного рисунка делать эмблему даже реальных, а не только фантастических объектов в условно-стилизованном виде. В какой мере и в каком направлении будет идти такая стилизация и насколько широко она будет осуществляться в разработке эмблем любой страны, предоставлено решать каждой стране, каждой организации, пользующейся эмблемами, совершенно самостоятельно. Международных канонov для этого не устанавливается. Однако эта стилизация должна чувствоваться настолько ясно, чтобы при первом же взгляде на такое изображение каждый человек в любой стране мог понять, что имеет дело с эмблемой, а не с реальным рисунком конкретной фигуры или предмета. Таким образом, символы и эмблемы сильно разнятся между собой уже чисто внешне.

Обращаясь к вопросу содержательности эмблемы и символа, и можно выде-

лить следующие моменты – символ отражает, олицетворяет, как правило, высокие абстрактные понятия, будь то идеологические, религиозные, математические или музыкальные, которые трудно кратко описать или сформулировать словами. Именно это затруднение заставляет человека идентифицировать такие понятия с каким-нибудь знаком-символом, самим по себе ничего, может быть, незначимым, но легко связываемым широкими массами именно с данными абстрактными понятиями. Вот почему именно символы усваиваются столь легко и прочно идейными течениями и движениями, имеющими зачастую пестрый национальный или социальный состав, но объединяющимися вокруг как бы ничего особенно не означающего знака: христианство – вокруг креста, ислам – вокруг полумесяца.

Отсутствие у символа (знака) каких-либо других черт, помимо тех, какие ему приписывает та или иная традиция или догма, делает его крайне удобным для объединения разнородных людских масс, в отличие от эмблемы, которая может иметь несколько значений и пониматься по-разному в зависимости от различных обстоятельств.

Эмблема, таким образом, – конкретное отражение лица, идеи, содержания, существа той или иной организации или понятия, того или иного исторически существующего объекта, и при этом такое отражение достигается, как правило, всегда при помощи исторически-конкретных изображений или фигур, тесно связанных своей историей или происхождением с данным объектом. Она строго придерживается исторического факта. В символах же исторические корни глубоки и бывают скрыты различными позднейшими идеологическими наслоениями, превращены в абстрактные понятия, найти их конкретные истоки практически не представляется возможным (выяснить, например, кто и где первым использовал крест, бессмысленно и не представляется возможным), хотя и символы, как и знаки в целом, несомненно, также реальная историческая категория. Но она имеет очень древнюю историю, а потому скрыта не только временем, но и вымыслами. У эмблем же этого нет. Их историческая конкретность практически всегда можно увидеть и узнать, когда, например, были впервые введены английский лев, российский орел.

А.Ф. Лосев, сопоставляя символ и эмблему, установил что – «символ не есть эмблема, которая, впрочем, может быть не только художественной, но и внехудожественной. Эмблема – есть точно фиксированный, конвенциональный, но, несмотря на свою условность, вполне общепризнанный знак как самого широкого, так и самого узкого значения».³² Символ не имеет никакого условного, точно зафиксированного и конвенционального значения. Любая эмблема является символом, но не любой символ может быть эмблемой. Так как понятие символа, как было установлено выше, значительно шире понятия эмблемы.

Эмблема может быть выполнена художественно, и являться художественной эмблемой. Но поскольку сущность эмблемы заключается только в конвенциональном обозначении того или другого общественно-исторического или личного значения, художественность в данном случае не является обязательной, впрочем, как и символ тоже не нуждается в художественном выполнении, а может выполнять свои символические функции также и внехудожественными средствами.

Таким образом, хотя художественность часто сопутствует символам и эмблемам, в то же время не является для них обязательным условием.

А.Ф. Лосев выделил несколько типов эмблем: государственные, национальные, классовые, сословные, родовые, корпоративные, личные, «специального на-

---

³² Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1995.

значения». Все эти типы имеют присущие только им черты.

Понятия «знак», «символ», «эмблема» следует отличать от понятия «логотип». Этимологически «логотип» образован от греческих слов «logos» (слово) и «typos» (отпечаток), то есть оригинальный графический символ (изображение и/или текст), ассоциирующийся с названием страны, организации, товара, видом деятельности и т.п.

Таким образом, логотип как оригинальный графический образ может существовать не только в какой-то одной определенной области (например, в торговле), но и может использоваться самым различным образом (многие организации, города, регионы и страны³³ приняли логотип для своей идентификации). Основная задача логотипа заключается в обеспечении узнаваемости различными социальными слоями. В этом смысле он рассматривается как самый представительный и обобщенный идентифицирующий коммуникационный элемент организации, является «основной составляющей любой программы зрительной идентификации».³⁴ То есть, функциональность его заключается в идентификации (представлении) чего-либо, так как самостоятельно он не обладает значением.

Логотип не может быть сведен к простому знаку и должен восприниматься скорее как текущая система идентификации и обозначения. То есть как совокупность взаимосвязанных элементов, которые потенциально способны к изменениям.

У Альжирдас-Жюльена Греймаса есть следующая сентенция: «Образ никогда не бывает невинным».³⁵ В этом смысле, логотип подразумевает существование имплицитного (не выраженного внешне) или эксплицитного (выраженного внешне) договора между организацией и социумом. То есть он значит гораздо больше, чем просто изображение, так как рассказывает определенную историю или некоторые ее этапы организации.

Психологически появление логотипа в современной цивилизации является составной частью общей тенденции увеличения количества символов, характеризующей условия существования современного человека. Это стало возможным и объясняется способностью человека окружать себя образами, мифами, которые структурируют его способ видения мира и организуют любой его чувственный опыт, закрывая при этом чувственную реальность. Логотип, таким образом, участвует в совокупности символических и почти мифических практик, которые, как пишет Поль Рикер, «являются не баснями, а способом, с помощью которого человек устанавливает отношения с фундаментальной реальностью».³⁶

Логотип почти всегда функционирует как метонимический или метафорический образ. Это мешает организации выбрать для своей идентификации любой символ, логотип хотя и является знаком весьма условным, должен подчиняться критерию мотивации, который требует установления отношений аналогии между представляющей вещь (логотип как материальный знак) и вещью представляемой (организация). Логотипом может являться и знак, и символ (как образ), и эмблема (для конкретизации абстрактной реальности).

Логотип наделяется способностью представлять с помощью конкретных элементов абстрактную реальность (если брать во внимание политическую среду, то это могут быть ценности, идеология, программа и т.п.). В этом смысле символическая функция логотипа связана со способностью создавать эмблематическую аналогию. Он представляет собой знак, который довольно часто включает в себя различные

³³ Эльбрюин Б. Логотип / Пер. с франц.; Под ред. С.Г. Божук. СПб., 2003. С. 9.

³⁴ Там же. С.9.

³⁵ Там же. С.11.

³⁶ Эльбрюин Б. Логотип / Пер. с франц.; Под ред. С.Г. Божук. СПб., 2003. С.17.

живописные элементы (стилизованные объекты, изображения животных и т.д.), что представляет возможным зрительно воспринимать элементы реального физического мира. Тем самым логотип очень часто представляет собой синкретический язык, в котором смешиваются лингвистические (языковые) и иконические способы изложения, что меняет и мешает соответственно и способы допуска к его смыслу.

Чтобы ни представлял логотип, он является вектором передачи смысла то есть знаком, который сам по себе ничего не значит, но при этом он отсылает к другому объекту. Он имеет две стороны восприятия – материальную сторону знака – его форму, цвет, графику и концептуальную сторону знака – мысленный образ того, с чем он соотносится.

Наличие дефиниций, отражающих разные, подчас противоречащие друг другу точки зрения свидетельствуют о наличии различных подходов к изучению проблем дефиниции и семантики политического символа, о недостаточной степени осмысления этого комплексного явления.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ**М.А. Загонкин*****ТИТУЛЫ КОРОЛЕЙ АНГЛОСАКСОВ (V-XI ВВ.)**

Всякая власть, а королевская в особенности, имеет свои формы репрезентации, отражающие сущность этой власти. И если проблема королевской власти у англосаксов освещена во многих исследованиях зарубежных и отечественных медиевистов, то проблема восприятия этой власти различными слоями общества исследована в гораздо меньшей степени, а специальное изучение королевских титулов осталось несколько в стороне. Поэтому в своей работе мы ставим цель проследить развитие одной из форм репрезентации королевской власти, а именно, тех формул, которыми обозначалась таковая власть у англосаксов. В первую очередь это касается титулов англосаксонских королей, т.е. того, в какой форме короли именовали себя в различного рода документах (законах, грамотах и т.д.). Кроме того, мы приведем примеры обращения к королю представителей различных категорий населения, а также упоминаний о короле в документах VII-XI вв.

Ясно, что формула королевского титула несла в себе определенную смысловую нагрузку и отражала особенности развития королевской власти в ту или иную эпоху. При этом в таких формулах отражались сразу несколько сторон содержания титула. Во-первых, это собственно термин, который использовался для определения лица, пользующегося верховной властью у англосаксов. Во-вторых, «степень сакральности» королевской власти, то есть то, насколько священна была личность короля в глазах его подданных и самого себя. И, в-третьих, степень распространения власти короля, то есть тот народ или та территория, над которыми имел власть король. Попытаемся рассмотреть каждую из этих сторон на протяжении всего периода истории англосаксонского общества, вплоть до XI в.

Источники, освещающие самый ранний этап развития англосаксонской государственности (V-VI вв.) чрезвычайно скудны, поскольку сами англосаксы в этот период не имели письменности. Поэтому о характере верховной власти того времени мы можем судить либо по более поздним англосаксонским источникам, освещавшим события минувших дней, либо по свидетельствам современников, которые не были англосаксами, но которых в той или иной мере затронули события той эпохи.

Доподлинно нам неизвестно, каким именно термином пользовались англосаксы, вторгнувшиеся на территорию Британии, для обозначения своих предводителей. Но Беда Достопочтенный, английский историк VII в., в своем сочинении «Церковная история народа англов», описывая образ жизни древних германских племен, отмечает, что «у тех древних саксов не было короля, но было несколько вождей, управлявших своим народом; и когда начиналась какая-нибудь война, они бросали жребий, и за тем, на кого он пал, следовали и повиновались во время войны; но как только война заканчивалась, все вожди вновь получали равную власть». Одними из таких вождей (Беда использует латинский термин «dux») и являлись братья Хенгест и Хорса, первые англосаксонские правители (из племени ютов), явившиеся в 449 г. на земли Британии и начавшие их завоевание¹.

---

* Загонкин Михаил Анатольевич — аспирант кафедры истории Древнего мира и Средних веков Московского государственного областного университета

¹ Beda Venerabilis. *Historia ecclesiastica gentis Anglorum*, I, 15// Bede's Ecclesiastical History of the

Англосаксонская хроника, охватывающая весь исследуемый период истории Англии, но первоначальное ядро которой, скорее всего, было записано в конце IX в. на основе более ранних сочинений (Гильдаса, Беды, местных монастырских анналов), также называет братьев вождями². Однако под 455 г. летопись рассказывает, что «Хорса был убит, и королевская власть (*regnum*) досталось Хенгесту и его сыну Эску», а под 488 г., что «Эск наследовал королевскую власть и тридцать четыре года был королем народа Кента»³. Таким образом, уже на самом раннем этапе формирования англосаксонских государств правитель уже именовался королем (*rex*), т.е. не простым предводителем дружины (вождем), а повелителем народа на захваченных землях. Термин «*dux*» в качестве титула верховного правителя исчезает из обихода, и лишь однажды проявляется у Беды, когда тот называет короля Пенду (632-654) «языческим вождем мерсийцев».

Беда называет королями (также используя при этом латинский термин «*rex*») первого правителя южных саксов Эллу (477-514), правителя западных саксов Кевлина (560-591) и, тем более, правителя Кента Этельберта (568-616)⁴. Папа Григорий в своем письме к королю Этельберту, приведенном в сочинении Беды, также называет ранних правителей англосаксов королями: он желает правителю «превзойти древних королей вашего рода»⁵. Следует отметить, что отныне во всех королевских законах и грамотах рядом с именем правителя обязательно ставилось слово «король» (германские «*cyning*», «*cyng*» или латинское «*rex*»).

Все правители вплоть до X в. именовались королями того или иного народа: например, Элла — король южных саксов (*rex Australium Saxonum*), Кевлин — король западных саксов (*rex Occidentalium Saxonum*), Этельберт — король народа Кента (*rex Cantuariorum*)⁶. Это в полной мере отражало реалии того времени, когда на территории Британии обосновались различные англосаксонские племена, образовавшие к началу VII в. семь королевств. Каждое из них имело своего короля.

Вышеуказанное письмо папы Григория интересно и в другом отношении. Начинается оно словами: «Славнейшему господину и достойнейшему сыну нашему Этельберту, королю англо» (*Domino gloriosissimo atque praecellentissimo filio regi Anglorum*)⁷. При этом в письме папа трижды использует оборот «*vestra gloria*» («ваша слава», «ваше величество»), утвердившийся в обращениях понтификов и к более поздним королям англосаксов⁸. Таких пышных титулов не удостоивался прежде ни один из англосаксонских королей. И этому есть понятное объяснение. Дело в том, что Этельберт, первым из королей англосаксов принял христианскую веру и крестил свой народ (601 г.).

Именно с этого момента начинается союз светской и духовной власти на территории англосаксонских королевств. И уже с того времени церковь, получающая щедрые земельные пожалования от короля, начинает проводить идею о том, что королевская власть даруется Богом. В письме папы Григория к Этельберту содер-

---

English People/ Edited by V. Colgrave and R.A.V. Mynors. — Oxford, 1992. Далее сочинение цитируется с указанием номера книги и главы. Русский перевод: Беда Достопочтенный. Церковная история народа англо / Перевод с латинского В.В. Эрлихмана. — СПб., 2001. Далее перевод по этому изданию.

² The Anglo-Saxon Chronicle, a.449// English Historical Documents. — L., 1955. Далее хроника цитируется с указанием года

³ Ibid. a.455, 488

⁴ Ibid. II, 5.

⁵ Ibid. I, 32.

⁶ Beda Venerabilis. Historia, II, 5.

⁷ Ibid. I, 32.

⁸ Ibid. II, 17; III, 29.

жаты следующие строки: «...и присоедините к его трудам власть, возложенную на вас Господом...»⁹. Папа Гонорий писал королю Нортумбрии Эдвину (616–633): «Вы знаете, что являетесь королем только потому, что веруете в вашего Господа и Создателя, ... и служите Богу нашему с чистым сердцем»¹⁰. Описывая жизнь «святейшего и победоноснейшего короля нортумбрийцев» Освальда (634–642), Беда говорит, что тот «получил от Единого Бога... большее земное царство (*regnum terrarum*), чем было у всех его предков»¹¹. А «славнейшему господину, сыну нашему Освиу, королю саксов» епископ Виталиан писал, что «вы поистине являетесь наместником Господа нашего Иисуса Христа»¹².

Идея о божественном происхождении королевской власти имела место еще в дохристианский период истории англосаксов. Короли возводили свое происхождение к языческим богам, в основном к Водану (Одину) — верховному богу германского пантеона, повелителю царей — и свидетельством их божественного происхождения должны были послужить военные успехи. Ненний, а за ним и Беда приводят длинные родословные англосаксонских вождей, в начале которых стоит верховный бог германцев. Англосаксонская хроника также говорит, что «от Водена произошла вся наша королевская семья». Однако по языческим понятиям происхождение от божественных предков еще не давало конунгам права на управление народом¹³. Христианское духовенство же, по словам А.Г. Глебова, «проповедовало идею о божественной природе королевской власти, которая коренным образом отличалась от осмысления сакрального характера власти конунга у англосаксов-язычников»¹⁴. Церковь внедряла в сознание народа формулу «король милостью Божьей» (*rex gratia Dei*) как необходимый элемент королевского авторитета.

В англосаксонских законах впервые обоснования на «данную Богом» власть встречается в «Законах Инэ» (короля Уэссекса конца VII в.), который в преамбуле к своим законам именуется так: «Я, Инэ, Божьей милостью король западных саксов» (*Ine, mid Godes gife, Wesseaxna kyning*)¹⁵. Также в это время формула «*rex gratia Dei*» встречается в королевских дарственных грамотах¹⁶. Мы находим ее в грамотах Оффы, Этельберта, Альфреда, в сочинении Ассера¹⁷.

В середине VIII в., в правление короля Оффы в Мерсии, светская церемония возведения короля на престол была дополнена религиозным обрядом «помазания» на царство и вручением новому королю соответствующих атрибутов власти. Однако о том, как осуществлялась церемония «помазания» в Англии до X в., нам практически ничего не известно, т.к. самое раннее описание этой церемонии содержится лишь в источнике, датированном 973 г.¹⁸

Среди историков нет единого мнения относительно церемонии помазания.

⁹ Ibid. I, 32.

¹⁰ Ibid. II, 17.

¹¹ Ibid. III, 6.

¹² Ibid. III, 29.

¹³ Савело К.Ф. Раннефеодальная Англия. — Л., 1977. С. 49.

¹⁴ Глебов А.Г. Англия в раннее средневековье. — Воронеж, 1998. С. 161.

¹⁵ Ine, prol.// *The Laws of the Earliest English Kings*. Ed. and transl. by F.L. Attenborough. — New York, 1963.

¹⁶ *Cartularium Saxonum*, a collection of charters relating to Anglo-Saxons history. — L., 1885. Vol. I. №205, 208, 226, 230, 239.

¹⁷ Asser's life of king Alfred. Ed. by W.H. Stevenson. — Oxford, 1904. P. 32.

¹⁸ *Promissio Regis*// *The Laws of the Kings of England from Edmund I to Henry I*. Ed. and transl. By A.J. Robertson. — Cambridge, 1925.; Ward P.L. The coronation ceremony in medieval England. — «*Speculum*», 1939, vol. XIV, №2, p. 160-178.

Одни усматривают ее истоки в кельтских и североанглийских традициях, другие объясняют ее введение тем, что в правление Оффы, когда устанавливаются личные связи мерсийского правителя с Карлом Великим, этот обряд якобы и был принесен в Мерсию, а затем в Нортумбрию и Уэссекс¹⁹. Важно, что представления о короле как о помазаннике Божьем в Англии, как и во всей Европе, создавали идеологическую базу для складывающихся отношений подданства и возрастанию претензий королей на верховную власть и осуществление гражданского управления²⁰.

В XI в. формула «*rex gratia Dei*» закрепляется юридически: в VIII кодексе Этельреда Нерешительного (979-1016) было впервые открыто декларировано, что король является заместителем Бога в своем королевстве²¹. Таким образом, установление Этельреда приравнивает послушание королю с исполнением религиозного долга. Законы Кнута (1016-1035) среди первейших обязанностей подданных называют соблюдение верности Церкви, а короля Кнута следовало «любить с должной верностью»²².

По словам А.Г. Глебова, «привнесение церковью новых элементов в восприятие статуса короля и его власти способствовало изживанию еще сохранявшихся архаичных представлений о короле и, наоборот, укреплению тех правовых интерпретаций его личности и функций, которые были связаны с идеей монарха-суверена»²³. Неслучайно в праве X-XI вв. прослеживается стремление законодателей увязать необходимость почитания единого Бога с требованием повиноваться одному королю и указания на то, что нарушения этих установлений являются самыми тяжкими преступлениями²⁴.

Отдельный интерес у историков вызывает термин «бретвальда» (*bretwalda*, *brytenwalda*), который переводится как «правитель Британии». Англосаксы понимали под Британией некельтские районы острова. Беда называет семерых правителей, «обладающих верховной властью» — короля южных саксов Эллу, короля западных саксов Кевлина, короля Кента Этельберта, короля восточных англвов Редвальда, королей нортумбрийцев Эдвина, Освальда и Освиу.²⁵ В VIII в. титул бретвальды перешел к мерсийским королям, а в IX-X вв. — к правителям Уэссекса. Слово «бретвальда» употреблялось по отношению к королям, гегемония которых признавалась другими англосаксонскими правителями²⁶. В подобном смысле использовались выражения «король англвов» или «король саксов», а также латинское слово *imperator*. Например, Беда употребляет слово *imperium*, то есть «верховная власть». В отношении «могущественнейшего короля» Этельберта Беда говорит, что тот «властвовал над всеми народами англвов (*Anglorum gentibus imerabat*)»²⁷. Папы в письмах к сильнейшим правителям также титуловали их «королями англвов» или «королями саксов»²⁸. Так, папа Бонифаций в своем послании называл Эдвина «славнейшим королем англвов»

---

¹⁹ John E. *Orbis Britanniae*. — Leicester, 1966, p. 28-35; Schraman P.E. *A history of English coronation*. — Oxford, 1937, p. 19.

²⁰ Корсунский А.Р. *Образование раннефеодального государства в Западной Европе*. — М., 1963. С. 174.

²¹ VIII *Aethelred*, 2, 1.

²² I *Canute*, 1.

²³ Глебов. *Англия в раннее средневековье*, с. 166.

²⁴ V *Aethelred*, 1; VIII *Aethelred*, 44; I *Canute*, 1.

²⁵ *Beda Venerabilis. Historia*, II, 5.

²⁶ John E. *Orbis Britanniae*, p. 22-23.

²⁷ *Beda Venerabilis. Historia*, II, 3.

²⁸ John E. *Orbis Britanniae*, p. 14-15, 17.

(rex Anglorum)²⁹.

На ранних этапах англосаксонской истории термином «бретвальда» обозначался глава военного племенного союза, который занимал положение своего рода «короля королей»³⁰. Бретвальда осуществлял военное предводительство, но не обладал политической властью³¹. Однако уже в VII-VIII вв. бретвальды присваивают права сбора дани с подвластных королей³². Кроме того, начинает складываться представление о политическом верховенстве бретвальды в союзе.

Консолидация англосаксонских племен под главенством Уэссекской династии оказало большое влияние на формулу королевского титула. Во времена короля Альфреда Великого (871-900) для обозначения главы объединенного государства все еще использовались старые выражения «король англов и саксов» или «король англов и других земель», на монетах – «король англов», отражавшие принадлежность правителя к конкретной племенной группе. Хронист, сообщая о смерти Альфреда, говорит о нем как о правителе «всего англского племени». Однако вскоре эти старые выражения утрачивают племенной характер и ассоциируются с определенной территорией.

Уже Ассер, биограф Альфреда, называет его правителем всей христианской Британии, дружбы которого домогались князя Уэльса³³. По сути, Альфред признавался единственным правителем всех англосаксонских территорий, не занятых датчанами.

Эдвард (900-925), сын Альфреда, в предисловии к своим законам именуется уже просто «король», без упоминания названия управляемого им народа³⁴, и это подразумевало тот факт, что надобность в этом попросту отпала.

Со времени правления Этельстана (925-939) в хартиях, оформлявших земельные пожалования, появляются так называемые «имперские титулы», применяемые к англосаксонским королям: монарх всей Британии (*monarchus totius Britanniae*), император всего Альбиона (*imperator totius Albionis*)³⁵. Тогда же впервые появляется понятие «королевство Англия» (*kinedome of Engelonde*), а сам Этельстан именуется «король Англии милостью Божьей»³⁶. Эдред называет себя «королем англосаксов и цезарем всей Британии Божьей милостью»³⁷, а также базилевсом³⁸.

В X в. королевская власть у англосаксов находится на пике своей силы, что отразилось на законодательстве того времени. Согласно предписанию короля Эдмунда (940-946), каждый свободный человек должен был присягнуть ему в верности так, как будто он присягал своему глафорду (лорду)³⁹. Иногда и сам король именуется в источниках «нашим глафордом»⁴⁰. В грамотах того времени король иногда называется своими тэнами «моим дорогим лордом» (*minan leofan leord (hlaforde)*)⁴¹.

Идея повиновения королю как носителю высшей власти, который вправе

²⁹ Beda Venerabilis. Historia, II, 10.

³⁰ Савело. Раннефеодальная Англия, с. 76.

³¹ John E. Orbis Britanniae, p. 4-5.

³² Ibid. P.12.

³³ Asser's life of king Alfred, p. 66.

³⁴ Edward, prol.

³⁵ II Aethelstan, prol., 1; VI Aethelstan, 11; I Edmund, 2; V Aethelred, 1.

³⁶ Robertson A.J. Anglo-Saxon charters, XXIII, XXV. – Cambridge, 1956.

³⁷ Ibid. XXX.

³⁸ Ibid. XLIII, XLV.

³⁹ I Edmund, 1.

⁴⁰ V Aethelred, 1,1.

⁴¹ Robertson A.J. Anglo-Saxon charters, XXVII, XXXV, XXXVIII.

приказывать и требовать выполнения своих повелений, становится общим местом всех сборников законов X-XI вв. Так, в законах Этельреда всем свободным без исключения предписывается хранить верность и повиноваться «одному королю»⁴².

Завоевание Англии данами в начале XI в. внесло свои коррективы в формулировку королевского титула. Так, король Кнут, правивший, помимо Англии, огромными территориями на севере, именовал себя в законах «король всей Англии, Дании, Норвегии и части Швеции» (*rex totius Angliae et Denemarciae et Norreganorum et partis Svanorum*)⁴³. При этом он, как никто до него из королей англосаксов, пользовался наибольшим количеством разнообразнейших титулов: «король англов и всех народов Альбиона» (*rex Anglorum et cunctigenarum Albionis populorum*), «монарх всех англов» (*totius Anglorum monarchus*) и т.п. Среди его титулов встречаются такие, как император, базилевс, правитель (*gubernator, rector*)⁴⁴.

Однако после смерти Кнута и его сыновей северная империя распалась, и уже Эдуард Исповедник (1042-1066), последний король Уэссекской династии, именовал себя более просто: «Король и правитель Англии милостью Христа»⁴⁵.

Подводя итоги, можно сказать, что имела место определенная эволюция формулы королевского титула у англосаксов, прошедшая следующие этапы. На самом раннем этапе англосаксонской истории (V-VI вв.) предводитель дружины, наделенный верховной властью, именовался вождем (*dux*) до тех пор, пока не становился правителем народа, поселившегося на территории, захваченной у племен бриттов. Тогда вождь начинал именоваться королем (*cyng, cyning, rex*). С усилением королевской власти в X в. появляются так называемые «имперские титулы» (*monarchus, imperator, basileus*), отражающие восприятие власти короля как суверена — лица, имеющего верховную власть в силу своего титула. Этому способствовало активное внедрение церковью формулы «король милостью Божьей», появившейся уже в VII в. и юридически закреплённой в XI в., а также введение в VIII в. церемонии помазания на царство. И последний момент. Если первоначально правитель именовался королем какого-либо народа (восточных англов, западных саксов, мерсийцев, нортумбрийцев), то в результате процесса консолидации англосаксов сперва появилось понятие бретвальда (правитель Британии), обозначающее короля государства, бывшего гегемоном на данный момент; затем короли Уэссекса, под властью которых были объединены англосаксонские племена, перестали прибавлять к своему титулу название управляемого им народа; и наконец, в X в. появилось название государства — «Англия», королями которой и стали называть себя позднейшие правители англосаксов.

---

⁴² IV Aethelred 1,1.

⁴³ Canute, prol.

⁴⁴ *Diplomatarium Danicum. Ser. I, vol. I. Ed. by C.A. Christensen. — Kobenhavn, 1975, №384, 385, 386, 388, 395.*

⁴⁵ Robertson A.J. *Anglo-Saxon charters*, XLVI.

ВКЛАД АНГЛИЙСКОГО КУПЧЕСТВА В РАЗВИТИЕ ГЕОГРАФИИ

В XVI в. особенно важную роль в жизни английского общества играло купечество. Купцов могли презирать или уважать, но факт оставался фактом: для Англии купцы были источником большого числа различных благ и богатств. Несмотря ни на что они отправлялись в далекие путешествия, которые всегда таили в себе множество опасностей, тем более что XVI столетию только предстояло раскрыть массу неизвестных мореплавателям путей.

Купец действительно был не только торговцем, но и путешественником. Это хорошо проиллюстрировал Люсьен Февр в своей статье «Торговец XVI столетия». Он вспоминает автора «Ста новых новелл», который в девятнадцатой новелле выводит одного лондонского купца, «движимого горячим желанием повидать свет и испытать на собственном опыте многое из того, что происходит в подлунном мире», запасшись большим количеством наличных и товаров он покидает свой дом и пять лет проводит в странствиях, после чего возвращается домой к жене, но вскоре, охваченный тоской по бродячей жизни, он снова «возмечтал о приключениях в чуждальних краях как христианских, так и сарацинских и пребывал там ни больше, ни меньше как десять лет, прежде чем жена его снова увидела». То было возвращение на короткое время, потому что даже после двух столь долгих отлучек «он все еще не пресытился странствиями» – и снова пустился в путь.¹

Но купец был не просто торговцем и праздным путешественником. Он был еще и исследователем. Вот как, например, Горсей оценивал круг своих исследований: «Я счел полезным посредством повести или трактата ... изложить для вас мои добрые друзья все то, что вы жаждали узнать о моих наблюдениях во время путешествий, служб, о самых редких и значительных явлениях в известных странах и королевствах ... Европы и Скифии, а именно России, Московии, Татарии со всеми примыкающими к ним территориями и государствами – Польше, Трансильвании, Литве и Ливонии; ... Столицы и главные торговые города, ... их предметы потребления, их университеты, старинные памятники, их климат и расположение, их право, язык, религию, природный нрав их людей – все это я предполагаю изложить в четырех отдельных и особых трактатах». Сами неплохо образованные, купцы стали для англичан источником знаний о мире. Знания купца были не только в его богатстве, как язвительно замечал Чесер:

Он был богат и потому считали
Все умником его и почитали.²

Можно сказать, что тогда образование купца мало отличалось от дворянского образования. Купеческие дети могли обучаться в Кембридже, а могли получать домашнее образование. К тому же у одного из купцов, судя по его завещанию, как указывает в своей статье «Социально-психологическая характеристика английского купечества в XV-XVI вв.» А.А. Кириллова, была библиотека из 80 книг, что показательно, т.к. у того самого Чесера была такая же по численности библиотека. В основном образование сводилось к изучению латыни и древнегреческого, а также к чтению христианских авторов, но и изучение светских наук набирало обороты.

* Дмитренко Ирина Викторовна - аспирант кафедры истории Древнего мира и Средних веков Московского государственного областного университета

¹ Февр Л. Торговец XVI века // Бои за историю. М., 1991. С. 221

² Чесер Д. Кентерберийские рассказы. М., 1980.

Наиболее ярко вклад, внесенный купцами в дело развития науки, отражает развитие географии.

Как таковая география начала развиваться еще в эпоху античности, а задачи ее сводились к расширению пространственного кругозора. Так как география развивалась в системе философии, которая рассматривала мир в его природном единстве, то и человек с его деятельностью входил в сферу географии. Римские завоевания принесли заказ на историко-страноведческое описание и математическую географию, т.к. обострилась необходимость измерения расстояний и межевания земель.³

Средневековые основным стимулом для познания далеких стран сделало паломничество, миссионерство и крестовые походы. Но даже в этих своеобразных путешествиях больше внимания уделялось описанию нравов и обычаев народов, чем географическим фактам.

Новый виток развития описательной географии принес период великих географических открытий. Однако в XVI в. еще не было попыток свести в единую систему вновь полученные знания.⁴

Существенным толчком для развития мореплавания стало появление и усиление Османского государства на старых торговых путях, а, следовательно, появилась необходимость искать новые пути в Индию, а также в Китай.

В конце XV в. англичане начали разрабатывать идею поиска северо-западного пути в Китай и Индию. Большую активность в организации экспедиций с целью открытия и исследования новых земель проявили бристольские купцы. В 1480 г. один из них Джон Джэй стал инициатором экспедиции по поиску острова Бразилии, но, выйдя 15 июля 1480 г. из Бристоля, Джон Джэй уже в сентябре был вынужден вернуться обратно из-за сильнейшей бури. Затем бристольские купцы наняли венецианского моряка Джона Кабота, которому удалось 24 июня 1494 г. достичь берегов Северной Америки.

Путешествие, во время которого англичане познакомились с Россией, тоже началось как экспедиция по поиску пути в Китай. Она была снаряжена по инициативе Себастьяна Кабота, который к тому времени уже успел обосноваться в Англии (переселился в Англию в 1547 г.). Он предложил создать «общество купцов-предпринимателей для открытия стран, земель, островов, государств и владений неведомых и даже доселе морским путем не посещаемых». Для того чтобы совершить это плавание северо-восточным путем англичанам необходимо было обогнуть Норвегию. Но дело в том, что этого они еще не делали. Хорошо эти пути знали только русские мореплаватели, контактов с которыми пока не было, зато были сведения оставленные об этом пути Герберштейном. Однако немец сам не ходил в тех местах, а почерпнул сведения из рассказов русских мореплавателей и многое из того, что он оставил, было сильно искажено и не могло использоваться английскими купцами в качестве инструкции.⁵ Из этой экспедиции только один корабль сумел дойти до места будущей бухты Св.Николая и с того момента началось знакомство англичан с Россией, через которую они смогли найти сухопутный путь в Персию. Однако мыслей о пути в Китай и Восточную Индию купцы не оставляли и экспедиции снаряжались еще не один раз.

К этому первому путешествию были даны очень подробные указания о том, что надлежит делать во время всего мореплавания, как вести себя с людьми, которые встретятся в пути, как вести записи. Пункты этих указаний показывают нам купцов как лю-

---

³ История географии как науки. // [http://teory.narod.ru/history.htm#_\(Развитие_географии\)](http://teory.narod.ru/history.htm#_(Развитие_географии))

⁴ История географии как науки // [http://teory.narod.ru/history.htm#_\(Развитие_географии\)](http://teory.narod.ru/history.htm#_(Развитие_географии))

⁵ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М., 1937 // <http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Jenkinson/vved.phtml?id=417>

дей искусных в мореплавании, а не только в торговле: «Купцы и другие лица искусные в написании должны ежедневно составлять записи, описывать и запечатлевать в памяти плавание каждого дня и ночи с отметками и наблюдениями над землями, приливами и отливами, стихиями, высотой солнца и движением луны и звезд».⁶

Артуру Пэту и Чарльзу Джекмену, которые отправлялись в экспедицию «для открытия Китая в 1580 году», дается множество наставлений, среди которых и указания составить карту всего путешествия, для чего каждому из них выдается по одному листу, а Ричард Хаклюйт советует им привезти карту той страны (т.е. Китая), «ибо таким образом у вас будет полное ее описание, что имеет большое значение»⁷. Все наставления были даны с учетом уже имевшихся сведений о северо-восточном пути. Да и Пэту с Джекменом этот путь был уже известен так как они находились в составе первой экспедиции 1553 г. и доплыли до бухты Св.Николая. Наставления Хайклюдта особенно интересны. Он дает много указаний относительно островов и проливов, если такие встретятся, во многом это не только указания полезные для торговли, но и полезные для развития географии. Например, «относительно островов следует отмечать высокие ли они или состоят из низких земель», «если существует пролив для прохода в Скифское море, то описывать его следует с большим вниманием... следует нанести на карту высоту солнца, высоки ли или низменны его берега, какие поблизости существуют гавани, длину проливов и всякие иные острова»⁸. Надо отметить, что отец Ричарда Хаклюйта был мелкопоместным дворянином, который занимался скорняжным делом и торговлей мехами, а после смерти отца опекуном Р. Хаклюйта стал его двоюродный брат Ричард Хаклюйт-старший, который в свою очередь был тесно связан с купцами Московской торговой компании⁹. Сам же Ричард Хаклюйт-младший не был купцом, но именно благодаря его научной, поисковой и издательской деятельности до наших дней сохранилось большое количество записей о морских путешествиях.

Надо сказать, что северо-восточный путь в Китай так и не был найден. Путешествие Пэта и Джэкмана не принесло ничего нового, хотя нельзя отрицать его известную роль в обогащении Западной Европы новыми географическими сведениями. Пройдя за Вайгач, Пэт и Джэкман убедились лишней раз в невозможности на парусных судах XVI в. двигаться в Карском море, покрывшемся льдами уже в конце июля. Английским морякам пришлось повернуть назад, ограничившись только более обстоятельным обследованием Баренцева моря: обогнув о. Колгуев с юга, Пэт и Джэкман прошли вдоль мурманского и норвежского берегов обратно в Англию.

Купцы Томас Соутем и Джон Спарк, открыли «путь водою от города Холмогор через западный конец бухты Св.Николая до города Новгорода в России с прибавлением некоторых подробностей, касающихся пути и расстояний в милях»¹⁰. Действительно путь, описываемый этими двумя купцами, предстает в мельчайших подробностях вплоть до указания ручейков. Язык их отчета сухой и деловой, но эта сухость и деловитость показывают глубину важности всякой возможности установить торговые пути и связи между Белым и Балтийским морями, которое для их кораблей было так мало доступно в это время, в особенности в связи со сложной борьбой за

⁶ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Л., 1938. С. 30.

⁷ Там же. С. 140.

⁸ Там же.

⁹ Кириллова В.М. К вопросу о колониальных воззрениях Ричарда Хаклюйта-младшего // Генезис капитализма в позднее средневековье в Англии и Германии. М, 1979. С. 88.

¹⁰ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Л., 1938. С. 88.

Балтику между Данией, Швецией, Польшей, Ливонией и Московией¹¹. Они дают очень ценные для купцов сведения по перевозке грузов, а связаны эти сведения с не менее ценной информацией о природных особенностях: «Товары должны быть высланы из Новгорода к 6 января с тем расчетом, чтобы они были в Сумах к Сре-тению, ибо если товары задержаться в дороге до 15 февраля, когда солнце начинает греть, то дело может принять опасный поворот. Лед на глубоких озерах Ладожском и тем более Онежском трескается, и если вдруг наступит неожиданная оттепель ... то эти озера вскрываются и лед в них ломается, что влечет за собой гибель людей ... а между тем реки долгое время и после того остаются замерзшими»¹².

Расставшись с мечтой о северо-восточном морском пути, английские купцы, тем не менее, не расстались с мечтой об Индии. В задачи дипломатических миссий Энтони Дженкинсона 1557 г. и 1561 г. входил поиск юго-восточного пути в Индию и Китай, который явился бы альтернативой северо-восточному пути. Дженкинсон был просто «находкой» для английского купечества. За свою жизнь он побывал практически во всех странах Западной Европы, Средиземноморья, Ближнего Востока, был в Лапландии, России, Персии, на Кавказе, в Крыму. Ему выпала честь быть первым западноевропейским путешественником, описавшим побережье Каспийского моря и Среднюю Азию. Результатом стала самая подробная на тот период карта России, Каспийского моря и Средней Азии, изданная в Лондоне в 1562 г. под названием «Описание Московии, России, Татарии»¹³. Затем она вошла в самый первый географический атлас, изданный Абрахамом Ортелием в 1570 г. Этот атлас предлагал взять с собой в путешествие Пэту и Джекмену Ричард Хаклюйт, считая его отличным подарком иностранному государю.

Дженкинсон довольно скептически отзывался о возможностях торговли в Средней Азии: «Ведется здесь торговля, но в таких малых и ничтожных размерах, что не стоит и упоминать»¹⁴. В связи с этим он настаивал на прямых контактах с Персией, где он нашел благоприятные условия для вывоза шелка и других экзотических товаров. Ему удалось воплотить в реальность мечту купцов Московской компании, которые мечтали связать Северный морской, Волжский и Шелковый пути, тогда как португальцам приходилось покупать шелк в Персидском заливе, добираясь туда вокруг Африки.

Итак, английским купцам не удалось открыть для себя северо-западный морской путь, но была организована первая английская колония в Новом Свете. Им не удалось отыскать северо-восточный путь, зато они вышли за остров Вайгач и провели подробные исследования в Баренцевом и Карском морях. Результатом поиска северо-восточного пути стало открытие англичанами пути к персидским товарам и самое важное составление карты России Энтони Дженкинсоном. Купцы оставили нам интереснейшие воспоминания о нравах и обычаях народов и племен, с которыми они встречались. В эпоху зарождения капитализма, в то время когда торговля становится определяющей деятельностью в жизни общества, именно купец становится самым заинтересованным в новых открытиях лицом. И английское купечество безусловно вносит большой вклад в развитие представлений о мире.

---

¹¹ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М., Соцэкгиз. 1937 // <http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Jenkinson/vved.phtml?id=417>

¹² Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Л, 1938. С. 88.

¹³ Сотин А.Б. Энтони Дженкинсон: англичанин эпохи Возрождения в землях Востока // <http://www.kreml.ru/ru/main/science/conferences/2003/Russia-Britain/thesis/Sotin/>

¹⁴ Энтони Дженкинсон Путешествие в Среднюю Азию <http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Jenkinson/text22.phtml?id=420>

ИЗДАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ПАУЛЯ ОДЕРБОРНА

Московское государство долго не обращало на себя внимания Западной Европы. Только со второй половины XV в., времени, когда в основном завершается образование единого государства на северо-востоке России, начинают устанавливаться более или менее постоянные отношения с некоторыми западноевропейскими государствами. Поэтому с конца XV в. стали появляться заметки и сочинения о Московии иностранцев, которые побывали в Московском государстве.

В Европе к началу XVI в. почти ничего не знали о Московской Руси. Положение изменилось в 1525 г. В этом году были завершены три трактата, специально посвященные Московской Руси, – голландца Альберта Кампенского, немца Иоганна Фабри, итальянца Павла Йовия.¹

XVI в. представлен сочинениями М. Меховского, С. Герберштейна, А. Кампезе, П.И. Новокомского, Р. Ченслера, А. Дженкинсона, А. Гваньини, Я. Ульфельда, Кобенцеля, А. Поссевина, Дж. Боуса, Дж. Горсея, Дж. Флетчера, И. Давида, П. Одерборна и другими авторами.

Для большей части иностранцев, писавших о России в XVII в. и даже во второй половине XVI в., источником служили сочинения прежних путешественников, ездивших в Московию. Особенно много встречается заимствований из Герберштейна. Компильторы выписывали из их сочинений известия целыми страницами без всякого разбора, не обращая внимания на время, к которому относились заимствуемые известия.

Какой интерес представляют для изучения отечественной истории записки иностранца о чужой для него стране?

Сочинения иностранцев о быте и нравах бедны положительными оценками. В этих сочинениях много места личным уделяется мнениям самих писателей. Внешние явления, общественный порядок – вот что с наибольшей полнотой мог отразить посторонний наблюдатель, например, подробные географические описания Московского государства, дипломатические обычаи. С этой точки зрения записки иностранца могут служить важным дополнением к отечественным историческим источникам, что часто отмечалось в исторической литературе.

Однако не все записки иностранцев о России до настоящего времени изучены. В частности, почти не уделялось внимания сочинениям Пауля Одерборна ни в отечественной, ни в зарубежной историографии. Причем, остаются не выясненными даже все публикации его произведений.

Предметом исследования данной статьи является рассмотрение этого вопроса.

О жизни Пауля Одерборна сохранились весьма скудные известия. Так, даже не сохранились свидетельства о дате его рождения. Известно, однако, что Пауль Одерборн родом из Померании, учился в Ростоке, 18 октября 1587 г. стал магистром богословия. Затем служил пастором в Риге, в Ковно (Каунас). Умер он в 1604 г.

Пауль Одерборн автор двух сочинений, посвященных Московии: «Религия и обычаи Московии» (1582 г.), «Житие Иоанна Грозного» (1585 г.). Сам он не был в Московии и писал свои сочинения не по собственным наблюдениям. Рукописи обеих работ Пауля Одерборна не сохранились. Отсюда большее значение приобре-

* Лукьяненко Наталья Александровна – аспирант кафедры истории Древнего мира и Средних веков Московского государственного областного университета

¹ Кудрявцев О.Ф. Жизнь за царя // Иностранцы о России. – М.: 1997. С.7.

тают их публикации.

Первое издание «Религии и обычаев Московии» относится к 1582 г. Текст написан на латинском языке. Работа над сочинением вероятно была завершена в 1582 г. и, в этом же году оно было издано в Лейпциге.² Затем это сочинение издавалось в XVI, XVII, XIX вв. Следующее издание этого сочинения датировано 1589 г. Работа Пауля Одерборна была опубликована в книге М. Неандера.³ Эта книга была издана в Лейпциге. В 1597 г. она была переиздана и, следовательно, можно отметить, что в этом году увидело свет третье издание сочинения Пауля Одерборна «Религия и обычаи Московии» опубликовали.⁴ Все указанные издания XVI века этого сочинения не отличаются друг от друга по содержанию. Они не содержат ни примечаний, ни комментариев. Переводы его на другие языки неизвестны.

Четвертое издание работы Пауля Одерборна «Религия и обычаи Московии» состоялось в 1630 г.⁵ То же самое можно следует сказать и о самой последней публикации, которую осуществил в 1842 г. А. Старченский. Последующее переиздание сочинения «Религия и обычаи Московии» состоялось в 1842 г.⁶ Это издание не отличалось от предыдущих изданий.

Таким образом, можно отметить, что сочинение Пауля Одерборна «Религия и обычаи Московии» известно только в одной редакции.

Сочинение Пауля Одерборна «Житие Иоанна Грозного» впервые было опубликовано в 1585 г. на латинском языке в Виттенберге.⁷ В 1588 г. увидел свет его немецкий вариант.⁸ Какой из этих текстов – латинский или немецкий – является первоначальным авторским текстом, а какой переводом, неизвестно. Следующее издание на немецком языке было осуществлено в 1596 г.⁹ Оно не отличается от первого издания. Все три издания не содержат ни комментариев, ни примечаний.

В 1600 г. во Франкфурте снова был опубликован латинский текст «Жития Иоанна Грозного».¹⁰ Это издание на латинском языке идентично первому изданию.

В 1698 г. в Эрфурте в третий раз было издано сочинение «Житие Иоанна Грозного» на немецком языке.¹¹ В отличие от предыдущих изданий оно содержит и примечание, и алфавитный указатель. Можно предположить, что примечания к изданию составил Х. Кюне. Из предисловия следует, что это этот текст является и переводом с латинского языка. Автором перевода был Х. Кюне. Этот немецкий перевод отличается от немецкого издания XVI в.

В 1842 г. вновь было переиздано на латинском языке сочинение «Житие Иоанна Грозного».¹² Второе издание 1842 г. на латыни не отличается от предыдущих

---

² Oderborn P. De Russorum religione et ritibus...-Leipzig, Zamberg: 1582.

³ Oderborn P. De Russorum religione et ritibus // Neander M. Orbis terra partium succincta explicatio. Lipsiae: 1589.

⁴ Oderborn P. De Russorum religione et ritibus // Neander M. Orbis terra partium succincta explicatio. Lipsiae: 1597.

⁵ Oderborn P. De Russorum religione et ritibus ...// Respublica Moscovia et urbes. : 1630.

⁶ Historiae Ruthenicae Scriptores Exteri sacculi XVI/ Ed. A. de Starzenshi. Vol. II. Rerolini et Petropoli. MDCCXLII: 1842.

⁷ Oderborn P. Joannis Baslidis Magni Moscovia ducis vita. - Wittenberg: 1585.

⁸ Oderborn P. Wunderbare, Erschreckliche, Geschichte...- Gorlitz: gedruckt bes Ambrosio Fritsch, 1588.

⁹ Oderborn P. Wunderbare, Erschreckliche, Geschichte...- Gorlitz: gedruckt bes Ambrosio Fritsch, 1596.

¹⁰ Oderborn P. Joannis Baslidis Magni Moscovia ducis vita. - Francofurti: 1600.

¹¹ Oderborn P. Des Grausamen Tyrannen Johannis Basilidis, sonst Iwan Wasilowitz gennant gewesenen Tzaars in der Mosckau, Leben und Thaten. – Erfurt: 1698.

¹² Historiae Ruthenicae Scriptores Exteri sacculi XVI/ Ed. A. de Starzenshi. Vol. II. Rerolini et Pet-
154

изданий на латинском языке.

Переиздание сочинений Пауля Одерборна «О религии и обычаях Московии» и «Житие Иоанна Грозного» особенно в XVI в. можно объяснить большим интересом европейцев к личности царя Ивана Васильевича Грозного.

Изучение сочинений Пауля Одерборна «Житие Иоанна Грозного», «Религия и обычаи Московии» представляется важным для того, чтобы лучше представить образ Московии глазами иностранца. Автор этих произведений внес вклад в создание литературы, посвященной Московии.

КОНЦЕПЦИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ФРАНЦУЗСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Концепция правового государства тесно связана с фундаментальными проблемами понимания сущности государственной власти и правовых отношений, с особенностями интерпретации природы этих важных социальных явлений. Теоретико-методологические аспекты исследования концепции правового государства имеют важное научное и идейное значение для исторической науки, политико-правовой теории и практики, предопределяя в свою очередь решение целого ряда других вопросов государственно-правовой теории.

Исследователи научной категории правового государства отмечают, что, несмотря на широкое распространение понятия «правовое государство», до сих пор по существу окончательно не выделен предмет его исследования, нет однозначного научного определения этого исторического явления и его содержания, следовательно, нет и общепризнанного подхода к изучению концепции правового государства. Каждая новая эпоха в развитии социально-гуманитарной мысли выдвигает на первый план в обсуждении различных аспектов правового государства свои требования к исследованию данной проблемы.

Доктрине правового государства, ее генезису и эволюции и в отечественной, и в зарубежной научной литературе уделено большое внимание. Теория правового государства вошла во все современные научные труды, учебные пособия и методические рекомендации по истории политических и правовых учений. Государство, власть, общество, их соотношение, историческое развитие и современное состояние — это проблема, которая всегда относится к числу наиболее актуальных¹. Учение о правовом государстве на протяжении всего своего длительного периода существования то обретало значительное число сторонников, то не раз подвергалось суровой критике. В оценке исследователей различных эпох феномен правовой государственности то возводился в ранг общепризнанной концептуальной теории, то трактовался лишь как один из возможных вариантов развития теории государственной организации. К анализу полемики ученых по вопросу о сущности института правового государства и его значении в политической организации общества современные исследователи проблемы обращаются довольно часто.

Широкое обсуждение в общественных и научных кругах проблемы генезиса и эволюции правового государства породило целый ряд исследований, посвященных истории отечественной и зарубежной философско-исторической мысли. С каждым годом неуклонно возрастает количество научных работ по проблематике правового государства, переизданий классических трудов российских и западноевропейских философов, переводной и учебной литературы. В настоящее время накоплен значительный исследовательский материал, возникли новые научные подходы по изучению данной проблемы, что позволяет внести определенные коррективы в дальнейшую научную работу, дать новые оценки.

При анализе историографии концепции правового государства обращает на

* Милованов Константин Юрьевич - аспирант кафедры новой и новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета

¹ Володина Л.М. Разделение властей: обеспечение прав человека // Вестник ОГУ. 2005. №3. С.15.

себя внимание тот факт, что эта теория изучалась в основном двумя группами исследователей – философами и юристами. Научные труды представителей исторической науки составляют явное меньшинство. Концепция правового государства излагалась в большинстве работ в контексте истории политических и правовых учений, с позиций изучения общей теории государства и права, причем в роли исследователей выступали, прежде всего, ученые-юристы, правоведы. При этом изучению исторического фона, социально-политических и общественных процессов эпохи Просвещения, когда собственно и появилась концепция, отводилось одно из последних мест.

Авторы научных трудов, посвященных изучению социально-политической и правовой мысли эпохи Просвещения, не ставили перед собой задачу специального исследования проблемы возникновения и развития концепции правового государства. Более того, в этих работах практически не рассматриваются конкретные пути, принципы, направления и этапы развития идеи правового государства во французском Просвещении. В результате теряется общая картина того, как происходил процесс создания концептуальной теории правового государства французскими просветителями XVIII века.

Нормативная теория правового государства как внутренне согласованная разветвленная система идей оформляется в новое время, в эпоху осмысления общественным сознанием основных принципов новых политико-правовых форм общества, приходящего на смену абсолютистскому режиму с его бесправием и правовой незащищенностью личности. В эту эпоху решающее значение приобретает проблема «политической власти и ее формально равной для всех правовой организации в виде упорядоченной системы отдельных государственных властей»². Формирующаяся доктрина была результатом осмысления не только внутренней, но и внешней деятельности государства. Важными предпосылками формирования доктрины правового государства были теории договорного происхождения государства, разделения властей и неотчуждаемых прав и свобод человека. Одним из важных и до настоящего времени недостаточно исследованных вопросов генезиса теории правового государства является определенная связь этой теории с политическими и философскими концепциями достижения мира и преодоления военных конфликтов XVI-XVII веков. Необходимость правового ограничения деятельности государства особенно остро ощущалась мыслителями, размышлявшими о крайней насильственной деятельности государств в период военных действий.

Учение о правовом государстве формировалось и развивалось в целом как теоретическая модель государства, являющегося антиподом феодального произвола и бесправия личности, как модель государства, преодолевающая негативные качества выходящей из границ правового поля государственной власти. Появился принцип абсолютной универсальной значимости основополагающих правовых норм³. Теория правового государства, изначально логически созвучная теориям естественного права и договорной природы государства, в основе своей имела либеральный и гуманистический характер. Данная доктрина должна была оказать воздействие на политико-правовую практику с помощью коррекции ряда теоретических вопросов, имевших методологический характер для осмысления политико-правовой реальности – о соотношении государства и права, о границах вмешательства государства в общественную и частную жизнь, о соотношении личности и государства, о свобо-

² Нерсесянц В.С. Правовое государство: история и современность // Вопросы философии. 1989. №2. С. 4.

³ Кассирер Э. Философия Просвещения. М., 2004. С. 269.

де личности в рамках политико-правовой сферы⁴.

Общеизвестно, что в эпоху Просвещения изучение феномена правового государства достигло своего расцвета. Открылся качественно новый этап в разработке целостной общеконцептуальной теории правовой государственности. В этот период были сформулированы наиболее важные теоретико-методологические положения концепции. Крупный вклад в изучение социально-политической проблематики, и в частности в исследование правовой государственности, внесли выдающиеся мыслители французского Просвещения: Ш.Л. Монтескье, Ф.М. Вольтер, Ж.Ж. Руссо, Д. Дидро, П.А. Гольбах, К.А. Гельвеций. Идейное воздействие этих философов оказалось настолько сильным, что их учение, постепенно превратилось в мощное средство социального и политического давления. Мировоззренческая система европейского Просвещения полностью подчинила себе умы людей своего времени, так как уже во второй половине XVIII века в обществе безраздельно господствовали идеи просветителей.

Сознательное стремление к модернизации общественных порядков, борьба с рудиментами феодальной системы, установление рационализированной формы государственной власти, вот подлинный гражданский идеал просветителей, составляющий, по их мнению, истинное благо для людей. Философы эпохи Просвещения «...бескомпромиссно осуждали все пороки существовавшего общественного строя, его прошлого, рисовавшееся им эпохой варварства и суеверий»⁵. Одним из главных принципов всеобщего обновления и реформы общества, коренного изменения всех сфер человеческого общежития является построение конструктивной модели правового государства. Эту идею просветители пропагандировали в своих многочисленных полемических сочинениях и политических трактатах. Ш.Л. Монтескье утверждал, что возможен «государственный строй, при котором никого не будут понуждать делать то, к чему его не обязывает закон, и не делать того, что закон ему позволяет»⁶.

Французские мыслители разработали оригинальное учение о естественных, прирожденных правах человека и гражданина: праве на жизнь, свободу и собственность. Они создали единую теоретическую базу гарантий прав и свобод человека. Идеи просветителей получили большое распространение в Европе и оказали огромное влияние на дальнейшее развитие государственно-правовой мысли нового и новейшего времени. Просветители впервые стали широко использовать принцип историзма при изучении общественных явлений, исследовав вопрос о внутренней структуре государственной власти.

Проблема эволюции государственно-правовых взглядов эпохи Просвещения представляет собой одну из значимых тем в современной исторической науке. Эта проблема имеет огромное теоретико-методологическое и социально-практическое значение. Этот исследовательский сегмент в рамках изучения научных проблем социальной истории эпохи Просвещения является в настоящее время весьма перспективным в свете коренных изменений в структуре современного общества как на Западе, так и в нашей стране.

Концепция правового государства является одной из исторических форм интерпретации роли и места государства в мире и в обществе, его внутренней структуры, политической власти, ценностных и нравственных ориентиров. В то же время, видя многоплановость теоретического наследия в истории общественной мысли

---

⁴ Теплов Э.П. Политическая власть. СПб., 1993. С. 10.

⁵ Черняк Е.Б. Вековые конфликты. М., 1988. С. 291-292.

⁶ Монтескье Ш.Л. О духе законов. М., 1999. С. 137.

эпохи Просвещения и неоднозначность осмысления природы и эволюции государственности, следует признать, что учение о правовом государстве имеет весьма разветвленную идейную и концептуальную структуру. В зависимости от той или иной трактовки и понимания государственной власти может существовать ряд теорий правового государства. Тематика изучения проблем правового государства показывает, насколько важна теоретико-методологическая база как необходимая ступень для внедрения передовых политических и правовых идей на практике – в государственно-правовом строительстве.

Учение о правовом государстве имеет глубокую многовековую историю создания. Эта концепция – своеобразный синтез идей о правовой основе деятельности, об оптимальной и разумной структуре государства, о повышении места и статуса права в соотношении государства и права. Это в свою очередь, при изучении вопроса о генезисе доктрины правового государства, ее структуры и элементов, – требует более обстоятельного рассмотрения составляющих ее идей.

Теория правового государства в истории мысли последних трех столетий является одним из основных, но не единственным вариантом модели совершенной организации политической власти. История свидетельствует о том, что доктрина правового государства имеет исторически развивающееся содержание как по составу входящих в нее элементов, так и по их смыслу. В то же время прослеживается тенденция сохранения теоретико-методологической конструкции и системы основных компонентов доктрины. В этом смысле доктрина правового государства является продуктом развития политического и правового сознания.

Концепция правового государства в качестве доминирующей тенденции осмысления современного государства и прогнозирования его развития, включает в себя либеральную интерпретацию ряда важнейших вопросов теории права и государства. Сущность доктрины, прежде всего, зависит от понимания права, государства и их взаимосвязи, а также от состава, сочетания и смысловых характеристик идей и концепций, в совокупности составляющих данную доктрину и их соотношение с фундаментальными мировоззренческими идеями о государстве и праве и ценностями политико-правовой теории в целом. В процессе длительного исторического развития в науке сформировались и приобрели устойчивое содержание понятия государственной власти, правового государства, гражданского общества и разделения властей⁷. Теоретико-методологические основы комплексного изучения концепции правового государства имеют весьма важную научную и практическую значимость для исторической науки, которую трудно переоценить, детерминируя в свою очередь решение целого ряда других актуальных вопросов государственно-правовой теории.

---

⁷ Андропова И.В. Концепция гражданского общества в западных теориях // Вестник ОГУ. 2004. №12. С. 45.

Р.Н. КУДЕНХОВ-КАЛЕРГИ И ПАНЪЕВРОПЕЙСКОЕ ДВИЖЕНИЕ 20-30-ЫХ ГГ. XX В.

Объединение Европы – длительный процесс имеющий много этапов и аспектов. Проблематика этого процесса не ограничивается послевоенным периодом интеграции и деятельностью послевоенных политиков и экономистов, оказавших решающее влияние на развитие общеевропейских институтов и «европейских сообществ», но включает историю европейской идеи (идеи европейского единства) на разных этапах многовековой истории Европы. Логика развития европейской идеи в трудах европейских философов, мыслителей, публицистов (Ж.Ж. Руссо, И. Канта, Дж. Мадзини, де Сен-Пьера и др.) заслуживает отдельного большого исследования. Несомненно, что без длительной идейной подготовки не могло утвердиться в сознании европейцев понимание общности исторической судьбы и интересов, взаимозависимости национальных экономик, не могли быть преодолены центробежные силы межгосударственных и межнациональных конфликтов. Представляется важным рассмотреть роль основателя панъевропейского движения Р.Н. Куденхова-Калерги в развитии европейской идеи. Вклад Куденхова-Калерги признается современными европейскими политиками, что позволило записать его в отцы-основатели современной объединяющейся Европы на ряду с Ж.Монне, А. де Гаспери, К.Аденауэром, Р.Шуманом. Не даром Совет Европы и Европейский Союз избрали своим лозунгом изречение графа Рихарда Куденхов-Калерги, которое он произнес в период между двумя войнами: «Разделенная Европа ведет к войне, угнетению и лишениям; объединенная Европа ведет к миру и процветанию.»¹ Созданный по его инициативе в 1947 году «Союз европейских парламентариев» стал непосредственным предшественником Совета Европы.

Панъевропейское движение 20-30-ых годов 20 в., ярчайшим представителем которого был Куденхов-Калерги, несколько теряется на фоне боровшихся в то время за умы европейцев идеологических течений: социализма, фашизма, национализма. Советская историография не видела в панъевропейских идеях нового направления общественно-политической мысли, «клеймила» их как капиталистический сговор против СССР или как «умозрительные теории и лозунги сторонников панъевропеизма, апологию весьма эфемерных общеевропейских моральных установлений, которые зачастую являлись выражением ностальгии либеральных кругов буржуазной Европы по былым временам».² Современные исследования позволяют показать, что именно в межвоенный период благодаря деятельности в том числе Р.Н.Куденхова-Калерги идея европейского единства стала из области общественно-политической мысли переходить в область реальной политики. Об этом свидетельствует Меморандум «об организации европейского федерального союза», подготовленный сторонником панъевропейских идей, главой французского правительства А.Брианом. Меморандум был вручен всем европейским правительствам, представ-

* Ниточкин Федор Васильевич - аспирант кафедры новой и новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета

¹ Совет Европы – Европейский союз: «Единая цель для европейского континента». Доклад Премьер-министра Великого Герцогства Люксембург Жана-Клода Юнкера на весенней части 57-й сессии Парламентской ассамблеи Совета Европы в Страсбурге (11 апреля 2006 г.)

² Чубарьян А.О. Европейская идея в истории//панъевропейское движение 20-30-ых гг., М., 1987. С. 253.

ленным в Лиге Наций 17 мая 1930 года, а также направлен в Москву и Вашингтон в качестве ознакомления. А.О.Чубарьян выделяет три причины провала проекта А. Бриана: во-первых, не соответствие его политическим реалиям и расстановке сил в Европе и мире на рубеже 20-30-х годов, во-вторых учет планом только французских интересов, и, в-третьих, дублирование федеративными европейскими структурами структур Лиги Наций. Конечно, реалии того времени не позволяли осуществить проект А.Бриана и идеи Р.Н.Куденхова-Калерги, но те несомненно оказали влияние на послевоенные интеграционные процессы в Европе. Главное в проекте А.Бриана, что в «истории идеи Европы он является знаменательной вехой: впервые идея «связующих структур» (европейская конференция, политический комитет и секретариат – Н.Ф.) высказана официально на правительственном уровне».³

В чем же новизна идей Р.Н. Куденхова-Калерги и его панъевропеизм?

В появившемся в 1923 году труде «Пан-Европа» Куденхов констатирует, что Европа утратила мировую гегемонию, которой она когда-то обладала. Он отмечает три опасности угрожавшие Европе и требовавшие ее объединения. Во-первых, угроза разрушительной войны, во-вторых, опасность подчинения европейского континента России, в-третьих, угроза экономического распада, в котором были заинтересованы США, которые намерены купить Европу. Что бы предохранить Европу от этих опасностей, он требовал создания Европейского Союза государств при неременной гарантии равноправия, безопасности и самостоятельности всех государств. В 1924 в «Европейском манифесте» повторены положения книги «Пан-Европа» и призыв к созданию Пан-Европы как единственному спасению клонящейся к упадку раздробленной Европы. Куденхов указывает на изменение геополитической расстановки сил и потерю Европой центрального положения в мире: «Растущей организации внеевропейского мира в могучие империи противостоит растущая дезорганизация европейского мира».⁴ Куденхов в своих теоретических построениях исходил из того, что мир уже фактически поделен на блоки государств: Пан-Америка, Советский Союз, Британская империя, Лига Наций. Япония с Китаем искусственно помещались им в блок азиатских государств. И только Европа оставалась расколота на 27 независимых государств. Европу ожидало поглощение, находящимися в состоянии роста мировыми державами. Если бы Европа объединилась в Пан-Европу, то мир состоял бы из пяти мощных блоков, «пяти планетарных силовых полей», которые могли бы объединиться в Лигу Наций. Создание Пан-Европы таким образом должно было предшествовать реформе Лиги Наций по проекту предложенному Куденховом без чего она оставалась бы искусственным надгосударственным образованием степень влияния которого на международные дела невелика. Собственно геополитические взгляды Р.Н.Куденхова-Калерги не были оригинальны, многие тогдашние геополитики мыслили также «не в масштабах стран, а в масштабах континентов»⁵, «расчленяли мир на крупные общности, оценивали их соответствующее могущество, анализировали взаимоотношение сил, уверенно проецируя его в будущее».⁶ Многие представления Р.Н.Куденхова-Калерги сейчас уже потеряли свою актуальность. Преодолены, обусловленные тогдашней расстановкой сил на международ-

³ Дюрозель Ж.Б. История европейской идеи. 1965. С. 277.

⁴ Европейский манифест 1 мая 1924 г.//Панъевропейский проект графа Куденхове-Калерги.//Европейский альманах. М., 1991. С. 115.

⁵ Анита Цигерхофер. Движение «Пан-Европа» между двумя мировыми войнами //Объединение Европы и Советский Союз 1919-1932. М., 1999. С. 7.

⁶ Антуан Флери. Куденхов-Калерги, Лига Наций и СССР//Объединение Европы и Советский Союз 1919-1932. М., 1999. С. 28.

ной арене, препятствия для включения Великобритании в объединяющуюся Европу, поскольку Великобритания уже не является мировой державой с огромными колониальными владениями вне Европы. Предложения по решению колониального вопроса кажутся сейчас наивными: совместное управление колониями, в том числе африканскими и создание Евроафрики – совместного владения европейских стран. Но в то же время многие волновавшие Р.Н.Куденхова-Калерги вопросы не решены и сегодня – например о Восточной границе Европы, подключении Турции к объединительному процессу и отношении России к европейской интеграции.

Интересным представляется его убежденность в безальтернативности и объективности процесса объединения Европы. Куденхов-Калерги развернул активную деятельность по пропаганде панъевропейских идей и поиску харизматических лидеров своего движения среди действующих европейских политиков. На пост почетного президента движения был избран Аристид Бриан, активными сторонниками панъевропейской идеи был министр иностранных дел Германии Густав Штресеман, французский политик Э. Эррио. В руководство движения входили: бывший австрийский канцлер Карл Буреш, бывший австрийский министр торговли Эдуард Хайнл, министр иностранных дел Чехословакии Эдуард Бенеш, президент германского рейхстага Пауль Лебе, председатель немецкой Демократической партии Эрих Кох-Везер. На определенном этапе Куденхов-Калерги пытался сделать Б.Муссолини сторонником Пан-Европы, но разочаровался в нем с началом агрессии Италии против Эфиопии. Для продвижения панъевропейских идей организовывались панъевропейские конгрессы, участниками которых становились многие знаменитые интеллектуалы того времени: Стефан Цвейг, Томас и Генрих Манн, Зигмунд Фрейд, Альберт Эйнштейн, Бернанд Шоу, Герберт Уэллс и др. Среди инициатив Куденхова-Калерги, которым было не суждено развиться, стоит отметить создание Европейской партии по итогам Базельского конгресса 1932 года. Создание партии – указывало на стремление Куденхова «превратить движение из чисто политического в массовое». ⁷ Аншлюс Австрии 13 марта 1938 года означал конец панъевропейского движения. Центральное бюро союза в Вене было закрыто.

Основные документы по истории панъевропейского движения были перевезены в СССР после Второй мировой войны и находятся в Центре хранения историко-документальных коллекций (ЦХИДК) в составе Российского Военного архива (РГВА). ⁸

Итак, проанализировав, проект Куденхова-Калерги можно сделать следующие выводы. Куденхову-Калерги удалось не только развернуть широкое панъевропейское движение, привлечь к нему видных политических деятелей своего времени, но и создать концепцию, которая стала идейной основой европейской интеграции. Предлагаемый им проект строился на гарантии равноправия и самостоятельности всех членов сообщества, этим он предвосхитил направление европейской интеграции на ее решающих послевоенных этапах.

---

⁷ Анита Цигерхофер. Движение «Пан-Европа» между двумя мировыми войнами //Объединение Европы и Советский Союз 1919-1932. М., 1999. С. 17.

⁸ РГВА. Ф. 544к. «Центральное Бюро Панъевропейского Союза, г. Вена».

ПРИЧИНЫ ДЕПОПУЛЯЦИИ СТРАН ЕВРОПЫ

Практически все европейские страны переживают длительный спад рождаемости, старение населения и сокращение количества трудоспособных граждан. Показатели рождаемости находятся ниже уровня воспроизводства населения. Воспроизводство населения обеспечивается коэффициентом 2,1 на одну семейную пару (21 ребенок на 10 семей). В Европе разброс очень велик – от 1,3 в Германии до 1,9 во Франции, считающейся демографически «благополучной» в Европе. В результате доля пожилых, экономически неактивных людей продолжает расти, а доля трудоспособного населения уменьшается, население начинает в 2 раза быстрее стареть. Как отметил В.А.Башлачев в своем труде «Демография: русский прорыв», время неумолимо идет вперед, за 2 поколения оно превратило молодую Европу 1960-х в престарелую старушку 2000-х, которая забыла подготовить на смену внуков.¹ Живительным источником, поддерживаемым население Европы остается внешняя миграция, которая однако может привести к столкновениям на социальной и национальной почве (события во Франции в 2005 году). Подобное развитие событий может оказаться серьезным препятствием на пути к процветанию и прогрессу в современной Европе.

Сравнение динамики роста населения Европы и Азии показывает, что в самое ближайшее время, центр развития может переместиться в Азиатско-Тихоокеанский регион. Учитывая динамику этого региона, выраженную в росте населения, можно сделать вывод о мире где будут жить наши внуки и правнуки, – мире, где Европа навсегда останется малочисленной окраиной, но обладающей большим культурным и научным потенциалом, и развитой культурой.²

Чтобы понять, что является причиной нынешней депопуляции, надо обратиться к истории демографического развития стран Европы, а также влияния политических систем на эти процессы. Для этого были выбраны государства, демографическая ситуация в которых протекала весьма неоднородно – Франция, Германия, Испания и Россия.

Отличительной особенностью демографического развития Франции являются относительно высокий уровень рождаемости (19 детей на 10 семей) и прочные традиции семейной политики (проблемы семейной политики привели к принятию Семейного кодекса в 1939 году).³

Демографическое положение Франции характеризуется «парадоксом рождаемости»: сочетанием довольно неплохих показателей рождаемости и высокого уровня экономической активности матерей. Этот парадокс объясняется особенностями семейной политики, прежде всего речь идет о политике «третьего ребенка» и политике «баланса работы и семьи».⁴

В своей семейной политике французское правительство поощряет большие семьи, потому что обновление населения и его рост зависят от семейных пар, которые решают заводить больше детей. Государственные выплаты за третьего ребенка,

---

* Нагорянский Тимофей Петрович – аспирант кафедры новой и новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета

¹ Башлачев В.А. Демография: русский прорыв. М., 2006

² Капица С.П. Модель роста населения Земли и предвидимое будущее цивилизации. М., 2002

³ Смирнов А. Низкая рождаемость и старение населения // «Прогнозис». № 1. 2004. С. 188.

⁴ Там же. С. 188.

значительно превышают выплаты за второго ребенка, при этом выплаты за первого ребенка отсутствуют вовсе. В то же время французское правительство никогда не считало, что место женщины – дом. Еще с 1913 года во Франции были введены отпуска по беременности. Детские сады и ясли всегда были доступнее, чем в других странах Западной Европы, а семьям предоставлялись большие пособия и отпуска по уходу за ребенком. Сегодня наличие качественной бесплатной системы ухода за детьми, позволяет более 80 процентов француженок в возрасте от 25 до 39 лет (наиболее вероятный возраст деторождения) трудится полный рабочий день. Таким образом, довольно высокие показатели рождаемости во Франции после 1975 года можно отнести на счет французской семейной политики.⁵ Но сказать, что сохранение численности населения Франции и некоторый его рост обеспечиваются только рождаемостью, было бы неправильно. Конечно, и тут есть миграционные процессы, которые не всегда положительно влияют на социальное и национальное равновесие (Примером могут служить беспорядки во Франции в 2005 году).

Миграционные процессы начались во Франции в 1950-х годах.

В то время не хватало рабочих на автомобильных заводах, поэтому правительство санкционировало въезд в страну рабочих из Алжира, Марокко, Туниса и Ливана, но без семей. В 1970-е годы им было разрешено привезти свои семьи, после чего, во Францию приехали не только жены и дети рабочих, но и дальние родственники, вследствие чего количество иммигрантов, преимущественно выходцев из исламских стран выросло с 2 миллионов в 1978 году до 5 миллионов в 2000 году (500 тысяч из них имеют французское гражданство).⁶

Германия является страной с низкой рождаемостью в Европе, и крайне высоким уровнем миграции.

В силу исторических особенностей, на протяжении 50 лет Германия была разделена на ФРГ и ГДР, с разными политическими и социально-экономическими системами, и в обеих странах проводилась различная семейная политика. До начала 60-х годов уровень рождаемости в обеих «Германиях» был одинаков. В 1957 году в ФРГ была принята пенсионная реформа, которая послужила катализатором падения рождаемости. Многие семьи решили больше вносить денег в пенсионный фонд, для чего нужно было много работать и на детей времени не оставалось.⁷

Системы по уходу за детьми, наподобие Франции, не было. В результате молодые немки ограничивали себя одним, редко двумя детьми, предпочитая в старости, нанять на пенсию прислугу. Семейная политика ФРГ была символической и опиралась, в основном на равенство полов.

На протяжении всей истории разделенной Германии рождаемость в ГДР превышала рождаемость в ФРГ на 5 детей (ФРГ – 14 детей на 10 семей, в ГДР – 19 детей на 10 семей). Такое различие было обусловлено проведением в ГДР целенаправленной государственной политики повышения рождаемости. В 1976 году был принят пакет семейной политики, ставший мощным стимулом всплеска рождаемости. Основной целью демографической политики ГДР было поощрение создания многодетных семей и поддержание высокого уровня женской занятости. Меры, которые принимались для повышения рождаемости:

- предоставление беспроцентных ссуд на жилье молодым семьям;
- развитая система государственных яслей и детских садов;
- сокращение рабочего дня молодых матерей;

---

⁵ Там же. С. 189.

⁶ Дмитриев А.В., Слепцов Н.С. Конфликты Миграции. М., 2004. С. 213.

⁷ Башлачев В.А. Демография: Русский прорыв. М., 2006. С. 112.

- длительные оплачиваемые отпуска для беременных;
- качественное медицинское обслуживание.

С 1984 года начала проводится, аналогичная французской, политика третьего ребенка.⁸

В 1990 году после воссоединения Германии, уровень рождаемости в бывшей ГДР рухнул до небывало низкого уровня (8 детей на 10 семей), вследствие экономического, социального и политического кризиса социализма. На протяжении шестнадцати лет уровень рождаемости в Германии остается низким (13 детей на 10 семей). Сегодня некоторые немецкие семьи вообще предпочитают не заводить детей. Популярностью у немецкой молодежи пользуется аббревиатура СДНД – сдвоенный доход, никаких детей.⁹

Популярностью также пользуется добровольная стерилизация. Все эти факторы ведут к депопуляции немецкого народа, остановить которую на 1990-е годы удалось за счет значительной миграции немцев из России (по некоторым оценкам от 1 до 2 миллионов). Поколением раньше все в Европе боялись сильной и единой Германии, как завоевателя. Но эта опасность остается не более чем гипотетической. Немецкий народ стареет и вымирает, численность населения страны поддерживается на 90 процентов за счет миграции, в основном из Турции. Численность мигрантов возросла с 900 тысяч в 1970-м году, до 7 миллионов в 2000-м году, и продолжает увеличиваться.¹⁰

Испания страна с крайне низкой рождаемостью и высоким уровнем миграции. Многие проблемы Испании свойственны Греции, Италии и Португалии. При диктатуре каудильо Франсиско Франко большие семьи считались образцом подражания и получали от государства медали и подарки. В стране был наложен запрет на продажу противозачаточных средств, государство поощряло большие семьи с традиционным укладом. В отличие от Франции, женщины Испании выступали в роли супруги и матери. Женская занятость была на очень низком уровне в Европе. До середины 1970-х годов самыми молодыми и рожаящими нациями в Европе были испанцы и итальянцы. После смерти Франко в 1975 году, в Испании установилось демократическое правление, и правительство отказалось от прежней семейной политики поощрения рождаемости, избрав политику невмешательства в дела семьи.¹¹

В течение многих лет испанцы выступают против любых государственных действий, направленных на повышение рождаемости. Они убеждены, что показатели рождаемости и так слишком высоки и у населения Испании вызывает неприятие любая политика, ассоциирующаяся с режимом Франко.

Испанский уровень рождаемости самый низкий в Европе – он составляет 11 детей на 10 семей, что означает сокращение населения страны на 25 процентов в течение 50-ти лет, при одновременном увеличении числа пожилых на 117 процентов.¹²

«Всего лишь за одно поколение мы перешли от общества, в котором нормой были семьи с восемью и даже двенадцатью детьми, к обществу, в котором нормой стали однодетны и даже бездетные семьи», – замечает мадридский социолог.¹³

⁸ Смирнов А. Низкая рождаемость и старение населения // «Прогнозис». №1. 2004. С. 191.

⁹ Бьюкенен П. Смерть Запада. М., 2004. С. 148.

¹⁰ Дмитриев А.В., Слепцов Н.С. Конфликты миграции. М., 2004. С. 215.

¹¹ Смирнов А. Низкая рождаемость и старение населения // «Прогнозис». С. 192.

¹² Галецкий В.Ф. Демографические проблемы глобализации. М., 2001. С. 98.

¹³ Бьюкенен П. Смерть Запада. М., 2004. С. 152.

Кроме того, в Испании отсутствует правительственная программа повышения рождаемости.

В долгосрочной перспективе такая пассивная семейная политика может привести к серьезным трудностям. Учитывая нынешнее демографическое положение Испании, многие ее граждане среднего возраста, выйдя на пенсию, могут столкнуться с отсутствием помощи со стороны большой семьи. Таким образом, обвальное снижение рождаемости после 1975 года было обусловлено фактическим отсутствием семейной политики. Серьезной проблемой является избыточное население соседнего Марокко, отделенным от Испании Гибралтарским проливом. В 1950 году население Испании втрое превышало население Марокко, к 2000-му году соотношение почти сравнялось, к 2050 году население Марокко будет вдвое превышать стареющее население Испании. За тот же период, число иностранцев, преимущественно из мусульманских стран, выросло со 100 тысяч в 1950 году до 2 миллионов в 2000м году.¹⁴

На основании этих данных приходится признать, что уровень рождаемости, а также естественного воспроизводства населения, в Европе находится на критически низком уровне. В ближайшем будущем население всех стран Европы начнет сокращаться. Пример рассмотренных нами стран показывает, что целенаправленная государственная политика в области рождаемости может сократить и даже остановить депопуляцию населения (Франция), а ее отсутствие ускорить вымирание страны (Испания, Германия). Откладывая решение демографических проблем, Европа рискует своей стабильностью, процветанием и спокойствием.

---

¹⁴ Там же. С. 153.

ООН И «БУРЯ В ПУСТЫНЕ»

Разработка эффективного механизма урегулирования международных конфликтов — это, без сомнения, одна из самых насущных проблем для всех, кто озабочен международными отношениями, и поэтому рассматривается во всех документах международных организаций.

Согласно Уставу ООН государства должны отстаивать свои интересы мирным путем, которые включают: переговоры напрямую; переговоры через посредников; согласительные процедуры; арбитраж и обращение к международным региональным и мировым организациям (статья 33). Первостепенное место в поддержании международного мира и безопасности Устав ООН отводит Совету Безопасности ООН (статья 24, глава V). Более того, Совет Безопасности уполномочен урегулировать разногласия между странами, «которые могут привести к международным трениям или спровоцировать конфликты» (статьи 34, 35 и 36). Таким образом, мирное урегулирование не ограничивается только случаями, когда конфликт уже возник, но распространяется на случаи возникновения общего напряжения, которое может угрожать международному миру и безопасности.

Разногласия между Ираком и Кувейтом возникли еще в 60-х годах, после того, как Англия отказалась от своих прав на Кувейт, который стал независимым государством и членом ООН. Президент Ирака Касем повторил традиционные претензии на Кувейт, в связи с чем кувейтское руководство, опасаясь иракской атаки, обратилось за помощью к Великобритании. В Кувейте были быстро размещены британские войска. Иракцы прекратили заявления о своих претензиях, и войска были вскоре выведены и заменены на какое-то время контингентами из других арабских стран. Через два года Ирак признал независимость и суверенитет Кувейта, который стал членом Лиги арабских государств.

В 80-е гг. после длительной войны с Ираном внешний долг Ирака составлял 50 млрд. долл. В целях стабилизации своего финансового положения иракское руководство выдвинуло тезис о необходимости более справедливого распределения нефтяных доходов. Одновременно Ирак начал эскалацию конфликта с Кувейтом.

Довольно странным выглядело то, что Совет Безопасности ООН занялся поиском урегулирования ирако-кувейтского конфликта, когда Кувейт был уже завоеван, но занимал пассивную позицию в то время, когда этот конфликт назревал. Совет Безопасности не вмешивался в решение конфликта до тех пор, пока Ирак не применил силу. Такой пассивный подход могут оправдать только статьи 35 и 99 Устава ООН, гласящие, что Совет Безопасности может вмешиваться в мирное урегулирование конфликта исключительно по просьбе либо одного из участников конфликта, либо по просьбе членов ООН или же Генерального секретаря ООН. Статья 37, в свою очередь, дополняет, что если участникам конфликта, развитие которого может угрожать международному миру и безопасности, не удастся решить его мирным путем, они должны обратиться к Совету Безопасности. Также Устав допускает возможность обращения государства к региональным организациям для мирного решения этого конфликта, «прежде чем они обратятся к Совету Безопасности»¹.

* Ляпин Антон Валерьевич — аспирант кафедры новой и новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета

¹ Устав ООН. Глава VIII. Статья 52.

Право Совета Безопасности вмешиваться в международные конфликты для их мирного разрешения неограниченно. Этим правом С.Б. пользовался, вмешиваясь в дела урегулирования конфликтов между арабскими государствами, а также между государствами Латинской Америки и странами Карибского бассейна, прежде чем они поступали на рассмотрение региональных организаций – Лиги Арабских Государств и Организацией Американских Государств.

В ситуации вокруг ирако-кувейтского конфликта Совет Безопасности должен был вмешаться раньше, тогда как он попросту игнорировал происходящее до тех пор, пока иракское руководство не перешло от угроз к действиям. 2 августа 1990 г. иракские войска вторглись в Кувейт. После быстрой победы многократно превосходящих военных сил Ирака в Кувейте была установлена марионеточная администрация, а сам Кувейт был объявлен 19-й провинцией Ирака.

Реакция мирового сообщества последовала достаточно быстро. Действия Ирака были осуждены подавляющим большинством стран, в том числе и теми арабскими странами, которые ранее активно поддерживали Ирак во время войны с Ираном. Иракская акция была названа неприкрытым актом неспровоцированной агрессии, а также реальной угрозой миру и стабильности в зоне Персидского залива.

Совет Безопасности отреагировал на действия Ирака принятием резолюции № 660, которая осуждала вторжение Ирака в Кувейт, призывала обе стороны к немедленному началу переговоров для разрешения конфликта. Кроме того, эта резолюция поддерживала все усилия направленные на разрешение этого конфликта, особенно со стороны Лиги Арабских Государств².

6 августа 1990 г. Совет Безопасности, приняв резолюцию № 661, ввел в отношении Ирака экономические санкции, включая торговое эмбарго, предусматривающее запрет на импорт и экспорт товаров, за исключением поставок, предназначенных исключительно для медицинских целей, продуктов питания и других предметов, необходимых для удовлетворения гуманитарных потребностей, которые должны были определяться комитетом Совета Безопасности по санкциям, также учрежденным резолюцией 661³.

Три месяца спустя, учтя то, что со стороны иракского руководства никакой реакции на предыдущие резолюции не последовало, Совет Безопасности принимает уже более жесткую резолюцию № 674, в которой вновь осуждалась военная акция Ирака и подчеркивалась необходимость немедленного и безусловного вывода всех иракских сил из Кувейта и восстановления суверенитета, независимости и территориальной целостности Кувейта и власти его законного правительства⁴.

Спустя еще месяц, так и не дождавшись со стороны иракского руководства каких-либо действий, направленных на выполнение требований резолюций, Совет Безопасности принимает резолюцию № 678 от 29 ноября 1990 г., где по сути, содержался ультиматум Ираку. Во время голосования воздержался только китайский представитель, остальные же, в том числе и советский представитель, голосовали за резолюцию. Такая позиция Москвы оказалась неожиданной и для самого иракского лидера Саддама Хусейна, который рассчитывал на поддержку СССР, считая его своим союзником.

Пожалуй, одной из серьезнейших ошибок горбачевской администрации в тот период было недостаточное внимание поиску возможного «арабского решения» кризисной ситуации. Неверие в посредническую роль Лиги арабских государств

---

² Резолюция Совета Безопасности ООН. № 660. авг. 1990.

³ Резолюция Совета Безопасности ООН. № 661. авг. 1990.

⁴ Резолюция Совета Безопасности ООН. № 674. октяб. 1990.

имело отрицательное влияние на отношения большинства арабских стран с Советским Союзом, что впоследствии негативно сказалось на всей внешней политике нашей страны. Военные действия США и их союзников, приведшие к гибели многих тысяч ни в чем неповинных мирных людей, были единодушно осуждены российской общественностью.

Резолюция № 678 фактически явилась «зеленым светом» для военных действий США и их союзников. Поскольку она санкционировала использование всех необходимых средств для исполнения резолюции 660 и последующих резолюций Совета Безопасности по этому вопросу и принуждения Ирака к прекращению определенных видов деятельности, угрожающих международному миру и безопасности⁵.

Конечно же, нельзя не признать, что вторжение Ирака в Кувейт представляло собой неоспоримый акт агрессии одного члена ООН против другого члена, а также акт агрессии одного арабского государства против другого арабского государства. Однако следует обратить внимание, что произошедший за десятилетие до этого не менее грубейший акт агрессии Ирака против Ирана не вызвал тогда такой бурной реакции мирового сообщества. По-видимому, здесь сыграла роль активная обработка общественного мнения со стороны США, у которых в Кувейте были свои интересы. Ведь именно США заручившись поддержкой ООН удалось сколотить под своим руководством широкую антииракскую коалицию. Вооруженные силы, собранные в Саудовской Аравии, включали в себя войска США, Саудовской Аравии, Египта, Сирии, Марокко, Англии, Франции, Пакистана, Бангладеш и др.

Между вторжением Ирака в Кувейт 2 августа 1990 г. и обращением к статье 42 Устава ООН 29 ноября, которая уполномочивает С. Б. предпринимать при необходимости силовые действия «для поддержания международного мира и безопасности»⁶, США удерживали вместе свою коалицию, наращивая в то же время военные силы на Ближнем Востоке в надежде сделать так, чтобы в случае войны первый удар по Ираку сразу же нанес ему максимальный ущерб, что позволило бы им избежать дорогостоящих операций. Поэтому, как только наступила дата, определенная ООН, союзники не стали терять времени и в ночь с 15 на 16 января 1991 г. начали военные действия против Ирака.

После того, как операция «Буря в пустыне» была успешно завершена, Совет Безопасности принял в отношении Ирака несколько резолюций, имевших весьма важное мировое значение. Среди них стоит особо отметить резолюции № 687 и № 700. В соответствии с этими резолюциями на границе Ирака и Кувейта была создана демилитаризованная зона, простиравшаяся на 10 километров в глубь Ирака и на 5 километров в глубь Кувейта, в которой был размещен контингент наблюдателей ООН. Пункт 8 резолюции № 687 постановлял запрет Ираку на хранение, применение химического и биологического оружия, а также всех баллистических ракет с дальностью свыше 150 километров⁷. Пункт 12 той же резолюции постановлял запрет на приобретение и разработку ядерного оружия и материалов, которые могут быть использованы для его производства⁸.

2 октября 1992 г. была принята еще одна исторически важная резолюция № 778, в которой детально излагались условия, при соблюдении которых Ираку могла быть предоставлена возможность продать некоторое количество сырой нефти

⁵ Резолюция Совета Безопасности ООН. № 678. нояб. 1990.

⁶ Устав ООН. Глава VII. Статья 42.

⁷ Резолюция Совета Безопасности ООН. № 687. пункт 8. апр. 1991.

⁸ Резолюция Совета Безопасности ООН. № 687. пункт 12. апр. 1991.

и нефтепродуктов⁹, что ранее ему было воспрещено согласно резолюции № 661.

Для контроля за соблюдением всех пунктов резолюций при ООН был учрежден специальный Комитет по санкциям, состоящий из представителей пятнадцати непостоянных членов Совета Безопасности.

---

⁹ Резолюция Совета Безопасности ООН. № 778. октяб. 1992.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ О ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯХ

Мы стоим на пороге невиданной по своей мощи революции. Мир меняется с колоссальной скоростью. Человек теряет способность ориентироваться в окружающем мире, соответственно теряет способность к адаптации к переживаемым переменам. Таким образом, современные процессы глобализации нуждаются в объяснении.

Попытки объяснить их предпринимались учеными и футурологи различных политических направлений и взглядов. Для того чтобы понять мир необходимо дать масштабный обобщенный взгляд на эти процессы. В настоящее время сформировалось три основных взгляда на процесс глобализации и его последствия.

Одну из первых попыток объяснить мир предпринял американский социолог и футуролог Френсис Фукуяма. Он, и ряд его последователей являются представителями апологетического взгляда на глобализацию. В своей на шумевшей статье «Конец истории», вышедшей в 1989 г., Ф.Фукуяма утверждал, что за последние годы во всем мире возник небывалый консенсус на тему о легитимности либеральной демократии как системы правления, и этот консенсус усилился после крушения Берлинской стены и краха Советского Союза. Системы, способные соперничать с либеральной демократией – это фашизм и коммунизм, – потерпели историческое поражение. Настал момент триумфа и торжества либерализма во всем мире. Отныне соперников ему нет. Любая другая альтернатива не конкурентоспособна. Именно эта либеральная демократия, по мнению Ф.Фукуямы, и может представлять собой «конечный пункт идеологической эволюции человечества» и «окончательную форму правления в человеческом обществе», являясь тем самым концом истории».

В своей статье Ф.Фукуяма пишет следующее:

«Мы наблюдаем, по-видимому, не просто конец «холодной войны» или какого-то этапа послевоенной истории, а конец истории, как таковой: т.е. конечный пункт идеологической эволюции человечества и универсализацию западной либеральной демократии, как конечной формы управления человеческим обществом».¹

Фукуяма говорит также и о том, что концепция конца истории была высказана еще Марксом и Гегелем.

Они предполагали, что эволюция человеческих обществ не бесконечна, она остановится на той ступени и тогда, когда самые важнейшие и фундаментальные потребности человечества будут удовлетворены. Только для Гегеля это было либеральное государство, для Маркса – коммунистическое общество. По мнению Маркса, в соответствии с диалектической концепцией истории, исторический процесс движется по восходящей линии, постоянно обновляя общество. Смена формаций и есть постоянное развитие, прогресс и обновление общества, и как бы не старались правящие круги сохранить господствующую систему, исторический процесс не остановить. Однако вот что странно, по мнению Маркса, как только общество достигнет своей высшей стадии – коммунизма, – история по какому-то волшебному мановению остановится. Такую мысль можно наблюдать в концепции Ф.Фукуямы. Возникает вопрос: а почему вообще исторический процесс должен на чем-то оста-

---

* Храмков Сергей Петрович - аспирант кафедры новой и новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета

¹ Азроянц Э. Глобализация: катастрофа или путь к развитию? М., 2002. С. 76.

навливаться? Как известно подобные заклинания на него не действуют. Попытки увековечить какие-либо идеи как величайшие и универсальные предпринимались неоднократно. К чему это привело, известно. Тут уместно вспомнить фразу: «Учение Маркса всесильно, потому, что оно верно.»

Что касается концепции Фукуямы, то здесь мы видим не «конец истории», а лишь очевидное ее повторение. Очень хочется задать вопрос: А чем же либеральная идея лучше марксизма с его коммунистическим «светлым будущим» для всего мира? Та же трансплантация чужеродных идей, также против воли, также из лучших побуждений, ради того, чтобы осчастливить весь мир. Ясно лишь одно. На земле не возможен ни «коммунистический» ни «либеральный рай», ни какие-либо другие универсальные схемы, в них мы видим лишь заклинания, бессильные и не способные остановить великое многообразие истории.

Другой апологет глобализации Т.Фридман высказывается о необходимости неолиберальной глобализации, он считает, что она превращается в «мощный инструмент убеждения, риторический прием, которому, в отличие от различных явлений внутренней политики, практики не существует противодействия.» Глобализация подается как «в высшей степени привлекательная, придающая силу, невероятно соблазнительная дорога, ведущая к повышению жизненных стандартов.»² Фридман полагает, что глобализация открывает большие возможности для человечества. Она наращивает мощь сильных государств и подстегивает слабых. Иными словами глобализация делает слабых сильнее, а сильных еще более сильными.

Неолиберальная глобализация должна сокрушать барьеры, препятствующие экономическому росту – это таможенные и прочие барьеры. Такая политика опирается на «Вашингтонский консенсус» – 10 рекомендаций по реформированию мировой торговли, сформулированных в 1989 г. Главными правилами такой политики является: торговый либерализм, снижение ставок подоходного налога, приватизация госпредприятий, максимальное сокращение государственного регулирования (дерегуляция) гарантия прав частной собственности.

Глобализация, по мнению Фридмана, «имеет свой собственный набор экономических правил, которые базируются на открытии, дерегуляции и приватизации национальных экономик с целью укрепления их конкурентоспособности и увеличения привлекательности для иностранного капитала.»³

Глобализация стала американским национальным проектом. Американцы берут на себя роль архитекторов, претворяющих в жизнь этот проект.

Американский историк и апологет глобализации Р.Стил утверждает: «Именно США являются подлинно революционной, изменяющей мир державой. Мы верим, что наши политические установления отправляют все прочие системы в мусорную корзину. Мы возглавляем экономическую систему, которая эффективно погребла все прочие формы производства и распределения, оставляя на своем пути огромные богатства и невероятные руины. Культурное давление посредством Голливуда и Макдональдсов ощутимо во всех уголках планеты, и это давление подрывает другие общества. В отличие от традиционных завоеваний, мы не довольствуемся подчинением себе всех – мы настаиваем на том, чтобы они стали нашим подобием. Разумеется, для их собственного блага. Мы являемся самыми неутомимыми прозелитами мира. Сам этот мир должен быть привязан к подрывающему его устои Интернету. Неудивительно, что многие чувствуют себя находящимися под угрозой информаци-

---

² Уткин А. Глобализация: процесс и осмысление. М., 2001. С. 11.

³ Уткин А. Глобализация: процесс и осмысление. М., 2001. С. 11.

онной монополии.»⁴

Таким образом, совершенно очевидно, что глобализация – это американский проект подчинения мира в той или иной форме лидеру.

Другое направление во взглядах на глобализацию можно охарактеризовать как умеренно критическое или, что более верно, реформистское.

К критикам политики глобализации относятся выдающийся американский экономист, лауреат нобелевской премии по экономике за 2001 г. Джозеф Юджин Стиглиц, автор, получивший широкое признание во всем мире благодаря книге «Глобализация: тревожные тенденции». Последователь Дж. Кейнса и «нового курса» Ф.Д.Рузвельта, сторонник активной роли государства в экономике, он считает, что современный капитализм может и должен быть усовершенствован.

В 1993 г. Дж. Ю.Стиглиц с 1997 г. по 2001 г. занимал должность главного экономиста и вице-президента Всемирного Банка, что позволило ему близко познакомиться с практической деятельностью МВФ и убедиться в том, что в большинстве случаев она контрпродуктивна. В своей книге он подверг жесткой критике экономическую стратегию МВФ, которая основана на «трех столпах» так называемого Вашингтонского консенсуса: жесткой фискальной экономики, либерализации (уход государства из экономики) и приватизации.

«Рыночный фундаментализм» как политическая основа действий МВФ давно устроил в свете достижений современной экономической науки. Однако Фонд не спешит внести в него какие-либо коррективы.

Деятельность МВФ Стиглиц охарактеризовал такими словами: «Большинство рецептов МВФ приводило к катастрофическому падению жизненного уровня, уничтожению среднего класса, катастрофическому обвалу экономик целых регионов.»⁵

Однако Стиглиц вовсе не предлагает отказаться от глобализации. Проблема не в глобализации, а в том как она осуществляется.

Программа Стиглица:

- 1) Необходимость международных общественных институтов;
- 2) Управление (изменение системы управления);
- 3) Прозрачность;
- 4) Реформирование МВФ и глобальной финансовой системы;
- 5) Реформирование Всемирного Банка и Системы помощи развитию;
- 6) Международная помощь;
- 7) Списание долгов;
- 8) Реформирование ВТО и обеспечение баланса в повестке дня торговых переговоров.

Стиглиц выступает за глобализацию с человеческим лицом.

Ярким представителем реформистского направления является Джордж Сорос, автор книги «Открытое общество в опасности». Он полагает, что «капитализм, опирающийся исключительно на рыночные силы, представляет другую опасность открытому обществу». Рыночный фундаментализм стал настолько мощным явлением, что государства и международные организации не в силах ему противостоять.

Международная финансовая система достигла таких масштабов, что становится совершенно неуправляемой, все это может вызвать гигантский экономический обвал – цунами, которое обрушит всю мировую экономику. Как выразился сам

---

⁴ Азроянц Э. Глобализация: катастрофа или путь к развитию. М., 2002. С. 322.

⁵ Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. М., 2002. С. 235.

Дж. Сорос: «...рыночные силы, если им предоставить полную власть даже в чисто экономических и финансовых вопросах, вызывают хаос и в конечном итоге могут привести к падению мировой системы капитализма. Это мой самый главный вывод в данной книге».⁶ Дж. Сорос делает очень правильные выводы и глубокий анализ, однако те рецепты, которые предлагает Дж. Сорос, трудно назвать эффективными средствами преодоления «рыночного фундаментализма». Он предполагает создать некую мировую систему принятия решений для эффективного регулирования экономики. Необходимо новое мировое сообщество для принятия политических решений и поддержания экономики. Конечно же здесь виден целый клубок противоречий. Этой идее больше всех противятся США, не желая подчиниться каким-либо международным институтам. Такие рецепты способны, в лучшем случае снять остроту происходящих процессов, перевести агонию в хронику, но не более.

Критически по отношению к глобализации выступает мировое социалистическое движение. На конгрессах Социнтерна неоднократно высказывалось то, что глобализация не работает на бедных. ВТО, ВБ, МВФ не выполняют в необходимой мере функций, обеспечивающих справедливость в мире и в отдельных странах. Эти организации действуют исключительно в интересах более передовых, промышленно развитых стран, и в интересах особых групп в этих странах, чем в развивающихся странах мира. Именно в их интересах и вырабатываются правила игры. Ключевой выход из этой ситуации – это управляемость, или то, что мы называем информационным обществом, основанным на знании в сферах социальной, экономической и прав человека.

Социалистов объединяет «солидарность в деле улучшения человеческих условий жизни для достижения социальной справедливости, основанной на всеобщем уважении прав человека, равенстве полов, личных и коллективных свобод, составляющих суть демократии». Социалисты выступают за то, чтобы придать социальную направленность нынешнему процессу глобализации и поставить его на службу человечеству.

Демократический социализм родился и развивался в постоянном критическом отношении к капитализму. Социалисты признают и уважают творческую и продуктивную функцию рынка. Демократия, по их мнению, всегда развивалась в свободных рыночных обществах. Но социалисты не ожидают от рынка больше того, что он может дать... Следовательно не нужно путать рынок с демократией. Есть другие человеческие ценности, кроме тех, которые ставят во главу угла оптимизацию прибылей. Образование, здоровье, культура... Эти ценности не могут распространяться средствами рыночного регулирования.

Социнтерн приветствует рыночную экономику, но они признают, что рынок не является самоценностью. Скорее они понимают рынок как инструмент на службе общества, потенциал которого может быть лучше использован для наибольшего числа, когда сами граждане, действуя через демократические политические и гражданские институты, примутся за использование его огромных возможностей.

Социалисты выступают за улучшение управления глобальными процессами на всех уровнях.

В эту программу входят следующие пункты:

«Дело политической ответственности»:

1) удовлетворять общепризнанные права на образование, заботу о старости, защиту детей и молодежи, не допускать излишней концентрации населения в горо-

---

⁶ Азроянц Э. Глобализация: катастрофа или путь к развитию? М., 2002. С. 96.

дах, в результате чего могут появиться новые «гетто» маргинализации;

2) защита окружающей среды;

3) защита прав человека;

4) создать новый международный порядок, который гарантирует мир и безопасность.

В соответствии с этими целями были сформулированы приоритеты Глобального Прогрессивного проекта:

1) Преодолеть бедность и нищету в развивающихся странах. Ликвидировать долги беднейших стран.

2) «Борьба за права человека и демократию».

3) Реформировать международные финансовые институты: МВФ, Всемирный Банк, ВТО. Разработать новые правила, нормы, для того чтобы оказывать воздействие на финансовые операции. Создать под покровительством ООН экономический Совет Безопасности.

Социалистов не раз упрекали в том, что они хорошо умеют строить воздушные замки, но в действительности их слова часто сильно расходятся с их делами. Эти утверждения не лишены основания. Все пламенные заявления социалистов о борьбе за демократию, справедливость и права человека не помешали социалистическому движению поддержать в 1999 г. агрессию США против Югославии.

Следующее направление можно охарактеризовать как резко критическое. К нему примыкает широкий спектр политических сил, но в основном здесь можно выделить крайне левые и крайне правые взгляды на глобализацию как основные. Среди правых наиболее известны Дж. Патрик Бьюкенен в США и Гийом Фай во Франции. Европейские правые говорят о необходимости разрыва с Америкой и прекращения поддержки ее агрессивных военных компаний, оставить Америку в политической, экономической и военной изоляции. По их мнению, Соединенные Штаты не смогут в одиночестве, без политической поддержки, совершать крупномасштабные военные операции, как и не смогут удержать неизбежное падение доллара. Американские военные акции они называют «театрализованным милитаризмом», т.е. нападением на заведомо слабых противников, не обладающими эффективными средствами ПВО и не способными оказать организованное сопротивление. Действительно Соединенные Штаты, даже с такими противниками, как Ирак, далеки от победы как никогда. Главное для Европы сохранять свою экономическую и политическую самостоятельность, вести упорную конкурентную борьбу с США в экономическом плане. У Европы есть все шансы одержать победу в этом противостоянии потому как Европа обладает мощнейшей экономикой, которая уже сегодня, хотя не намного, но все же превосходит американскую. В настоящее время доля Европы в мировой экономике составляет 21% (США – 20,5%). В дальнейшем, по прогнозам экономических экспертов, доля Европы возрастет, а доля США будет неуклонно сокращаться. Удержать падающий доллар американцам также не удастся, потому как ценность его явно завышена и не соответствует реальному уровню производства Соединенных Штатов в мире. Главное для Европы – укреплять свою экономику, наращивать свою промышленную мощь и не ввязываться в военные акции американцев, позволив им тем самым увязнуть в конфликтах по всему миру, что и приведет к «имперскому перенапряжению» и истощению мощи Соединенных Штатов, как когда то это было с Европой после Второй мировой войны.

Разумеется, США будут пытаться не допустить подобного развития событий, подорвать европейский потенциал, всячески ослабить Евросоюз путем включения

в него стран Восточной Европы, верных вассалов США, а также навязав ему вступление Турции. Все это делается для разжижения Европейского Союза, что может привести к его значительному ослаблению. Правые подвергают жесткой критике бесхребетность европейских политиков, которые не способны поставить заслон потоку иммиграции, решить проблемы старения и трудоустройства. Правые подвергают жесткой критике неолиберальную глобализацию и ведут упорную борьбу против иммиграции – очень опасного явления, которое может привести к тому, что Европа станет африканской или азиатской колонией.

В отличие от правых крайне левое крыло антиглобалистского движения видит в политике глобализации, проводимой Соединенными Штатами, более серьезную угрозу. Такие левые антиглобалисты как Майкл Хардт, Антонио Негри, Эбби Хоффман, Майк Паренти, Кристоф Агитон, Субкоманданте Маркос и т.д. видят в американской политике глобализации чудовищную угрозу для всего человечества. Перераспределение ресурсов в пользу США и стран запада достигает катастрофических масштабов. Совокупное состояние 200 самых богатых людей мира за период с 1994 по 1998 год более чем удвоилось и превысило 1 триллион долларов, что больше совокупного дохода 41% населения планеты, а доход 756 самых богатых людей планеты превышает доход 50% населения планеты. Три сверхбогатых человека мира владеют активами, превышающими годовой доход четырех наименее развитых стран с населением 600 млн. человек. Вместе с тем в невероятных масштабах растет бедность. Нещадная эксплуатация мировых ресурсов западными странами, рост глобального неравенства, изменение климата, все это может привести к глобальной катастрофе для всего человечества. Они утверждают, что американский глобализм стал страшнейшей угрозой для всего человечества, поэтому левые антиглобалисты стремятся совместно с народами третьего мира повести решительную и революционную борьбу с «мировым сатаной» – Соединенными Штатами. Левые, как правило, не отделяют антиглобалистскую борьбу от борьбы со всей мировой капиталистической системой как таковой. Многие из них считают, что остановить неолиберальную глобализацию можно только покончив со всей капиталистической системой. Левый антиглобалист Алекс Каллиникос обобщил антикапиталистические ценности и выдвинул их в «Переходной программе». Эти предложения не являются законченной программой и предназначены скорее для обсуждения:

- 1) Незамедлительное списание долгов «третьего мира».
- 2) Введение «налога Тобина» на международные валютные операции.
- 3) Восстановление контроля за движением капитала.
- 4) Защита государственных и муниципальных служб и ренационализация приватизированных отраслей.
- 5) Прогрессивное налогообложение для финансирования государственных и муниципальных служб и перераспределения богатства и прибыли.
- 6) Отмена контроля над иммиграцией и расширение прав гражданства.
- 7) Программа предотвращения экологической катастрофы.

Европейские левые антиглобалисты призывают к совместной борьбе Европы и «Третьего мира» против общего врага – Соединенных Штатов. Для них необходима солидарность с арабо-мусульманским миром. Они считают, что без этого единства невозможно победить столь могущественного и коварного «монстра» – США. Они постоянно утверждают, что в Европе будто бы царит исламофобия, которая мешает единой борьбе против общего врага. Они рьяно борются за уничтожение всех барьеров, препятствующих неконтролируемому потоку иммиграции, борются за их права

и предлагают принять в Евросоюз Турцию, утверждая, что сам Евросоюз от этого еще более окрепнет. Весь потрясающий парадокс заключается в том, что именно этого же добиваются и Соединенные Штаты. По этому поводу красноречиво высказался один из правых критиков неолиберальной глобализации Гийом Фай: «Парадигма многоэтнической Европы, противостоящей Америке, это глупость, вносящая путаницу потому, что именно американская администрация стремится сделать Европу «многорасовой» и исламизировать ее, чтобы ослабить и взорвать изнутри, тогда как, наоборот, только этнически однородная Европа, с традиционной культурой, образующая единый блок, вдохновляемая волей к власти и обладающая эффективными средствами, могла бы эффективно противостоять американскому конкуренту и сопернику».⁷

Таким вот образом в самом антиглобалистском движении обнаруживаются глубокие, чуть ли не антогонистические противоречия. Неоднократно многие исследователи глобализации задавались вопросом: почему же так и не возникло единого антиглобалистского движения. Несмотря на то, что акции антиглобалистов бывают очень мощными, в целом движение это слишком неоднородное и полное больших клубков противоречий. Во многом это тоже результат влияния глобализации, которая не только делает мир единым, как это кажется на первый взгляд, но и раскалывает целые цивилизации и континенты. Никто не может быть уверенным в том, что в ближайшем времени не произойдет грандиозных столкновений больших этнических и цивилизационных блоков. Все это подтверждает еще раз, что не бывает вечных универсальных и интернациональных истин, как и вечных империй.

---

⁷ Фай Г. Всемирный переворот. Эссе о новом американском империализме. М., 2005. С. 108.

А. В. Уклеев*

ПРАВОВАЯ МОДЕЛЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОЛИТИКИ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ В РОССИИ

Правовой принцип взаимоотношений политики и государственной службы предполагает, что президент, правительство и депутаты определяют политические цели, стратегические и тактические задачи государства, контролируют государственный аппарат, несут ответственность за эффективность его работы перед обществом. Соответствующие же звенья государственной службы разрабатывают технологии решения этих задач, определяют пути, методы и средства их практической реализации, превращают политические обещания в конкретные государственные программы в рамках существующих законодательных и бюджетных ограничений. В общем, можно сказать, что это т.н. «идеальный вариант» взаимодействия двух вышеназванных категорий.

По этому поводу французский ученый Р. Драго пишет, что «администрацию нельзя отождествлять с государством. Цели администрации никогда не бывают первичны, они всегда вторичны и состоят в выполнении заданий, порученных ей основополагающими государственными органами. Таким образом, администрация всегда предстает как совокупность средств, позволяющих осуществлять решения политической власти»¹.

Вопрос о соотношении политики и государственной службы рассмотрим в плоскости разделения всех государственных должностей на две категории: политические и административные. Такое разделение должностей характерно для демократических систем государственной власти.

Служащие любой крупной организации могут быть классифицированы по определенным признакам, позволяющим судить об их принадлежности к тому или иному уровню организационной структуры.

Соответственно, такая классификация возможна и для государственных служащих. Принадлежность к структуре политической власти придает ролевым функциям государственных служащих свою специфику.

Используемый социологами термин «ролевая функция» обладает целым рядом важных признаков. Она включает и предопределенные заранее действия, и неповторимый вклад конкретного лица.

Анализ ролевых функций позволяет прийти к еще одному важному выводу. Ролевые функции в учреждениях и организациях постоянно создаются и пересоздаются, зачастую под влиянием меняющихся социальных условий.

У ролевых функций людей, работающих в различных государственных учреждениях, есть как общие, так и специфические черты. Специфические черты связаны с конкретными задачами учреждения, его конкретной структурой и т.п. Общие черты — это то, что присуще всем должностям данного служебного уровня, независимо от типа организации.

Политические деятели и политические исполнители имеют как общие, так и особенные черты. Например, и те, и другие в целом составляют правящую полити-

---

* Уклеев Александр Владимир — аспирант кафедры политологии и права Московского государственного областного университета.

¹ Драго Р. Административная наука/ Пер. с франц. М., 1982. С.5

ческую элиту, олицетворяют высшую государственную власть, принимают властные решения, имеющие, как правило, общегосударственное значение, определяют политический курс страны.

Ведущую роль в элитном слое играют политические лидеры, которые благодаря своему авторитету и занимаемой должности обладают реальной политической властью, «оказывают на все общество и каждый его социальный слой постоянное и длительное руководящее воздействие, причем влияние приоритетное, охватывающее самый широкий спектр общественных забот: экономических и социальных, обороны и международных отношений, культуры и искусства»²

Что касается политических исполнителей, то они назначаются либо выборными органами, либо выборными должностными лицами с последующим утверждением законодательным органом. Политические исполнители составляют основу так называемой *политической бюрократии*, под которой понимают «высшую государственную бюрократию, ответственную за разработку политики государства или влияющую на нее, сменяемую, но не избираемую, политически инициативную, но не самостоятельную, обладающую внутренней иерархией, которая определяется не столько официальным статусом, сколько местом в иерархии личных отношений с политиком или политическим субъектом, назначающим чиновников, и личной лояльностью»³.

Политические исполнители — это политические назначенцы, а, следовательно, их престиж, срок пребывания в должности (кроме нескольких должностей с фиксированным сроком) и их влияние вытекают из авторитета выборных должностных лиц. Они выступают как их советники. Политические исполнители могут быть ответственны за важнейшие решения, руководить огромными учреждениями, однако последнее слово остается за выборными должностными лицами. Миссия политических исполнителей состоит в осуществлении связи между собственно аппаратом и политическими субъектами, внешней средой. В определенной мере именно им, а не политическим руководителям, подчиняется бюрократический аппарат. Назначение политических исполнителей является главным средством обретения политического контроля над государственным учреждением и чиновничеством. Кроме того, на них ложится основная тяжесть реализации политики, основные принципы которой утверждаются выборными должностными лицами.

Нахождение политических назначенцев в руководящих креслах государственных учреждений позволяет повысить способность реагирования этих учреждений на требования граждан. Государственные учреждения как таковые являются устойчивыми элементами системы государственного управления любой развитой страны.

Как правило, партия или группа, выигравшая выборы, назначает политических исполнителей из числа своих верных сторонников. Именно на политических исполнителей ложится основная тяжесть конкретной реализации политики, основные принципы которой утверждаются выборными должностными лицами. Политическим исполнителям приходится мобилизовывать весь потенциал своих учреждений и опираться на служащих, находящихся на более низких уровнях ролевой структуры. Политические исполнители, не находящиеся контакта с кадрами своего ведомства, вряд ли могут добиться значительных изменений. Когда в ведомство приходит новый руководитель, то он часто видит свою первую задачу в реоргани-

---

² Охотский Е.В. Административно-политическая элита и государственная служба в системе властных отношений // Государственная служба: теория и организация. Ростов н/Д., 1998. С.149

³ Подшибякина Т.А. Государственная бюрократия в системе политико-административного управления Современной России: проблемы взаимодействия и тенденции развития. Дис. Канд. пол. наук: 23.00.02/СКАГС. Ростов н/Д., 1999. С112.

зации ведомства таким образом, чтобы сделать его более «отзывчивым» к требованиям новой политической повестки дня. Такая реорганизация может привести к немалому конфликту между политическим исполнителем и постоянно работающей бюрократией. Когда этот конфликт доходит до крайности, бюрократия может лишь в минимальной степени выполнять указания политического исполнителя, ожидая либо нового назначения, либо новых выборов. Таким образом, политический исполнитель должен найти баланс между знаниями, предпочтениями и опытом «своего ведомства» и требованиями выборных должностных лиц.

В России для политических исполнителей учреждены государственные должности категории «Б» которые, согласно «Закону об основах государственной службы», предназначены для непосредственного обеспечения исполнения полномочий лиц, замещающих политические должности. При этом государственная служба на государственных должностях категории «Б» ограничена сроком, на который назначаются или избираются соответствующие лица, замещающие политические государственные должности.

Многие отечественные исследователи считают, что слабость партийной инфраструктуры в России создает серьезные препятствия в поиске, и выдвижении достаточного числа высококвалифицированных политиков и политических исполнителей, и это повышает вероятность ошибок и неудачных кадровых назначений, и в целом подрывает демократические основы кадровых процессов⁴. Для России исторически не характерно сильное влияние политических партий на подбор и выдвижение лиц на должности политических исполнителей. С этой ролью неплохо справляются как структуры исполнительной власти, так и влиятельные бизнес-структуры, а также армия, спецслужбы и т.п. А кадровые ошибки могут быть при любом способе подбора кандидатур.

Политики и политические исполнители живут краткосрочной перспективой, надеясь получить результаты до новых выборов. Ответственным чиновникам приходится корректировать нереалистические ожидания, приводя их в соответствие с реальными возможностями, поскольку они должны поддерживать эффективность деятельности государственных служб в условиях, когда финансовые ресурсы ограничены или сокращаются.

Принцип карьерности и пожизненного найма государственных служащих защищает их от прямого политического давления и вмешательства политиков в оперативную деятельность органов управления. Вновь избранные или назначенные должностные лица не могут по политическим или иным соображениям сместить карьерного служащего. Карьерные государственные служащие работают в одних и тех же ведомствах и учреждениях в среднем 15-25 лет, постепенно перемещаясь вверх по служебной лестнице и занимая все более ответственные посты. За это время они приобретают солидные знания и набираются опыта.

Это позволяет постепенно, на протяжении многих лет экстенсивного профессионального развития кадров сформировать прочную государственную службу, обеспечить ее высококвалифицированным корпусом грамотных и ответственных чиновников.

Здесь можно провести небольшую параллель со сложившейся в России ситуацией по поводу процесса формирования кадрового состава государственной службы. Прежде всего, необходимо отметить, что российские государственные служащие достаточно хаотично перемещаются из одного расформировываемого ведомства в другое — вновь созданное и во многих случаях им приходится осваивать новые сферы деятельности, что

---

⁴ Улуян А. Партийные поклонники властных талантов. // Российские вести. 4.04.2001. С.5

не способствует росту профессионализма.

Отрасли промышленности объединяются в министерства зачастую не согласно логике, а в результате лоббирования чьих-либо бизнес-интересов и разъединяются по такой же схеме. Например, в 2003 году существовало в течение нескольких месяцев министерство промышленности и науки, затем наука отошла к министерству образования, а промышленность к министерству энергетики. В свою очередь министерство промышленности и энергетики в результате внутренних противоречий в 2004–2005 годах начинает выделение из своего состава различных служб и ведомств и т.д.

Известный американский экономист Людвиг фон Мизес в своей работе «Бюрократия», в связи с тем, что положение карьерных служащих порождает у них склонность к консерватизму пишет: «Проведя большую часть жизни в положении подчиненных, они лишились энергии и инициативы. Они избегают нововведений и улучшений и на любой проект преобразований смотрят как на нарушение своего спокойствия»⁵

Для успешной работы карьерным служащим требуются не только организационные навыки, но и умение балансировать между курсом выборных инстанций, интересами своего ведомства и ожиданиями граждан, строить прочные взаимоотношения с избранными и назначенными должностными лицами, быть искренне лояльным тому государству, которому они служат.

Ответственные чиновники добьются наибольшего успеха тогда, когда, поддерживая политику сегодняшних лидеров, будут заявлять, что они — «над политикой». Эта цель может быть достигнута с введением принципа карьерности и пожизненного найма, способствующего в определенной мере «непрерывности и преемственности» в осуществлении государственной политики и о котором было сказано выше, а также принципа политического нейтралитета корпуса государственных служащих по отношению к политическим партиям.

Принцип политического нейтралитета включает в себя запрет на участие в самостоятельной политической деятельности в качестве государственного служащего, запрет на создание в государственных органах структур политических партий, общественных движений и объединений, запрет на материальную поддержку политических партий, на участие в различных политических акциях, на ведение политической пропаганды и агитации⁶.

Принцип несовместимости государственной службы и политической деятельности действует также в Бельгии, Греции, Ирландии, Голландии. В других европейских странах, например в Германии, Дании, Испании, Франции, Италии, Португалии, право на свободу взглядов государственных служащих лимитируется лишь обязанностью быть сдержанным в их выражении, а право на политическую деятельность не ограничивается, т.е. служащий может взять административный отпуск, временно оставить работу и так далее, а по окончании данной деятельности вернуться на государственную службу⁷.

Российское законодательство о государственной службе устанавливает принцип внепартийности государственной службы и запрещает государственным служащим использовать свое служебное положение в интересах политических партий, общественных, в том числе религиозных, объединений для пропаганды отношения к ним. В государственных органах Российской Федерации не могут образовываться структуры

⁵ Людвиг фон Мизес. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность/ Пер. с англ. М., 1993. С.49.

⁶ Стариков Ю.Н. Государственная служба Российской Федерации: Теоретико-правовое исследование. Воронеж, 1996. С.166.

⁷ Мальцев М.А. Государственный служащий современного типа. Москва – Нижний Новгород, 1995. С.33

политических партий, религиозных, общественных объединений, за исключением профессиональных союзов⁸.

Весьма важную роль в государственных органах играют специалисты, которые составляют среднее звено государственной службы. Несмотря на то, что ответственные чиновники и специалисты выделяются в отдельные ролевые типы, следует отметить тенденцию увеличения количества высокопоставленных чиновников, которые специализируются и имеют степень магистра по бизнесу или государственному управлению. Кроме того, часть чиновников «вербуются» из специалистов, покидающих свою прежнюю должность и приходящих на управленческую работу, но в ряде случаев продолжающих работать и по специальности. Чтобы стать специалистом, нужны годы подготовки и длительный период практики. Статус специалиста подтверждается соответствующим документом. Количество и важность специалистов в государственных учреждениях и организациях все более возрастает.

Наконец, государственные служащие низового звена представляют собой основу многих государственных организаций. Именно они осуществляют непосредственное обслуживание граждан в самых разнообразных формах. У многих государственных служащих низового звена нередко проявляются отрицательные черты, свойственные всем тем, кто работает в самом низу организационной иерархии. Хотя многие служащие низового звена выполняют основную функцию организации, они, как правило, хуже всех оплачиваются, имеют самый короткий отпуск, оцениваются самыми последними и рассматриваются как звено, требующее наибольших расходов. К тому же, у них ограничены возможности продвижения.

Однако недооценка низового звена может отрицательным образом сказаться на функционировании системы государственного управления, поскольку именно служащие низового звена «доносят» услугу до клиента, в чем и проявляется их неформальная власть. В силу своего положения они становятся своеобразным олицетворением государственной политики.

Итак, система политико-административного управления, с точки зрения ролевых функций, включает в себя следующие элементы: политические деятели, политические исполнители, аппаратные работники (ответственные чиновники и специалисты).

Последние вместе со служащими низового звена и составляют собственно государственную службу. Политические исполнители в этой системе играют роль связующего звена между политическими деятелями и аппаратом, проводя политику победивших на выборах политических лидеров в среде профессионального чиновничества. Государственная служба и ее кадровый состав обеспечивают стабильность и непрерывность работы государственной машины.

---

⁸ Федеральный закон РФ от 21 июня 2001г. «О политических партиях» //Российская газета. 2001. 14 июня.

УТВЕРЖДЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА КАК ВАЖНЕЙШЕЕ УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Непременной предпосылкой для возникновения демократии в любом обществе является наличие в нем разработанной в классической политической литературе теории гражданской культуры и тесно связанной с ней, демократической политической культуры. В современном российском обществе, правящие группы которого провозглашают цели создания политической демократии, демократическая политическая культура только начинает складываться.

Исследователи политической культуры демократии единодушно утверждают, что ее становлению в России благоприятствует бесконфликтное, стабильное развитие общества. Совершая переход от тоталитаризма к демократическому строю в условиях социальных потрясений, этнических и религиозных конфликтов, формирование новой культуры идет трудно, непоследовательно, сопровождается попытками вернуться к традиционным образцам. Таким образом, процесс смены политико-культурной парадигмы растягивается на десятилетия. Сохраняемый коллективной памятью нации старый политический опыт тормозит становление и усвоение новых стереотипов сознания и поведения. Смена типов культуры в национальном масштабе происходит независимо от их содержания – путем постепенного вытеснения одних систем ориентаций и моделей поведения другими. Этот процесс может ускоряться в условиях национальных потрясений и катастроф, таких как война или революция, но подобное развитие событий не благоприятствует демократизации общества. Взгляды и поведенческие стереотипы формируются конкретной эпохой, а поскольку старшие поколения с наступлением новых времен в целом не в состоянии радикально перестроиться, то смена культур оказывается связанной в социологическом плане именно со сменой поколений.

Привить различным категориям граждан демократическую политическую культуру лишь путем прямого целенаправленного обучения практически невозможно. Она передается в ходе сложного процесса, включающего в себя обучение во многих социальных институтах – семье, группе сверстников, учебном заведении, на рабочем месте, равно как и в самой политической системе. Так шаг за шагом складывается политическая культура индивида, группы, поколения. Путем вытеснения старых элементов новыми и наслаивания одних на другие, складывается политическая культура общества. Динамика этого процесса зависит от многих факторов, но прежде всего от общеполитической и социальной динамики.¹

Политическая культура оказывает определенное воздействие на политическую систему, на политический процесс, на политическое участие, на весь ход преобразований российского общества и государства. Но одновременно с этим и сама политическая культура трансформируется под влиянием реформ, обретая новое содержание. К числу главенствующих факторов трансформации политической культуры можно отнести следующие: государство, гражданское общество, власть, попу-

* Гришина Татьяна Александровна – соискатель кафедры социологии и политологии Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова.

¹ Некрасова А.М. Политическая культура и политическая модернизация российского общества: Учебное пособие. М., 2003. С.10 - 11

ляризация политических сил общества.²

Одной из особенностей политической ситуации в России является, прежде всего, противоречие между гражданским обществом и государством. Это противоречие – результат развития демократии. Оно становится все более ощутимым по мере формирования истинно демократического гражданского общества, и форсировать этот процесс невозможно, так как само гражданское общество является продуктом действия совокупных процессов спонтанного регулирования, а не целенаправленного управляющего воздействия.³

Существуют различные толкования категории «гражданского общества», так как, возникнув в середине XVII в. в Европе, данное понятие претерпело эволюцию и породило несколько концепций. Но оно неизменно рассматривается в противопоставлении понятию «государство». До середины XVII в. данные понятия использовались как тождественные. Но переход от Средневековья к новому времени ознаменовался осознанием различий между гражданским обществом и государством. Хотя термин «гражданское общество» можно встретить и у античных авторов, так как исходные категории в осмыслении гражданского общества заимствованы из обихода Древней Греции и Древнего Рима, но самого этого явления в античном мире не было. С греческого «*politia*» по определению представляла собой единое существование общества и государства, гражданина и политика.⁴

Многие классики европейской социально-философской мысли, начиная с Гегеля, подчеркивали, что «гражданское общество» основано на принципах взаимной зависимости людей, признающих взаимные обязательства друг перед другом и частные интересы индивидов, на коллективном сознании, солидарности, возникшей на основе общих для всех, разделяемых всеми фундаментальных ценностях. Гражданское общество определяется ими как система, в которой главные культурные и политические ценности всего общества становятся частью сознания индивидов, а нормы законов, морали, организующие жизнь общества в целом, – естественной частью их политической культуры, принявших их в качестве регуляторов их собственного поведения. При множестве интерпретаций «гражданского общества», у него есть ядро институтов – добровольные ассоциации за пределами государства. К ним относятся культурные союзы, спортивные общества, дискуссионные клубы, независимые СМИ, группы граждан. Их задача – поддержание и уточнение границ гражданского общества с государством путем расширения социального равенства, свободы и демократических институтов государства. Таким образом, гражданское общество можно представить как форму добровольной самоорганизации конкретного человеческого сообщества, возникшую без давления со стороны государства, в рамках закона. Государство как выразитель воли всего населения в цивилизованном демократическом обществе, призвано совместить эти интересы, обеспечить понимание по основополагающим вопросам общественно-политической жизни. Базисом гражданского общества является многоукладная экономика, плюрализм, предоставление широкой деловой инициативы гражданам. Важным условием функционирования гражданского общества является наличие развитой социальной системы, которая отражает многообразие различных групп и слоев общества. Социальную основу такого общества составляет средний класс как наиболее активная и мобильная часть населения. Духовная сфера гражданского общества основана, прежде

---

² См.: Пеньков В.Ф. О политической культуре российского общества. Тамбов, 1996. С. 85-136.

³ См.: Тихонова В.А. Политическая культура российского общества: социально-философский аспект. Монография. М., 2001. С.131.

⁴ См.: Филатова О.Г. Социология. Учебник для ВУЗов. СПб, 2002. С.320.

всего, на плюрализме в области идеологии, свободе слова, печати, совести, высоком уровне интеллектуального развития личности.

А.И. Соловьев в своем исследовании дал следующую характеристику политической культуры: «В отличие от государства, на десятилетия и столетия испытывавших «цивилизующее воздействие капитализма» (Маркс), жители нашей страны веками ориентировались по преимуществу на нормы общинного коллективизма... Причем, в XX в. эти традиции были подкреплены жесточайшим тоталитарным контролем государства, исключавшим любую идеологически несанкционированную активность граждан... В большинстве же своем люди с великим трудом воспринимают идеи либеральной демократии, основанные на неестественных для них ценностях: понятиях рынка, политической и экономической свободы, конкуренции, нравственной автономии и проч.... Лишенные индивидуально выношенных мировоззренческих опор, гражданские и политические представления большинства людей приобретают исключительную предрасположенность к конформизму ...»⁵

Основная проблема формирования демократической культуры состоит в том, что новые, предлагаемые обществу идеи, нормы и ценности должны быть определенным образом созвучны традиционным для него ценностям, они не должны вступать в неразрешимое противоречие с основополагающими установками массового сознания, с базовыми ценностями. Отбор тех идей и ценностей современной демократии, которые актуальны для россиянина сегодня и могут стать основой для изменения навыков поведения в обществе, в том числе и политического поведения, произойдет, вероятно, постепенно, в ходе самого процесса формирования демократической политической культуры. Недостаточное развитие гражданского общества создает условия для узурпации его прав, присвоения его функций государством. При демократическом режиме государство и гражданское общество выступают обычно как равноправные партнеры, и решение различных проблем осуществляется путем компромисса между государством и обществом.

В СССР в конце перестройки начало формироваться гражданское общество, и этот процесс продолжается до сих пор. Очевидно, что путь его складывания будет существенно отличаться от пути, которым создавалось гражданское общество на Западе, основанное, как известно, на автономной личности. В условиях отсутствия в России традиций индивидуализма главную роль в формировании гражданского общества могут сыграть социальные общности, где в процессе рационализации социального взаимодействия и может сформироваться самостоятельная, ответственная личность.

В начале 90-х годов в ожидании перемен резко возросла политическая активность граждан, увеличилось число различных общественных организаций, объединений граждан по интересам, политическим целям. Эти показатели являются свидетельством существования в России гражданского общества. Но парадоксом является то, что в России действует стереотип сознания, что негосударственные организации не являются конкурентными и равносильными государству органами для решения жизненно важных вопросов. Это говорит о том, что у россиян больше надежд на государство, поэтому Россию нельзя пока отнести к странам с сильным гражданским обществом.

Народ отдален от тех процессов, которые происходят «наверху», что является показателем элитарного характера модернизации, происходящей в России. Отсюда остается неизменным политическое поведение граждан. И лишь осознание своей

---

⁵ Цит. по: Политология: Учебник /Под ред. В.А. Ачкасова, В.А.Гуторова. М.: 2005. С.386-387.

электоральной значимости дает возможность наиболее активным членам общества возможность растворять инертность политической культуры всплесками активной политической деятельности.

Нужно осознать тот факт, что истинная демократия – не только наличие провозглашенных прав и свобод, «широкого» представительства населения в какой-либо ветви власти, а реальное участие организованного в гражданское общество широких слоев населения в политическом процессе, в возможности общественного контроля над всеми ветвями власти. Она реализуется в подлинном самоуправлении, в действенном контроле использования общенародного достояния в общенациональных целях. Выход также в том, что должен действовать такой механизм функционирования «гражданского общества», при котором оно могло бы выступать и как оппонент, и как советчик правительства, президента, информировать их не по официальным, а по общественным каналам о положении дел, предлагать альтернативные, наиболее эффективные пути решения тех или иных проблем. И в процессе целенаправленных политических действий, приобретении нового политического опыта, привнесенного в политический процесс представителями не номенклатурного, а качественно иного слоя, где показателем его полезности будет профессионализм, деловитость, инициативность, высокий уровень образования, станет возможным структурирование «гражданского общества» в России и возникновения новых качеств политической культуры граждан. Они смогут обеспечить уверенность в эффективности активных политических действий, возможность через негосударственные объединения и организации влиять на власть, властные структуры с целью обеспечения всестороннего развития демократических преобразований в интересах российского народа.⁶

Рассуждения о категории гражданского общества и влияние его подлинно-демократической сущности как действенного механизма демократизации процессов общественного развития, активизации политической культуры подтверждает сложившиеся в науке выводы о том, что только в правовом государстве может быть сформировано гражданское общество.

Определяя механизмы демократизации российского общества, его политической культуры, к ним с такими же основаниями можно отнести и проблемы формирования и утверждения правового государства. Конституция закрепила положение о России как о демократическом правовом государстве, она дала ценностную ориентацию всего развития России. Признание, соблюдение и защита прав человека и гражданина должны составлять неременную обязанность государства. Носителем суверенитета и источником власти в России является народ. Но никакая конституция не в состоянии решить все острые проблемы, если их не решают соответствующие институты, организации, общество в целом и, прежде всего, его граждане. Поэтому социальные ожидания, связанные с переходом к конституционно провозглашенному строю, не оправдались. Демократическое правовое государство пока полностью не сложилось, а значит и норма Конституции полностью не реализована.

Просветительская, социально-культурная деятельность – эффективный путь к решению сложившихся проблем. Ориентироваться на эту деятельность помогут обучение и воспитание, в работа СМИ. Только подобными методами работы возможно обеспечение условий для реального правового государства и гражданского

---

⁶ См.: Тихонова В.А. Политическая культура российского общества: социально–философский аспект. Монография. М., 2001. С.145-146.

общества, избавление его политической культуры от традиционного правового нигилизма, а значит, привнесение в нее необходимых элементов политической культуры демократического государства. Начало действий этих механизмов тесно связано с изменениями сознания, поведения, мироощущения индивидов.

Культура, в том числе и политическая, развивается и изменяется, как уже было сказано выше, под влиянием множества внешних и внутренних факторов. Поэтому судьба российского конституционализма, воплощение в жизнь конституционных принципов во многом зависит от тех, кто участвует в процессе создания новой демократической политической культуры, в основе которой должны уже в процессе обучения молодежи закладываться принципы конституционного сознания и демократического народовластия. А это процесс длительный.

Россия нуждается в сильном государстве, но не нужно искажать данное понятие. В истинном смысле «сильное государство» – это демократическое государство, которое знает только одну власть – закона, права, ценностей морали и нравственности. Оно не противостоит гражданскому обществу. Государство особенно сильно, когда его граждане отличаются как высокой политической и правовой культурой, так и активностью своего участия в его управлении. Понимание гражданами своей личной значимости в осуществлении практических дел есть условие формирования сильного государства. Там, где этого нет, в обществе отмечается политическая, социальная пассивность и инертность. Если государство не может опираться на действенную поддержку большинства общества, нет и оснований для сильного государства. Отсюда и интерес государства, его лидеров в укреплении доверия граждан к своим действиям, формированию политической культуры общества не на базе конфронтации с ним, а на толерантности, на доверии, поддержке.⁷

Политическая толерантность может рассматриваться как одно из условий становления гражданского общества. Для демократии политическая толерантность особенно важна, потому что демократическое общество не предполагает тотального согласия. Здесь доминируют плюралистическая конкуренция, состязательность и соперничество, на основе которых формируются объединяющие все общество ценности. Она не исключает, а наоборот, предусматривает наличие постоянного конфликтного поля, но в то же время содержит конкретные принципы и эффективные технологии снятия периодически возникающих противоречий и конфликтов. Значительная роль в решении конфликтов принадлежит политической культуре, поскольку сфера как мирного урегулирования конфликтов, так и насильственных мер в немалой степени определяется историческим прошлым.

Политическая толерантность предполагает не только признание возможности политических разногласий и различий, уважение политических прав и свобод других людей, но и наличие демократического самоконтроля и самоограничения, которые также являются немаловажными элементами развитой политической культуры. При этом источником и регулятором политической толерантности выступает гражданская ответственность как важнейшая качественная характеристика толерантности и как критерий толерантных взаимоотношений.⁸

В реальных условиях современности действует не будущая политическая культура, которую хотелось бы иметь обществу, а та, что сложилась под влиянием современных политических процессов, унаследовав при этом весь груз прошлых

---

⁷ См.: Тихонова В.А. Политическая культура российского общества: социально–философский аспект. Монография. М., 2001. С. 153.

⁸ См.: Денисовский Г.М., Козырева П.М. Политическая толерантность в реформируемом российском обществе второй половины 90-х годов. М., 2002. С.4-13.

традиций и стереотипов. Но очевидно и другое. Если Россия всерьез намерена строить демократическое общество и правовое государство, то без новой политической культуры ей не обойтись. А создание такой культуры, как бы самобытна она ни была, требует неперемennого творческого освоения накопленных общезначимых человеческих ценностей: открытости в политике, уважения личности, уважения закона, плюрализма мнений, политической и религиозной толерантности, приоритета ненасильственных методов решения политических проблем и т.д.

Одна из трудностей, переживаемых сегодня страной, заключается в том, что многие наши политики (как, впрочем, и рядовые граждане) остаются в плену или, по крайней мере, под сильным влиянием тоталитарной и авторитарной политической культуры: нетерпимы к оппонентам, не владеют искусством компромисса, отдают неоправданное предпочтение силовым методам решения социально-политических проблем, неохотно признают оппозицию в качестве легитимной политической силы и т.д. Но есть несомненное движение вперед. В стране налицо публичная политическая жизнь со своими «активистами», «умеренными» и «пассивными». Свобода прессы и плюрализм мнений воспринимаются как норма жизни. Большинство граждан поддерживают идею парламентаризма, хотя и критически относятся к самим парламентариям, как не выполняющим должным образом возложенную на них миссию. Поддерживают они и идею выхода из кризиса с помощью демократических методов.

Направление, в котором продолжится развитие российской политической культуры в дальнейшем, будет зависеть от многих факторов: политических, экономических, социальных. И не в последнюю очередь от того, на каких ценностях станет воспитываться в ближайшие годы новое поколение граждан.⁹

Из всего выше сказанного мы можем констатировать, что процесс формирования правового государства и гражданского общества в России идет, так как уже появились отдельные элементы демократической политической культуры.

---

⁹ Некрасова А.М. Политическая культура и политическая модернизация российского общества: Учебное пособие. М., 2003. С.12-13.

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ НАУЧНОГО И МИСТИЧЕСКОГО

Во многом мистическое знание и сопряженный с ним, в качестве основного источника, мистический опыт представляют собой значительную проблему с точки зрения науки, под которой в данном случае понимается сфера человеческой деятельности, функция которой – выработка и теоретическая систематизация знаний о действительности¹, то есть та область знания, которая имеет доказательный, эпистемический характер. Научное знание имеет целый ряд определяющих черт, среди которых в центральный угол можно поставить рациональность, как постоянную апелляцию к авторитету разума. «Рационалистическая позиция, или, как ее можно назвать «позиция разумности», очень близка к позиции науки с ее уверенностью, что в поисках истины мы нуждаемся в сотрудничестве и что с помощью доказательств можно добиваться некоторого приближения к объективности».² Как таковая наука в исходной своей позиции осваивает мир в понятиях, суждениях и умозаключениях. Понятийное мышление в науке доминирует над всем непонятийным и образным, отнесенным на второй план, либо полностью отсутствующим.

Знание, основанное на мистическом опыте довольно трудно оценивать, с точки зрения критериев разума. Неизреченность мистического во многом связана вовсе не с тем, что оно исключительно укоренено в чувственной природе человека, скорее можно говорить о том, что сам мистический опыт просто не имеет конкретных аналогов в жизни по эту сторону «границы», «речь в данном случае идет о различных мирах, между которыми нет точек соприкосновения».³ Специфика мистических переживаний несколько иная, нежели обычные повседневные впечатления. Мистическое познание это, прежде всего, познание, претендующее на универсальность и всеобъемность, и требующее такого же универсального, всеобъемлющего языка выражения и описания.

Для мистического мироощущения характерно отрицание противопоставления субъекта и объекта, пространственных и временных аспектов реального мира, законов человеческого мышления, то есть по сути основных условий рационального познания. В мистическом опыте все знание возникает и по сути дела остается в авторе, а все что продолжает самостоятельно существовать в форме описаний, есть лишь жалкие отблески «в пещере», и не более того.

Научное знание напротив имеет внеличностный, интересубъективный характер, роль автора в науке естественно необходима на начальных этапах, но в конечном варианте знание существует самостоятельно. «Рационалистический подход принимает во внимание, прежде всего доказательства, а не личность доказывающего»⁴, именно доказательность отделяет научное знание от других форм знания, в частности от веры, религии. С научной точки зрения, любое знание должно иметь критичность, но в мистическом опыте мы видим то, что все знание из него истекающее,

---

* Савинов Михаил Викторович – аспирант кафедры онтологии и теории познания Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

¹ См.: Наука//Современный Энциклопедический словарь. М., 1997.

² Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М., 1992. С. 260.

³ Ясперс К. Общая психопатология. М., 1997. С. 26.

⁴ Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М., 1992. С.261.

можно либо принять, полагаясь на авторитет тех лиц, которые этот опыт испытали, либо самому его пройти, однако этот опыт во многом элитарен и дается далеко не всякому. Неизреченность и невыразимость мистического опыта, основанность его только на личных, индивидуальных переживаниях и на вере окружающих, приводит к некоему замкнутому кругу проблем, найти выход, из которых достаточно сложно.

В качестве одной из точек пересечения областей «мистического» и «научного» можно рассматривать интуицию (на средневековой латыни *intuitio*, от *intueor* – пристально смотрю) под которой понимается, прежде всего, постижение истины путем непосредственного ее усмотрения без обоснования с помощью доказательства.⁵ В этом аспекте весьма примечательна точка зрения, высказанная У. Джеймсом: «Хотя эти состояния относятся к сфере чувств, они, тем не менее, являются особой формой познания. Человек проникает в глубины истины, закрытые для трезвого рассудка. Это своего рода откровения, моменты внутреннего просветления. Разумеется, мистический опыт по самой своей природе сопряжен с интуицией. Однако можно ли этот признак считать базовым? Ведь интуиция сопровождает и научное творчество».⁶ Рациональное мышление не чуждо интуиции, но здесь интуиция, в отличие от интуиции мистической, подчинена контролю и проверкам со стороны человеческого разума.⁷

Еще одним из сближающих моментов можно рассматривать наличие у мистики и науки определенной цели, которая тесно переплетена с различными человеческими инстинктами, потребностями и устремлениями, а также то, что подобно научному знанию мистическое также имеет теоретическую систематизированную базу неких принципов, которые, по сути, определяют то, как совершается действие, с точки зрения его эффективности.

Вместе с тем, несмотря на наличие определенных элементов сходства, существует достаточное количество всевозможных «но», говорящих об кардинальных непримиримых различиях, которые ставят под большой вопрос возможность какого-либо синтетического сближения этих двух культурных явлений. Прежде всего, это то, что феномен «мистического опыта» крайне сложно, если даже не сказать невозможно, отделить от схожих по своему характеру всевозможных человеческих психопатологий, хотя естественно также и саму психопатологию «можно считать наукой лишь в той мере, в какой она отвечает этому требованию».⁸

И. Кант в одном своем небезызвестном произведении утверждает, что переживания мистического озарения «не могут быть всеобщими и обыкновенными: они происходят только у людей, чьи органы чувств отличаются необычайной возбудимостью, позволяющей им сообразно с внутренним состоянием души усиливать гармоническим движением образы фантазии в большей степени, чем это бывает или должно быть обыкновенно у здоровых людей. Подобные необыкновенные личности в известные моменты могут быть встревожены признаками каких-то внешних предметов, которые они принимают за духовные существа, действующие на их телесные чувства, хотя здесь происходит один лишь обман воображения».⁹ Все это

---

⁵ См.: Интуиция// Современный Энциклопедический словарь. М., 1997.

⁶ Джеймс У. Многообразии религиозного опыта. М., 1993. С. 415-416.

⁷ Ср.: Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М., 1992. С. 432.

⁸ Ясперс К. Общая психопатология. М., 1997. С. 25

⁹ Кант И. Грезы духовидца, проясненные грезами метафизики// Сведенборг Э. О небесах, о мире духов и об Аде. Мудрость Ангельская о божественной любви и божественной мудрости. М., 2003. С. 715-716.

может свидетельствовать «о действительной болезни»¹⁰, когда больные «начинают переживать собственные ощущения как истинную реальность и в итоге теряет чувствительность к доводам разума. Мир ускользает от них».¹¹

Естественно душа человека как таковая не может быть предметом наблюдения, все, на что мы способны, это представлять ее через уподобления и символы, все события психической жизни доступны только опосредованному восприятию¹², мы можем только составить о них определенные представления на основе внешних фактов проявления и определенного «вчувствования» во внутреннюю суть. Однако этот ракурс проблемы совершенно не мешает нам опираться на то достаточное количество научных клинических исследований, подтвержденных громадным множеством фактов, аналитически и статистически тщательно проработанных. Что, собственно, мешает нам говорить о психопатологической основе экстаза мистика, когда такого же рода «симптомы» также свойственны, к примеру, и ранним стадиям шизофрении.¹³

Бесспорно, мы не можем отнести все развитое, богатое описание мистического экстаза к области психиатрии, но те описания испытываемых блаженств, постижения глубочайших смыслов мира в кристальной ясности видениях при отсутствии реального, ясного содержания, которые, после того как соответствующие состояния остались в прошлом, уже совершенно невозможно воспроизвести или описать, наводят на достаточно определенную во многом точку зрения. В этой связи совершенно справедлив вопрос о том, «что есть мистический опыт на самом деле?», и где пролегает та грань, которая позволит отделить подлинно актуальное и существенное знание от вымысла лукавого, от фантазий и словоблудия безумствующего, погруженного в бесконечные дебри нематериальных химер, ссылка на которые «служит убежищем для ленивой философии».¹⁴

Эпоха XX столетия, и в особенности последние несколько десятилетий, может быть расценена как переходный этап к новому, формирующемуся, идеалу научности, отмеченному пока еще печатью значительной неопределенности, когда существующие и вроде, казалось бы, неизменные классические эталоны научности подвергаются существенным трансформациям и пересмотру, таким, о которых в прежние века не могло идти вообще никакой речи. Стандартный идеал научности, несмотря на многообразные формы выражения, имеет твердую основу, состоящую из ряда регулярно воспроизводимых, стабильно действующих основоположений, которые тесно вплетены в интеллектуальную традицию, и которые длительное время имели характер неоспоримых очевидностей, никакая альтернатива которым фактически не допускалась. Возникшая ситуация перехода была обусловлена целым рядом причин и прежде всего тем, что классическая научная парадигма не в состоянии была разрешать тот круг насущных проблем, которые ставило перед ней общество, это обозначило возникновение настоящего фундаментального кризиса, и естественно, как следствие данного дефицита, отчетливо наметило возможность перехода к существенно иным представлениям, то есть к новым альтернативным эталонам и образцам научности.

---

¹⁰ Там же. С. 716.

¹¹ Ясперс К. Общая психопатология. М., 1997. С. 96.

¹² См.: Ясперс К. Общая психопатология. М., 1997. С. 33-35.

¹³ См.: Там же С. 154.

¹⁴ Кант И. Грезы духовидца, проясненные грезами метафизики// Сведенборг Э. О небесах, о мире духов и об Аде. Мудрость Ангельская о божественной любви и божественной мудрости. М., 2003. С. 706.

Однако большая проблема состоит, на мой взгляд, в том, что переходные, и крайне нестабильные условия, представляющие своеобразную точку бифуркации в науке, приводят к размыванию границ научности, когда остро встает вопрос «Что есть наука на самом деле?», где та грань, которая позволит отделить научную мысль от всевозможного фантазийного мусора.

Новый идеал, находящийся пока еще в процессе формирования, стремится непосредственно к замене фундаменталистской обоснованности критерием эффективности в решении проблем, допустимости множественности частных идеалов научности, к учету социокультурных факторов. Однако до завершающего этапа формирования пока еще далеко, так как реального образца нового научного знания пока еще, к сожалению нет. Каким он будет? — это большой вопрос, но возрастающие тенденции современной науки ко все большей меж- и трансдисциплинарности, как некоего нового протообразца научности, говорят о том что это будет что-то весьма отличное от «классики», вобравшее в себя элементы различных подходов.

Перспектива довольно заманчивая, но как быть с псевдонаучным знанием, в качестве своеобразного аналога которого можно рассматривать знание, полученное в мистическом откровении, которое при всем своем многообразии и нестандартности, во многом претендует на получение научного, и даже сверхнаучного, статуса. Стремление к слиянию всего и вся, подводит нас к тому, что несоответствие мистической парадигмы требованиям научности было существенным только для стандартной научной модели, в новых же условиях мы стоим перед дилеммой не просто пересмотра и определения статуса мистики, но переопределения того, что есть само «научное».

Конечно же, научная картина мира представляет собой во многом систему общих представлений о мире, вырабатываемых на соответствующих стадиях исторического развития научного познания и сформированную в результате определенного синтеза знаний различных наук.¹⁵ Вполне естественно, что в истории человеческого общества «время от времени осуществляются попытки, направленные на преодоление исторически ограниченных форм научного знания и соответствующих им способов интерпретации и видения предметной действительности»¹⁶, однако в новых условиях стоит все же призадуматься о возможности «нового синтеза», так как довольно часто «слабость человеческого рассудка вместе с его любознательностью приводят к тому, что вначале истина и ложь принимаются без разбора». ¹⁷ У нас нет гарантии того, что, идя по столь незаметной и зыбкой границе глупости и разумности, мы не коснемся той самой глупости взамен разумности?¹⁸ Но вместе с тем, стоит сказать, что всевозможные интерпретации важны уже в силу того, что они выражают определенные альтернативные точки зрения, и, на мой взгляд, стоит все же отказаться от наивной веры в то, множество фактов может быть интерпретировано одним единственным способом¹⁹, так как совершенно очевидно, что на нашу интерпретацию фактов во многом влияет традиция, темперамент и многое другое.

---

¹⁵ См.: Степин В.С. Идеалы и нормы в динамике научного поиска//Идеалы и нормы научного исследования. Мн., 1981. С. 11.

¹⁶ Михайлов А.А. Идеалы науки и философская рефлексия//Идеалы и нормы научного исследования. Мн., 1981. С. 181.

¹⁷ Кант И. Грезы духовидца, проясненные грезами метафизики// Сведенборг Э. О небесах, о мире духов и об Аде. Мудрость Ангельская о божественной любви и божественной мудрости. М., 2003. С.736.

¹⁸ См. Там же С.735.

¹⁹ См.: Попер К.Р. Открытое общество и его враги. Т.2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М., 1992. С. 307.

Проблема соотношения мистического и научного во многом имеет в своей основе мировоззренческий подтекст, а мировоззрение, как известно, имеющее огромные интерпретативные возможности, отличается тем, что для него невозможно указать четких формальных или эмпирических критериев и стандартов. Трансформация стандартов научности, сопряженная с осознанием богатства и многообразия человеческого опыта, тенденции к меж- и трансдисциплинарности позволяют нам говорить, в отличие от прямолинейных классических и антагонистических моделей решения данной проблемы, о возможности определенного соприкосновения и творческого диалога по данной проблеме мистической и научно-философской позиций, диалога нацеленного, прежде всего, на эффективное решение всевозможных нужд и запросов человечества. Знание, получаемое мистиком в акте откровения совершенно нельзя считать бесполезным, и тем более бессмысленным, напротив, как показывает историческая практика, многими достижениями культуры мы обязаны именно идейным аспектам мистицизма. Мистический опыт при всей своей направленности в область запредельного «сверхреального», все же в значительной степени остается направленным и на самого человека, на его сознание, его культуру, и в этом мистицизм не противоречит науке, которая также стремится изменить человека в сторону наибольшего совершенства.

Содержание

История России средних веков и нового времени

Селихов Е.А.	
Изменения в личном и количественном составе Боярской думы в последнее десятилетие ее существования.....	3
Смирнов М.В.	
Изучение исторического творчества И.П. Елагина в отечественной науке.....	9
Сергеев В.В.	
Кавказский покррой. Мундиры полицейских органов в кавказском регионе. 1850-е годы.....	14
Новикова Е.Ю.	
Учреждение мировых судов в г. Москве в 1860-е годы.....	18
Дехтевич О.И.	
Секта хлыстов: специфика мировоззрения (вторая половина XIX – начало XX вв.).....	27
Тихонов В.В.	
Неизвестные страницы из истории общественной деятельности Б.И. Сыромятникова (н. 20 в.).....	35
Демин В.А.	
Государственный совет России (1906-1917 гг.): проблемы историографии.....	41
Юдаева Н.В.	
Михаил Михайлович Карпович: русский историк в Америке.....	52
Сайтанов С.В.	
Периодизация отечественной историографии изучения анархизма П.А. Кропоткина.....	59

Новейшая история России

Санькова С.М.	
Степень самостоятельности идей, проводимых изданиями М.Н. Каткова. Историографический аспект.....	71
Михайлов М.Э.	
О причинах увольнения митрополита Макария (Невского) с московской кафедры в 1917 году.....	77
Шевченко И.А.	
Униформа Красной Армии в период Гражданской войны 1918-1922 гг.	82
Федоров С.С.	
Деятельность РОВСа в 1928-1930-е годы.....	86
Курманов Д.В.	
Развитие системы просвещения и образования в национальных районах Московской области в 1930-е годы.....	91
Дмитриев А.С.	
Изменение образа казачества в СССР в 1939 году по материалам газеты «Правда».....	96
Савинова Е.В.	
Проблема националистического движения на территории Брестской области в период Великой Отечественной войны.....	100
Иванова Г.А.	
Леонид Ильич Брежнев: стиль политического руководства как секрет политического долголетия.....	107
Алексеев Д.А.	
Новые источники по истории семьи Тотлебенев.....	114

Севостьянов С.А.	
«Записки» К.Н. Голицына как источник по генеалогии и просопографии.....	119
Кузнецов В.В.	
Геральдика Московского региона в советский период.....	123
Гавриленков С.С.	
Муниципальная геральдика города Москвы.....	126
Братусь Д.В.	
Политический символ: проблемы дефиниции и семантики.....	133

Всеобщая история

Загонкин М.А.	
Титулы королей англосаксов (V-XI в.).....	143
Дмитренко И.В.	
Вклад английского купечества в развитие географии (16 в.).....	149
Лукьяненко Н.А.	
Издание сочинений Пауля Одерборна (16 в.).....	153
Милованов К.Ю.	
Концепция правового государства в философско-исторической мысли французского Просвещения: теоретико-методологические аспекты исследования.....	156
Ниточкин Ф.В.	
Р.Н. Куденхов-Калерги и панъевропейское движение 20-30-х г. XX в.	160
Нагорянский Т.П.	
Причины депопуляции стран Европы.....	163
Ляпин А.В.	
ООН и «Буря в пустыне».....	167
Храмков С.П.	
Общественно-политическая мысль о глобализации и ее последствиях.....	171

Политические науки

Уклеев А.В.	
Правовая модель взаимодействия политики и государственной службы в России.....	178
Гришина Т.А.	
Утверждение гражданского общества и правового государства как важнейшее условие развития демократической политической культуры.....	183
Савинов М.В.	
Проблема соотношения научного и мистического.....	189

Для публикации научных работ в выпусках серий «Вестника МГОУ» принимаются статьи на русском языке. При этом публикуются научные материалы преимущественно докторантов, аспирантов, соискателей, преподавателей вузов, докторов и кандидатов наук.

Требования к оформлению статей:

- документ MS Word (с расширением doc);
- файл в формате rtf;
- текстовый файл в DOS или Windows-кодировке (с расширением txt).

Файл должен содержать построчно:

на русском языке	НАЗВАНИЕ СТАТЬИ – прописными буквами Фамилия, имя, отчество (полностью) Полное наименование организации (в скобках – сокращенное), город (указывается, если не следует из названия организации) Аннотация (1 абзац до 400 символов) под заголовком Аннотация
на английском языке	НАЗВАНИЕ СТАТЬИ – прописными буквами Имя, фамилия (полностью) Полное наименование организации, город Аннотация (1 абзац до 400 символов) под заголовком Abstract
на русском языке	Объем статьи – от 15 000 до 40 000 символов, включая пробелы Список использованной литературы под заголовком Литература

Формат страницы – А4, книжная ориентация. Шрифт Arial, цвет шрифта черный, размер не менее 14 пунктов, междустрочный интервал – полуторный.

Форматирование текста:

– **запрещены** любые действия над текстом («красные строки», центрирование, отступы, переносы в словах и т.д.) **кроме** выделения слов полужирным, подчеркивания и использования маркированных и нумерованных (первого уровня) списков;

– **наличие рисунков, формул и таблиц** допускается только в тех случаях, если описать процесс в текстовой форме невозможно. В этом случае каждый объект не должен превышать указанные размеры страницы, а шрифт в нем не менее 12 пунктов. Возможно использование только вертикальных таблиц и рисунков. Запрещены рисунки, имеющие залитые цветом области, все объекты должны быть черно-белыми без оттенков. **Все формулы** должны быть созданы с использованием компонента **Microsoft Equation** или в виде четких картинок;

– **запрещено уплотнение интервалов;**

– **при нарушении требований** объекты удаляются из статьи.

Абзацы должны быть отделены друг от друга пустой строкой (дополнительным «Enter»).

Обращаем особое внимание на *точность библиографического оформления* произведений печати в «Примечаниях» (литература в конце текста), на *выверенность статей* в компьютерных наборах и *полное соответствие* файла на дискете и бумажного варианта!

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей, хотя с точки зрения научного содержания авторский вариант сохраняется. Статьи, не соответствующие указанным требованиям, решением редакционной коллегии серии не публикуются и не возвращаются (почтовой пересылкой).

В случае принятия статьи условия публикации оговариваются с ответственным редактором.

Ответственный редактор серии «История и политические науки» – декан факультета истории, политологии и права МГОУ, доктор исторических наук, профессор Смоленский Николай Иванович.

Адрес редколлегии серии «История и политические науки» «Вестника МГОУ»: 105005, г. Москва, ул. Фридриха Энгельса, д. 21а, МГОУ, кафедра истории России средних веков и нового времени, комн. 111. Телефон 8(495)265-18-18.

ВЕСТНИК
*Московского государственного
областного университета*

Серия
«История и политические науки»

№ 2

Подписано в печать: 18.12.2006.
Формат бумаги 60x86 /₈. Бумага офсетная. Гарнитура «NewtonС».
Уч. — изд. л. 12,25. Усл.п.л. 9,25. Тираж 500 экз. Заказ № 243.

Издательство МГОУ
105005, г. Москва, Радио, д. 10а,
т. 2564163, факс 2654162.